

ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 58

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК СОЗНАНИЕ КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 58

*Сборник научных статей
по материалам конференций
«Полифония большого города – 7, 8»*

МОСКВА – 2018

УДК 81

DOI 10.29003/m222.lmc2018-58/1-148

ББК 81

Я410

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Р е д к о л л е г и я :

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук И.В. Зыкова, доктор филол. наук А.И. Изотов,
доктор филол. наук В.В. Красных, доктор филол. наук Е.Ю. Мягкова

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2018. –
Вып. 58. – 148 с.
ISBN 978-5-317-05990-3

Сборник содержит статьи, написанные по материалам конференций «Полифония большого города – 7: проблемы социализации в современном мире» и «Полифония большого города – 8: культурные константы и национальная идентичность в условиях глобализации и современных технологий», которые проводились в 2016 и 2017 гг. филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Московской международной академией.

Сборник предназначается для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: русистика, социалингвистика, психоллингвистика.

УДК 81

ББК 81

Language - Mind - Communication. Issue 58 / Krasnykh, V.V.;
Izotov, A.I. (Eds). - Moscow: MAKS Press, 2018. - 148 p.

The present issue includes articles which are written on the materials of conferences “Polyphony of Big City – 7, 8” and consider the most important problems of Russian studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, sociolinguistics, psycholinguistics.

ISBN 978-5-317-05990-3

© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<i>Бубнова И.А.</i> Языковой ландшафт мегаполиса и проблемы современного российского общества: явные и скрытые связи = <i>Bubnova I.A.</i> Megalopolis Language Landscape and Problems of Modern Russian Society: Obvious and Hidden Connections	5
<i>Казаченко О.В.</i> Аксиоконцепты: к определению понятия = <i>Kazachenko O.V.</i> The Definition of Axiocconcept	14
<i>Лазуткина Е.М.</i> Мишени глобализации: от прагматикона языковой личности – к менталитету нации = <i>Lazutkina E.M.</i> Targets of Globalization: From the Pragmatic Level of Language Personality – to the Mentality of Nation	20
<i>Левитский А.Э.</i> Концепт-топоним <i>ЧЕРНОБЫЛЬ</i> как отражение информации о мёртвом городе = <i>Levitsky A.E.</i> Toponymic Concept <i>CHERNOBYL</i> : Information of the Dead City Represented.....	31
<i>Мягкова Е.Ю.</i> Значения слов, обозначающих «константы русской культуры», в изменяющихся условиях социализации = <i>Myagkova E.Yu.</i> Words Denoting “Cultural Constants” Under Changing Socialization Conditions.....	45
<i>Мягкова Е.Ю., Мкртычян С.В.</i> Отсутствие чувства языка как симптом функциональной неграмотности = <i>Myagkova E.Yu., Mkrtychian S.V.</i> Feeling for Language As a Feature of Functional Illiteracy	55
<i>Оглезнева Е.А., Парыгина И.А., Чжан Синьянь</i> Современный сибирский город: особенности языковой ситуации (на примере города Томска) = <i>Oglezneva E.A., Parygina I.A., Zhang XinYan</i> Modern Siberian City: Peculiarities of Linguistic Situation (Case Study of Tomsk)	67
<i>Яковлева Е.А., Исмагилова А.Ф.</i> Язык рекламы как часть урботекста поликультурного города (на примере Уфы) = <i>Yakovleva E.A., Ismagilova A.F.</i> Language of Advertising As a Part of Multicultural City Urbotext (Case Study of Ufa).....	75

<i>Ян Минтянь</i> Понятие концепта и концептуальный анализ: к вопросу о компаративной концептологии = <i>Yang Mingtian</i> Concept and Concept Analysis: On Comparative Conceptology	81
<i>Янь Кай</i> Культурно-национальная специфика лексикографического описания наименования эмоции радости в русском языке на фоне китайской лингвокультуры = <i>Yang Kai</i> Cultural and National Specificity of Lexicographic Description of the Emotion of Joy in Russian Against the Background of the Chinese Linguoculture	100
<i>Изотова А.А.</i> Видение как символ в произведениях В. Вульф и У.С. Моэма = <i>Izotova A.A.</i> Vision as a symbol in the works of V. Woolf and W.S. Maugham	112
<i>Изотова А.А.</i> Образы цветка и птицы в произведениях В. Вульф и А.Мердок = <i>Izotova A.A.</i> Images of flower and bird in the works of V. Woolf and I. Murdoch.....	121
<i>Изотов А.И.</i> Языковая ситуация в чешской республике и эволюция понятия литературности в чешской лингвистике = <i>Izotov A.I.</i> Language situation in the Czech Republic and the evolution of the term Literariness in the Czech Linguistics.....	131
Людовик Жанвье Ludovic Janvier.....	138
Екатерина Белавина. Стихи из сборника «Игрушки слов Флориану»	139
Авторы выпуска / Authors	145

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ МЕГАПОЛИСА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ СВЯЗИ

И.А. Бубнова

MEGALOPOLIS LANGUAGE LANDSCAPE
AND PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY:
OBVIOUS AND HIDDEN CONNECTIONS

I.A. Bubnova

ABSTRACT

The article focuses on specific features of modern Moscow language landscape. The city language is proved to be a typical Metrolanguage actively used nowadays to create a new type of personality – a *global man*. Specific examples demonstrate the process of constructing a metroethnic personality. The hidden connections between the language landscape of the metropolis and the younger generation's uncertainty in their future are analyzed. It is suggested that the Metrolanguage, influencing a person, stimulates the development of an internal psychological conflict (obvious and hidden) causing insoluble contradictions in young generation's conscience between the life styles imposed on and the real ones. Possible types of strategies dependent on a system of personal life-purpose orientations and chosen by an individual young man to remove frustration are considered. The main ideas of the article are illustrated with specific examples and experimental data.

Key words: Moscow language landscape; Metrolanguage; Metroethnicity; a global man; life style; psychological conflict; strategies; frustration

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются специфические черты языкового ландшафта современной Москвы. Доказывается, что в настоящее время язык города представляет собой типичный *метроязык*, активно используемый для создания нового типа личности – *человека глобального*. С помощью конкретных примеров демонстрируется процесс конструирования *метроэтнической личности*. Анализируются скрытые связи между языковым ландшафтом мегаполиса и неуверенностью молодого поколения в своем будущем. Высказывается предположение, что метроязык, воздействуя на человека, стимулирует развитие внутреннего (осознаваемого либо скрытого) психологического конфликта, связанного с неразрешимыми противоречиями, в которые вступают навязываемый извне и реальный образы жизни подавляющей части молодежи. Рассматриваются возможные типы стратегий, обусловливаемых системой индивидуальных смысложизненных ориентаций и выбираемых отдельным молодым человеком для снятия фрустрации. Основные положения статьи иллюстрируются конкретными примерами и экспериментальными данными.

Ключевые слова: языковой ландшафт Москвы, метроязык, метроэтничность, человек глобальный, образ жизни, психологический конфликт, стратегии, фрустрация

Типичные черты молодого поколения нашего времени обсуждаются сегодня не только в научном сообществе, но и самыми обычными людьми, не имеющими никакого отношения науке. К примеру, оживленные дебаты по поводу современных нравов ведутся в блогосфере, где весьма популярен текст с несколькими цитатами о молодежи, приписываемыми Гесиоду, Сократу, неизвестному древнеегипетскому жрецу и некоему безымянному человеку, слова которого были начертаны на глиняном горшке, найденном не так давно среди развалин древнего Вавилона. Сегодня трудно сказать, насколько правомерно считать авторами именно этих людей (речь идет, прежде всего, о Гесиоде и Сократе), но в данном случае для нас интерес представляет иной аспект затрагиваемой многими участниками дискуссии проблемы: исторический период, к которому относят то или иное изречение. Так, утверждают, что слова о близком конце мира, достигшем в результате непослушания детей критической стадии, написаны 2000 лет до н. э., пророчество о «младом поколении сегодняшнего дня», которое «не сумеет сохранить нашу культуру» и фраза об отсутствии веры в будущее («Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления») датируются примерно 3000 г. и серединой 700-х годов до н. э. соответственно. Иначе говоря, это годы значительных потрясений в истории развития человечества: упадок и последовавший за ним распад единого египетского государства, которое было воссоздано на развалинах Древнего Царства, падение Вавилона – столицы государства, объединявшего всю Нижнюю и часть Верхней Месопотамии и просуществовавшего лишь на протяжении жизни одного поколения, конец периода Архаики в Древней Греции. И если посмотреть на обсуждаемую проблему с этой точки зрения, то можно предполагать, что дошедшие до нас высказывания о падениях нравов среди молодежи – это лишь одна из сторон размышлений живущих в то время людей, предвидевших грядущие потрясения и связывающих их с кардинальными изменениями во взглядах и поведении новой генерации людей, появившихся в определенный исторический период в той или иной стране.

Если обратиться к современности, то следует отметить, что изменения, происходящие в российском обществе, и, в частности, в сознании человека, его моральных и нравственных приоритетах, системе смысловых ориентаций, привлекают внимание ученых не в меньшей степени, чем представителей иных профессиональных сообществ и социальных групп, причем ведутся они достаточно интенсивно в самых разных научных направлениях. С точки зрения развиваемых сегодня неопсихолингвистики / психолингвистики личности и психолингвокультурологии [(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология

2017], как и иных когнитивно ориентированных сфер лингвистического знания, одной из наиболее актуальных проблем современности является проблема изменения индивидуального *образа мира* и *образа жизни* личности, реформативирования мировоззренческих основ этноса, определявших на протяжении веков национальную идентичность каждого его представителя.

Все эти вопросы тесно связаны с феноменом глобализации, представляющим собой не просто процесс сближения и роста взаимосвязей наций и государств мира, но, прежде всего, процесс пересмотра и переосмысления культурных констант, в течение тысячелетий объединявших людей в единую нацию. Внешне такой пересмотр выражается, прежде всего, в изменении символов, ритуалов, церемоний, названий улиц и городов, постепенной смене номенклатуры прецедентных феноменов, появлению смешанного языка в самых разных видах дискурсивных практик, в том числе в языковом ландшафте, и т. д. Все это позволяет исследователям рассматривать глобализацию как феномен символического порядка, как «захвативший весь мир процесс трансформации символов и символических форм, в ходе которого опровергаются, подтверждаются, и/или переопределяются существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, конституирующие общество и институционализированные в двух основных измерениях – социально-эпистемологическом и структурно-институциональном» [Кардонова 2007: 12–13].

С выводами автора приведенной выше цитаты можно полностью согласиться, тем более что и результаты экспериментальных работ, проведенных в последние десятилетия в рамках психолингвистики, красноречиво свидетельствуют: в современной России на смену личности, без внутренних сомнений идентифицирующей себя как носителя русской культуры, постепенно приходит *человек глобальный*, главными характеристиками которого являются невероятная гибкость, использование английского языка, отсутствие собственной идентичности и способность легко адаптироваться к условиям жизни в любом мегаполисе. Именно этот новый тип человека, «ориентированный лишь на “индивидуальный жизненный проект” с гедонистическим уклоном и не отягощённый национальной идентичностью» [Кирилина 2012], как утверждают некоторые ученые, должен заменить *человека национального* в грядущем глобальном обществе (см., например, [Maher 2005, 2010]). И такие прогнозы, как представляется, имеют под собой веские основания, по крайней мере следует признать, что такой человек активно создается сегодня в нашей стране с помощью языка, выступающего главным средством конструирования новой социальной реальности.

Подчеркнем, что метроэтничность, изначально определяемая самим автором этого термина как вид «постэтнического состояния, когда и большинство, и этнические меньшинства играют этничностью (не обязательно своей собственной) исходя из эстетического чувства» [Maheг 2005: 34], причем «такая игра включает пересечение культур, заимствование элементов, разного рода смешения» [Там же], сегодня является тем качеством личности XXI века, которое активно культивируется в различных типах дискурса, объединяемых их непосредственной связью с глобализационными процессами. Метроэтничность, как замечает Дж. Майер, создается в деятельности, при этом абсолютно неважно, являются ли ее создатели большинством или меньшинством. Главное – это цель, которая формулируется ее субъектами как реализация мультикультурности, культурной / этнической толерантности и мультикультурных стилей жизни, особенно в том, что касается дружбы, музыки и искусства, еды и одежды [Maheг 2010: 582]. Основным характерным признаком метроэтничности является то, что она «отбрасывает логоцентричные метанарративы традиционной этничности. Она создает игровую этничность, не связанную или слабо связанную с “настоящей” этнической принадлежностью. Это скорее поверхностные знаки, вокруг которых собирается этническая группа, чтобы сконструировать **внутренне значимое самописание**» [Maheг 2010: 584], осуществляемое на **смешанном языке** (метроязыке, по Дж. Майеру) (выделено нами – *И.Б.*).

Именно такой смешанный язык, в котором английский соседствует с далеким от нормы русским, доминирует сегодня в языковом ландшафте Москвы: в названиях жилых комплексов, дорогих салонов красоты, детских и взрослых спортивных и досуговых центров, расположенных в центре мегаполиса. Реклама всех этих объектов и услуг настолько изобилует англицизмами, что человеку, не знающему английский язык, часто трудно понять ее смысл. Но эти люди и не являются целевой аудиторией. Такая реклама направлена на иных, «культурных потребителей», для которых английское слово уже само по себе есть не только гарантия качества, но и знак иной, престижной жизни, показатель принадлежности к избранным, хотя по сути эти «избранные» представляют собой созданный технологами при помощи метроязыка гранфаллун¹ – бессмысленное объединение людей, основанное на абсолютно несущественных в бытийном отношении критериях. Но сегодня для значительной части общества эти критерии оказываются самыми важными, они лежат в основе конструирования собственной групповой идентичности

¹ Термин, использованный К. Воннегутом в его фантастической сатире «Колыбель для кошки». В настоящее время широко используется в социальной психологии.

и «глобальной» этничности, позволяющей им продемонстрировать свою полную свободу от национальной культуры.

Пропаганда иных ценностей, транслируемых метроязыком Москвы, заложена уже в семантике наименований, причем совершенно неважно, касается ли это жилых комплексов, детских развлекательных заведений, ресторанов, кафе, названий блюд, салонов и процедур, магазинов и т. д.

Главное, чтобы слово или словосочетание сразу отсылало потребителя к жизни «там», к приятному времяпровождению, к некоему кругу «элиты», имплицитно предлагая при этом уже готовый, созданный извне, способ придания смысла жизни.

Именно таким свойством обладают, к примеру, названия многочисленных жилых комплексов с лексемами *Park* или *Friday* (*Green Park, Friday Village, Wellton Park, Friday Park*), вызывающими ассоциации со стабильностью, доходом и покоем, уединенностью, комфортом, удовольствиями, определенной системой ценностей, выстроенной вокруг собственного я. Однако одно только название не всегда может подчеркнуть отличие обитателей элитного жилья от других людей, поэтому – для еще большего укрепления связей внутри гранфаллуна и выделения его среди «безликой массы» – членам выдуманного сообщества задается четкое представление о нужном стиле и ожидаемом от них образе жизни²: *«действуют все объекты инфраструктуры (супермаркет, детский клуб, ресторан, СПА-зона, панда-парк, теннисный корт, спортивные и игровые площадки), работают охрана и служба эксплуатации», «Для тех, кто ценит личный комфорт и личное пространство, сегодня существует способ окружить себя и свою семью спокойствием и достойным обществом. Жизнь за городом, это тот случай, когда место обитания человека, в буквальном смысле слова, отражает высоту его положения. Нужно лишь выбрать, где жить!», «Не любите уборку? У нас налажен безупречный клининговый сервис. Не желаете видеть непрошенных гостей? У нас есть собственная охрана, которая не пропустит незваных визитеров»* [выделено нами – И.Б.].

Не менее показательны в этом отношении детские развлекательные центры с английскими названиями – *Laserland, Holiday Kids, Club Monkey, Бэби Тайм, Events for friends* – и с рекламируемыми «райскими» «внеземными» развлечениями, наиболее популярным из которых являются игры-бои, где главный приз дается за «убийство» соперника. Собственно, и те, кто отвечает за организацию досуга на сегодняшний день детских праздниках, представляют героев отнюдь не из русских сказок, тех, кто традиционно вступает в борьбу со злом и выходит победителем. Так, команда аниматоров в одном из самых известных детских центров

² Во всех приводимых примерах сохранено оригинальное написание.

Москвы состоит из *Леди Баг* и *СуперКота*, черепашек-ниндзя, свинки *Пенны* и *Джорджа*, аниматоров *Hello Kitty*, *Монстра Хай* и нескольких *Энгри Бердз*, а предлагают они организацию квестов (большим успехом пользуется квест «Охотники за приведениями»), весёлых заездов маленьких привидений на гироскутерах, мастер-классов *hand made* по тыкве, после которых каждый может унести с собой свое творение – светильник Джека. Иными словами, с раннего детства ребенка приучают к иноязычной лексике и чужим традициям, что затем закрепляется в процессе обучения, так что во взрослую жизнь уже входит личность, разделяющая нормы иной (как правило, англо-саксонской) культуры.

Список этих примеров «глянцевой» жизни Москвы внутри Садового кольца и около него можно продолжать бесконечно, причем все они подтверждают, что «смешение языков стало выполнять функцию выражения групповой идентичности. Смешанный язык выбирается сознательно – как особый сленг – для конструирования своей групповой идентичности, в которую входит и этничность» [Кирилина 2013: 23], и таким образом успешно «создается новая система убеждений и социальных поведенческих образцов» [там же: 24].

Однако проблема не исчерпывается только созданием новой идентичности, у нее есть и еще одна сторона, которая представляется не менее важной для современного российского общества. Очевидно, что предлагаемый (и навязываемый) метроязыком мегаполиса *образ жизни* доступен только для очень узкого круга людей, тех, кого условно можно отнести к среднему классу. Социологи считают, что к этому слою общества в России относятся люди молодого и среднего возраста, которые в состоянии без больших усилий обеспечить свою семью жильем адекватной площади в городе, где располагается рабочее место кормильца семьи. При этом эти люди могут проводить отпуск с семьей за границей хотя бы раз в год и имеют (возможность купить) автомобиль. Этим критериям на 2015 год отвечали только 10% российского населения, включая 5% богатейших семей, все остальные относились либо к бедным, либо живущими за чертой бедности. Сегодня данное положение изменилось, но в худшую сторону.

Собственно, о том, как разделено наше общество, для кого и что оно предлагает, свидетельствует и язык мегаполиса: чем дальше от центра, тем меньше английских наименований: «*Наследие*», «*Время*», «*Дом в Кусково*», «*Дом на Вешняковской*», «*Лидер на Семеновской*», «*Золотая Звезда*», «*Время*», «*Мой адрес На Амурской 54*», «*ИзМай.ЛовО*» – вот типичные названия жилых комплексов не для «элиты нашего общества». Если и остался в названии «*парк*», то это уже не английский «*Green Park*», а русское «*Саларьево-парк*», а *Level* в сочетании «*Level Амурская*» отсылает только к застройщику, но никак не к уровню жиз-

ни. Это жилье, как и многочисленные магазины «*Пятерочка*», «*Копейка*», «*Смешные цены*», ларьки «*Шаурма*» и «*Пиво*», парикмахерские «*Эконом*» – для другой части народа, и сам язык явно маркирует социальный статус и недвусмысленно указывает на жизненные перспективы обитателей этих районов.

И в этой ситуации вполне правомерно возникает следующий вопрос: насколько нормальной считают окружающую реальность живущие здесь люди? Очевидно, что сами условия, в которых оказалось большинство, заставляют человека реализовывать особый *образ жизни*, выстраивая его на «стыке» двух культур: «глобальной» и той, которая сложилась здесь столетиями. И в этом случае каждый осознанно или бессознательно может реализовывать различные стратегии:

1. Человек может стараться копировать *образ жизни*, навязываемый метрополитом, что неизбежно приведет к неразрешимым противоречиям, т. к. представления о желаемом находятся в жестком конфликте с реальностью, о чем ему, в том числе, постоянно напоминает и язык. Развитие такого внутреннего конфликта может идти двумя путями: либо через отторжение этого мира и принятие решения об отъезде, либо через уход в воображаемую реальность и развитие «сценария виртуальной жизни». Именно это происходит с огромным числом молодых людей, которые предпочитают проводить время в интернете, объясняя это тем, что жизнь в реальности требует значительного количества денег, зарабатывать которые невозможно (времяпровождение в интернете связывают с невозможностью проводить его так, как предлагает социум через СМК, рекламу и т. д., 43% опрошенных нами респондентов). Не менее часто молодежь выражает желание уехать из России, считая, что здесь у нее нет будущего (по данным нашего собственного ассоциативного эксперимента 48% респондентов из 68 участников на стимул *будущее* дали реакцию *нет* или ее варианты, а 38% мечтают уехать, и эта цифра может быть значительно выше, если учитывать, что часть испытуемых дает социально желательные ответы).

2. Стратегия гармонизации отношений с окружающим миром заключается в поисках своего социального круга, занятий, совпадающих с мировоззренческими установками, отказ от стереотипов, навязываемых обществом. Однако такая трансформация собственной личности требует развитого мышления, системы смыслозначимых ориентаций, выстраиваемой в процессе собственной деятельности, умения ставить важные для индивида цели и воли для их реализации, а воспитание этих качеств не считается приоритетной целью образования. Вероятно, именно с этим связано и значительно более низкое, по сравнению с желающими уехать из России навсегда, число тех, кто пытается жить в гармонии с собой и миром: по результатам эксперимента их всего 17%.

3. Стратегия мировоззренческой трансформации, когда психологическое напряжение, создаваемое фрустрированными потребностями, снимается в процессе рефлексии и выработки плана деятельности. Какая часть молодежи выбирает данную стратегию сегодня, сказать трудно, однако все всякого сомнения, эта стратегия тоже используется молодыми людьми, что подтверждается анализом содержания авторских блогов и роликов в интернете.

В целом даже весьма поверхностное исследование взаимосвязи языкового ландшафта нашего города и его связей с социальными проблемами современного российского общества подтверждает, что язык современной Москвы явно отражает внутреннее деление его жителей на социальные страты и, одновременно, направлен на формирование метрорэнтничной личности, т. е. на разрушение национальной культуры и традиционного *образа мира*.

Следует подчеркнуть, что эти проблемы уже давно оказалась в фокусе внимания российских лингвистов, поэтому они обсуждаются достаточно интенсивно и на научных форумах, и в СМК.

Однако при этом в стороне остаются не менее важные вопросы, среди которых и вопрос о «скрытой» связи языка мегаполиса, *образа жизни* и выбора жизненных стратегий молодым поколением. И здесь необходимо особо подчеркнуть, что даже результаты пилотажных экспериментов позволяют утверждать, что вклад языкового ландшафта в создание условий для возникновения внутреннего конфликта, связанного с противоречиями между рекламируемым и действительным *образом жизни*, как и его влияние на выбор жизненных стратегий, которые молодежь применяет в поисках выхода из создавшейся ситуации, не вызывает сомнений. Мы убеждены, что эти проблемы сегодня требуют самого пристального внимания, так как игнорирование субъективной активности молодых людей, направленной на действие «здесь и сейчас», может иметь непрогнозируемые результаты. И здесь, как представляется, весьма уместно вернуться к одной из цитат, с которой начинались наши рассуждения: «Наш мир достиг критической стадии». И чем внимательнее будет отношение к языку, к его употреблению, изучению и пониманию его роли в нашей жизни (это касается, прежде всего, молодежи), тем более предсказуемым будет наше будущее.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Кардонова И.А. Глобализация как социокультурная трансформация институциональная перспектива: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Иркутск, 2007. – 22 с.
2. Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков [Электронный ресурс] URL: <http://lgz.ru/article/N5--6356---2012-02-08-/Globalizatsiya-i-sudy.> Дата последнего обращения – 21.02.2018.

3. *Кирилина А.В.* Концепции языка в эпоху глобализации // Вестник Московского института лингвистики. 2013, № 1. С. 17–30.
4. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. / Авторы: И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева /под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. – 392 с.
5. *Maher J.C.* Metroethnicity, language, and the principle of Cool // International Journal of the Sociology of Language. Volume 2005, Issue 175–176. P. 23–102. Published Online: 2005-10-26 | DOI: <https://doi.org/10.1515/ijsl.2005.2005.175-176.83>. URL: <https://www.degruyter.com/view/j/ijsl.2005.2005.issue-175-176/ijsl.2005.2005.175-176.83/ijsl.2005.2005.175-176.83.xml>. Дата последнего обращения – 28.02.2018.
6. *Maher J.C.* Metroethnicities and Metrolanguages // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 575–591.

АКСИОКОНЦЕПТЫ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

О.В. Казаченко

THE DEFINITION OF AXIOCONCEPT

O.V. Kazachenko

ABSTRACT

The author proves the necessity of implementing the specific type of concepts, calling them axioconcepts. They are included in the conceptual field of the national language. Axioconcept is nationally determined and has subjective acceptance. As part of the concept sphere of linguistic identity, axioconcept is dynamic, variable over time in accordance with person's experience. Axioconcept in its verbalized or non-verbalized forms affects people's behavior.

Key words: axioconcept; concept; linguistic personality; value

АННОТАЦИЯ

Автором обосновывается необходимость выделения специфических концептов – аксиоконцептов, входящих в концептуальные поля национального языка. Аксиоконцепты национально и субъективно обусловлены. Будучи составной частью концептосферы языковой личности, аксиоконцепт представляет собой динамичное образование, способное меняться со временем в соответствии с накопленным опытом. Аксиоконцепты проявляются не только в языковом сознании личности, но в своей вербализованной или невербализованной формах влияют и на ее поведение.

Ключевые слова: аксиоконцепт; концепт; языковая личность; ценность

Антропоцентрическая парадигма в науке, выделяющая человека в качестве «венца творения» и меры всего существующего, на современном этапе развития дополняется одним очень важным аспектом – аксиологическим, поскольку, выражаясь словами М.М. Бахтина «в абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно самое сознание» [Бахтин 1979: 126].

Ценности представляют собой довольно сложные ментальные образования, выражающие значимость чего-либо для человека. Сложность их проявляется в неявном характере, поскольку они могут быть невербализованными вовне. «Новая философская энциклопедия» определяет ценность именно в этом ключе, как одну из понятийных универсалий философии в своем наиболее общем виде обозначающую невербализуемые «атомарные» составляющие глубинного интенционального уровня структуры личности в единстве ее устремлений, переживаний и воспоминаний, то есть в соединении прошлого, настоящего и будущего, конструирующих внутренний мир человека как «уникально-субъективное

бытие» [НФЭ 2001: 321]. Следует отметить, что ценности не только являются мерилем человеческой жизнедеятельности в категориях «хорошо – плохо», но и являются императивами определённого поведения. Несмотря на существование некоторых неосознаваемых ценностей, хранящихся на подсознательном уровне личности, в коллективном бессознательном (термин К. Юнга), или в ноосфере (термин В.И. Вернадского), существуют вполне осознанные ценности, репрезентирующиеся в концептах национального языка и в соответствующих им лексико-семантических полях, называемые аксиоконцептами или аксиологическими концептами.

Для начала определимся с понятием концепт. С конца XX века в терминологию лингвистики вошел новый элемент «концепт» в его современной интерпретации. Однако еще в 1928 году в своей работе «Концепт и слово» С.А. Аскольдов-Алексеев писал, что «вопрос о природе общих понятий или концептов – по средневековой терминологии универсалий – старый вопрос, давно стоящий на очереди, но почти не тронутый в своем центральном пункте. Общее понятие, как содержание акта сознания, остается до сих пор загадочной величиной – почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре, происходящем при быстром произнесении таких слов, как “тысячеугольник”, “справедливость”, “закон”, “право” и т. п.» [Аскольдов 1997: 269]. Он определяет концепт как некое обобщенное мысленное образование множества подобных предметов, отличая его от понятия, к которому относит отношение или точку зрения на это множество, а также готовность к его мысленной обработке [Там же].

К такому полисемантическому термину как концепт существует обобщенно пять подходов, выделенных А.В. Крюковым: концепт-заместитель (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, П.В. Чесноков, Е.С. Кубрякова), концепт-представление (А. Вержбицкая), концепт-посредник (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова), концепт-квант (Ю.Н. Караулов, З.Д. Попова, И.А. Стернин) и концепт-комплекс (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, С.Х. Ляпин) [Крюков 2005: 18]. Именно в составе последнего выделяются помимо образного и понятийного элементов, аксиологический или ценностный компонент. Эта трехмерная модель концепта основана на принципах языкового освоения мира, включающие выявление актуального, значимого (а потому переживаемого) фрагмента опыта (ценностное измерение), освоение его в виде чувственного восприятия (образное измерение) и объяснение этого фрагмента (понятийное измерение).

На валоротивный, или оценочный, компонент концепта, наряду с образным и понятийным, компоненты указывают многие исследователи ([Алефиренко 2003; Голубовська 2004; Воркачев 2004; Карасик 2002;

2005; Мартинюк 2009; Сафонова 2003; Степанов 1997] и др.). Именно на основании наличия ценностного фактора А.Н. Приходько приходит к выводу, что «понятие становится лишь тогда концептом, когда оно валоризируется, т. е. обрастает определенными ценностными ассоциациями» [Приходько 2013: 19–20].

Некоторые словарные определения позволяют выявить наднациональную оценку, поскольку именно в языке можно найти коллективные или общенациональные оценки, в то время как в речи отражены социальные, групповые и индивидуальные значимости. В зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе одни и те же концепты могут иметь положительную или отрицательную окраску. Ср., *господин, советский, демократия, Запад, эгоист* и др. Таким образом можно утверждать, что в концепте существует аксиологическая составляющая, которая в соответствии с опытом личности, может становиться доминантной. Иными словами, существует поляризация слов и концептов по аксиологическому принципу.

Несмотря на неоднозначность трактовки концепта, многие исследователи сходятся во мнении, что он связан со смыслом, представляя собой идеальное содержание понятия. Это «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [Залевская 2001: 39] входит в образ мира человека, который отчасти универсален, а отчасти национально специфичен. Исследователи накопили довольно большой пласт эмпирических данных позволивших определить у концептов ценностные характеристики в том или ином фрагментах мира (М.В. Пименова, Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев). «Главная составляющая концепта – ценность (важность, значимость, полезность чего-либо)» – так считает А.Н. Приходько, поясняя свой аргумент тем, что ценность основывается на субъективной оценке определенных свойств объектов, с которыми сталкивается человек в своей жизнедеятельности [Приходько Указ. соч.].

Аксиологически «заряженные» концепты формируют аксиоконцептосферу человека, входящую в образ его мира. На это обращал внимание Ю.Н. Караулов, когда писал о «начале» языковой личности, о том первом уровне (после нулевого), на котором идет «выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Караулов 2010: 36]. Понятие аксиоконцепта является новым в лингвистике и на сегодняшний день, в основном, исследователи изучают его в аспекте персонажной речи (см. диссертацию С.Ф. Дзукоева [Дзукоев 2008]). Аксиоконцепт определяется как целостное единство ценностных смыслов (Л.Ю. Буянова, С.Ф. Дзукоев). Однако нам представляется необходимым изучение данного феномена на концептуальном уровне языковой личности.

Как известно, языковая личность (ЯЛ) представляет собой уровневое образование, которое включает в себя семантический, когнитивный и прагматико-мотивационный. Самым высшим является прагматический уровень, и именно к нему, по нашему мнению, принадлежат аксиоконцепты, поскольку именно они репрезентируют и совмещают в себе ценности (антиценности) в языковом сознании человека. Типология ЯЛ может строиться на разных основаниях: конкретной и обобщенной ЯЛ. В случае с конкретным вариантом ЯЛ мы имеем дело с определенным идиолектом (например, Ф.М. Достоевского), а обобщенная ЯЛ жидется на четырех признаках, которые обычно положены в основу выделения: лингвистический, психологический, социологический, культурологический [Карасик, Ярмахова 2003].

На базе волгоградского государственного педагогического университета существует научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика» (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Н.А. Красавский, О.В. Лутовинова, Г.Г. Слышкин, Е.Я. Ярмахова). Кроме того, в стадии становления находится новое направление лингвистических исследований – лингвистическая аксиология (Е.В. Бабаева, Н.П. Антипов, Л.Г. Викулова, Н.Н. Казыдуб, Ю.А. Ладыгин, С.Н. Плотникова, Е.Ф. Серебренникова, Е.И. Шейгал). Изучение языка в аксиологическом подходе предполагает выявление ценностей конкретной ЯЛ, а также коллективного бессознательного (ЯЛ в широком понимании) в рамках национальной культуры, позволяющее выявлять специфичные признаки этнической культуры.

На наш взгляд, стоит различать концепты и аксиоконцепты. Последние конечно же являются составной частью всей концептосферы как отдельной ЯЛ, так и национального языка, однако же их отличает направленность не просто на номинирование и репрезентацию объектов реального мира в сознании, но и на влияние на поведенческие реакции человека. С.Г. Воркачев следующим образом определяет аксиологические концепты: это некие «имена абеляровских духовных ценностей – мировоззренческих универсалий (“красота”, “свобода”, “вера”, “любовь”, “истина”, “справедливость”, “судьба” и пр.), лингвокультурная специфика которых в достаточной мере трудноуловима, поскольку в них закодированы определённые способы концептуализации мира» [Воркачев 2003: 8].

Следует отметить, что аксиоконцепты, как концепты, не являются данностью, будучи динамичными образованиями они, по мере накопления и расширения опыта, также способны трансформироваться, создавая общую периферию с другими концептами или отдаляясь в разные периоды жизни человека. Как верно отметил С.Л. Рубинштейн, «в связи с восхождением, развитием, становлением всей личной жизни человека

может быть понята история актуализации одних ценностей и ниспровержения других» [Рубинштейн 1973: 370].

Переход феноменологического содержания к вербальной репрезентации осуществляется через средство «треугольника», где ценность, концепт, слово (имя концепта) венчают его вершины.

Аксиоконцепты формируются из знаний и представлений о различных ценностях и вербализируются, в основном, абстрактными существительными (*судьба, тоска, счастье, Родина*), хотя в некоторых случаях возможна и предметно-символическая вербализация (*мать, Москва* и др.). Однако даже в случае с конкретными существительными, аксиологическая компонента имеет право на существование. Так, например, на основании довольно репрезентативной выборки В.П. Васильев доказывает, что у концепта *дождь* можно выделить общую, гедонистическую, утилитарную, эмоциональную, эстетическую оценку, и такой ракурс рассмотрения «позволяет определить их [аксиологических характеристик] роль в организации концептуального содержания и дополнительно оттенить природу концепта, проецирующего на себя когнитивную и ценностную составляющие сознания в их единстве и взаимодействии» [Васильев 2003: 159]. Ценностная компонента также присутствует, по мнению автора, и у концепта *роса* и *иней*.

В нашем понимании аксиоконцепты и аксиологические концепты являются синонимичными понятиями. Н.Д. Арутюнова, Т.В. Писанова в составе аксиологических концептов различают нерасчлененные (общеоценочные) концепты *плохо* и *хорошо*, делящие весь мир на два противоположных полюса, и расчлененные (частнооценочные), на которые человек делит свое представление о таких категориях, как «добро и зло, счастье и несчастье, благо и беду, полезное и вредное, добродетель и порок, успех и провал, <...> приятное и противное, соответствующее его интересам или мешающее ему достигнуть цели» [Арутюнова 1984: 5]. Похожее деление мы находим у Н.Ф. Алефиренко. Он говорит о различении первичных и вторичных знаковых образований. Основу первых составляет смыслообразование в культуре и логические процессы в познавательной деятельности, «где вся семантика сводится к констатации форм различения истины и лжи» [Алефиренко 2002: 69]. Вторичные знаковые образования, при помощи смысловой реконструкции, проявляют значимость, т. е. ценность, предмета мысли. И.В. Привалова считает, что они имеют вторичную природу по отношению к национальной аксиологической структуре, конструкт национальной структуры [Привалова 2006]. Аксиологические концепты являются конструктами национальной структуры и культуры, поскольку они очерчивают «шкалу ценностей, морально-нравственные состояния общества, миро-

воззренческие установки и модели поведения членов этноса» [Форофонтова 2008: 141].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что существуют аксиоконцепты, входящие в концептуальные поля национального языка. Несмотря на неразрывную связь с универсальными понятиями, они национально специфичны и субъективно обусловлены. Как и все концепты, аксиоконцепт представляет собой динамичное образование, способное меняться со временем в соответствии с накопленным человеком опытом. Входя в образ мира, аксиоконцепты способны влиять на поведение личности.

Литература / References

1. *Алефиренко Н.Ф.* Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. 2002, № 2. С. 69–74.
2. *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982 / под ред. д-ра филол. наук В.П. Григорьева. М.: Наука, 1984. С. 5–23.
3. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. – 424 с.
5. *Васильев В.П.* Аксиологическая компонента концепта // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2003, № 4. С. 153–161.
6. *Воркачев С.Г.* Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, векторы развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 70. 2011, № 5. С. 64–74.
7. *Дзукоев С.Ф.* Языковая концептуализация аксиосферы персонажной речи: на материале произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы». Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. – 225 с.
8. *Залевская А.А.* Психологический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: МИОН: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 181 с.
9. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: 2010. – 264 с.
10. *Крюков А.В.* Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. – 176 с.
11. Новая философская энциклопедия в 4-ч томах. Т.4. М.: Мысль, 2010. 736 с.
12. *Приходько А.Н.* Концепты и концептосистемы. Днепропетровск: Белая Е.А., 2013. – 307 с.
13. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973. – 364 с.
14. *Форофонтова Ю.С.* Аксиологический концепт сквозь таксономическую призму (на примере концепта судьба) // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. 2008, Вып. 8. С. 141–146.

МИШЕНИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ ПРАГМАТИКОНА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ – К МЕНТАЛИТЕТУ НАЦИИ

Е.М. Лазуткина

TARGETS OF GLOBALIZATION:
FROM THE PRAGMATIC LEVEL OF LANGUAGE PERSONALITY –
TO THE MENTALITY OF NATION

E.M. Lazutkina

ABSTRACT

XXI century – era of globalization. In various countries consistently pursues a policy of indirect influence, which is part of cultural globalization. The author addresses the problem of preservation and development of the national language.

The process of globalization throughout the world creates, through political pressure, economic conditions and ideology, the factors of the destruction of languages and national culture. The following phenomena can be attributed to such factors: violation of historically established ethical rules of communication, destruction of the dialogue basis of language, non-observance of linguistic norms, denial of prestige of high level of language competence, change of pragmatics of communication, introduction of English-speaking elements into speech practice.

Globalizers seek to destroy the common space of cultural communicative interaction in Russia and spread the thesis that there is no commonly used literary language and functional styles, and the existence of regional variants of the Russian language.

The author believes that a consistent state language policy is needed that promotes the natural development of the national language, as well as the promotion of linguistic knowledge and the culture of speech.

Key words: globalization; literary Russian language; linguistic pragmatics; ethics of communication; mentality of the nation; language policy

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме сохранения и развития национального языка в эпоху глобализации. Автор пишет, что в различных странах агенты глобализации намеренно создают факторы разрушения культуры и национального языка, стремятся уничтожить общее пространство культурного коммуникативного взаимодействия. СМИ стали инструментом проведения политики глобализации. В СМИ нарушаются этические правила общения с адресатом, исторически сложившиеся в обществе, подрывается диалоговая основа языка, формируется неприятие языковых норм и культуры речевого поведения, отрицается престиж высокого уровня языковой компетенции, оказывается негативное влияние на прагматикон языковой личности, в узус внедряются англоязычные речевые образцы. Автор считает, что необходима последовательная государственная языковая политика, способствующая естественному развитию национального языка.

Ключевые слова: глобализация; литературный русский язык; языковая личность; лингвистическая прагматика; менталитет нации; языковая политика

В XXI веке усиливается планетарный процесс глобализации, который создает политико-экономические условия, способствующие разрушению национальных культур и языков, формирует деструктивные тенденции в социуме [Кирилина 2012: 10]. Этот управляемый процесс – часть целенаправленной политики косвенного влияния США, которую называют «культурной глобализацией» [Гладенко 2016]. Ее мишенью является изменение менталитета нации и подчинение государства. В данной статье мы покажем, как происходит вмешательство глобализаторов в естественную жизнь русского языка.

1. МЕНТАЛИТЕТ НАРОДА И ЯЗЫК

По мнению Ю.Н. Караулова, из множества определений менталитета народа (в которых обычно акцентируются социальные, психологические, биологические характеристики и упускаются из вида лингвокультурологические), следует выбрать то определение, в котором менталитет считается способом межпоколенной связи в этносе, основанной на «общерусском языковом типе» [Караулов 2004: 24]. Менталитет проецируется на структуру языковой личности (лексикон, тезаурус и прагматикон) как третий уровень ее организации, ее прагматикон: он неразрывно связан с картиной мира человека, поэтому вводит в поле рассмотрения деятельность говорящего – его интересы, цели, мотивы, систему ценностей, культурные стереотипы и каноны речевого поведения.

Интенция, установки говорящего – замысел в определенном стилистическом ключе – угадываются читателями и слушателями в первую очередь. С этим согласуется схема уровневой структуры языковой личности Ю.Н. Караулова, в которой утверждается, что прагматический уровень представляет собой высший уровень в модели языка, а прагматикон – завершающий уровень языковой личности: соответственно, лексикон и тезаурус автора являются средством выражения и одновременно более низкими уровнями языковой личности [Караулов 1987].

Менталитет народа неразрывно связан с системой языка – национальным смысловым кодом. Лексическая система, вся грамматика, в том числе интонация, морфосинтаксис – это сложившиеся и постоянно складывающиеся стереотипы репрезентации знаний и оценок говорящих. Линейный синтаксис – зона образования смысла в актах речи. Для каждого нового члена социума в ежедневной речевой практике коллективное языковое сознание предстаёт как национальный образ мира, культуры народа [Тарасов 2004; Уфимцева 2011].

Состояние языка, развитие языковой системы связаны с общим уровнем языковой компетенции в социуме и формированием языкового

сознания носителей языка. Эта проблематика чрезвычайно широка, поскольку каждый человек является членом определенного социального страта, и в то же время представителем определенного лингвокультурного сообщества [Бубнова, Красных 2013]. Различные аспекты этой проблематики являются сферой интересов разных научных дисциплин, тесно связанных друг с другом: теории речевой деятельности, социолингвистики, лингвофилософии, лингвистической прагматики, культуры речи, лингвокультурологии, теории речевого воздействия. В последние годы список этих дисциплин пополнили работы по неопсихолингвистике и психолингвокультурологии (см., напр.: [Бубнова, Красных 2016: 9]). Все эти науки объединяет главный предмет их рассмотрения – неразрывная связь мировосприятия носителя языка и языка как системы.

Активная позиция члена социума по отношению к своей языковой компетенции зависит от многих факторов, в том числе от диапазона его речевой практики, от частотности языковых контактов, от культурного уровня коммуникативного взаимодействия. Исследователи этносов подчеркивают, что «в этносе на первом плане находятся не социальные функции общности, а личностные характеристики ее членов, на которых основано этническое группирование» [Рыбаков 2001: 65]. Аналогичный вывод находим у Ю.Н. Караулова: «Основным вместилищем этнической субстанции, а значит, этно-культурного менталитета, предлагается считать в первую очередь сущностные характеристики самой личности как сложноструктурированного центра духовных и поведенческих актов» [Караулов 2004: 22–23].

2. О ДИАЛОГОВОЙ ОСНОВЕ ЯЗЫКА

Жизнь человека неразрывно связана с интерпретативными и коммуникативными процессами, выявляющими его представления о мире, совершенствующими его мировосприятие и формирующими его языковое сознание, поскольку речевое поведение человека и любая вербальная информация (вывески, объявления и т. п.) организованы как адресное высказывание.

Для объяснения возможности влияния извне на языковое сознание человека необходимо обратиться к процессу порождения высказывания. В соответствии с отечественной теорией речевой деятельности, замысел говорящего рождается вместе с отношением говорящего к теме высказывания и к адресату сообщения (реальному, воображаемому или потенциальному). Замысел обуславливает оценочную палитру речи и руководит организацией грамматических структур и лексического состава. Ср.: «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 323.]. Это отношение

говорящего мы называем стилистическим модусом высказывания, а главной организующей силой модуса является отношение «говорящий – адресат». В начале XX века М.М. Бахтин в рамках общей теории языка – «теории выражения» – ввел концепт «диалог» как феномен мысли-речи. В конце XX века этот теоретический конструкт был доказан экспериментально: оказывается, социальная, диалоговая природа языка неразрывно связана с диалогическим характером сознания и человеческого мышления [Харитонов 1988; Радзиховский 1988].

В ежедневной речевой практике стилистический модус каждого высказывания актуализирует разные параметры многофакторного прагматического пространства: личность говорящего, адресата, условия общения, цель общения и т. д. Он принадлежит культуре в широком смысле слова, поскольку связан с культурой эпохи, с культурой социума и отношений в социуме. Эти факторы для каждого нового поколения облигаторно включают такие области, как культурный язык народа, мир знаний, убеждения, системы ценностей общества и этические принципы.

В стилистическом модусе находят отражение и все параметры текущего речевого акта, он обуславливает интерпретацию обозначаемого с указанием дейктических координат, его аксиологическую и эмотивную оценку. Изучив проблему узуса, использования системных возможностей, Дж. Сёрль в конце своей жизни пришел к заключению, аналогичному положениям теории речевой деятельности: «<.....> речь должна идти о проблеме объяснения не интенциональности в терминах языка, а наоборот, языка в терминах интенциональности» [Searle 1983].

Диалогические отношения с воображаемым адресатом начинаются уже с выбора темы и ее осмысления автором. Тема диктует способ ее отражения, тема диктует и выбор жанра. Этот скрытый, невербальный, субъективный процесс, который, тем не менее, проходит структуриацию исторически сложившейся языковой системой и оказывает влияние на дальнейшее развитие системы.

3. ЯЗЫК КАК ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Языковая система предстает как интерпретативный код «коллективного говорящего». Коммуникативные процессы накопили в языковой системе огромный репертуар разноуровневых средств и способов их взаимодействия, типизированные речевые образцы. Поэтому эпистемический, ассоциативный, символичный мир языка находит свою репрезентацию не только в лексических элементах, но и в грамматических конструкциях и семантико-синтаксических структурных отношениях. В них реализуется содержательный импульс говорящего, обогащенный оценками из личного опыта и стилистическими обертонами. Это делает

актуальными высказывания Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова, А.А. Потебни о мыслительной способности самого языка, о творческих возможностях языка. Исследования отечественных лингвистов XIX и XX веков позволяют утверждать, что «язык не воспроизводит, не копирует, не “озвучивает”, не “оплотняет” мысль, а **вырабатывает** ее и вводит в сознание человека» [Кручинина 2015: 4]. Большое количество работ показывает, что язык не только и не столько отражает действительность, но выражает ее знаковым способом.

Поэтому в XXI веке правоммерно ставить вопрос о языке в соответствии с тем, в каком виде существует языковая система в человеческой памяти, как служит для выражения тончайших нюансов мысли-чувства. Ср.: мир для человека является как уже «истолкованный языком» [Гадамер 1991: 65]. Аналогичное мнение у Р. Барта: «...в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип: я способен заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что рассеяно в самом языке» [Барт 1989]; «Существует некая “общезыковая сигнификация”, присущая языку в целом, которая осуществляет посредничество между моим намерением, пока еще немым, и словами, и осуществляет его так, что высказанные слова могут удивить меня самого и раскритиковать мне мою собственную мысль»» [Merleau-Ponty 1965: 92].

Таким образом, коллективное языковое сознание можно охарактеризовать как отражение ментальности народа, которое обуславливает модус говорящего при формировании любого речевого акта.

4. ИСКУССТВЕННОЕ ВНЕДРЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО МОДУСА

На формирование речевых образцов оказывают влияние разные условия общения и такой важный фактор, как социальная структура российского общества в XXI веке: в круг общения вовлечено большое количество мигрантов, плохо владеющих русским языком.

Задача глобализации – уничтожение культуры и подчинение народа – осуществляется, прежде всего, путем разрушения сложившихся ценностей социума и литературного языка как общего культурного коммуникативного пространства страны. Главный инструмент разрушения языка как **внутренней структуры**, хранящейся в памяти народа, которая использует богатство **внешней системы языка**, – это уничтожение диалоговой основы языка, поскольку все мыслительные процессы неразрывно связаны с речью, с ориентированными на восприятие адресата исторически сложившимися – в соответствии с этическими принципами общества – формами выражения.

А.А. Потебня писал, что «...никто не имеет права влагать в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит» [Потебня 1999]. Эту тему развивал и И.А. Бодуэн де Куртенэ: «преступное вме-

шательство в естественное развитие языка, которое грозит разрушением национального языка» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 140].

а) Извне искусственно может планомерно внедряться оценочный фон для малых социальных групп, отличный от оценочного фона коллективного языкового сознания, выражающего менталитет народа. И стилистический модус индивидуума может постепенно изменяться из-за ложных ориентиров и оценок, которые могут оказывать негативное влияние на становление индивидуума как языковой личности. Ср., например, вбрасывание в речевую практику через СМИ или «авторитетов» социальных низов идеологем и новых значений слов, которые не совпадают со значениями их в системе литературного языка; напр.: *блондинка* («обязательно глупая женщина со светлыми волосами»); *взрослый* (о старом человеке); *походу* (как синоним слова *похоже*). При внедрении употребления глагола *присаживаться* в значении глагола *сидиться* использован ложный довод, мнимая причина, из-за которой нельзя употреблять форму повелительного наклонения глагола *сидитесь* (ложное истолкование значения: пожелание оказаться в местах заключения). Распространяется в узусе и шуточный прецедентный диалог (из к/ф «Джентельмены удачи»): – *Садитесь*. – *Я постою, а сесть я всегда успею*.

б) Распространение сниженной стилистики общения («снижающей тенденции в речи» – термин М.М. Бахтина), повсеместное нарушение принципов диалогизма речи – главный прием воздействия на прагматикон личности, который ведёт к дискриминации адресата.

Если говорящий разрушает этические нормы речевого общения, в мир адресата агрессивно внедряется «другой мир», чтобы он стал для него обычным. Существуют разные приемы понижения статуса участника общения, собеседника: создается модель потенциального адресата как человека с низкой культурой. При этом происходит включение в речевое сознание носителей литературного языка жаргонных оборотов, неграмотного просторечия, тюремной лексики, образцов речи социальных низов.

Многომиллионная аудитория СМИ, изо дня в день слыша чуждые русскому языку речевые образцы, неправильные выражения, штампы речи чиновников, жаргон криминальной среды, может утратить языковое чутье и навыки речевой культуры. Формирование «моды» на неграмотную речь, просторечие и использование языка только на бытовом уровне сказывается на чувстве стиля и на грамотности, увеличивая разрыв между представителями элитарной языковой культуры и малограмотными людьми, а в целом – на состоянии языковой системы.

Внедрение вульгарных выражений и стилистически сниженных «вариантов» для общелитературных выражений путем включения в рече-

вое сознание носителей литературного языка жаргонных оборотов, неграмотного или вульгарного просторечия, тюремной лексики, образцов речи социальных низов.

Ср. речь ведущих ТВ или персонажей к/ф и т/ф: *блин, на хрен, хреновый, до хрена, бухать* и пр. Многомиллионная аудитория СМИ, изо дня в день слыша чуждые литературному русскому языку речевые клише, жаргон криминальной среды, может утратить языковое чутье и навыки речевой культуры. Ср. распространение в СМИ просторечных элементов: *да ладно* (вместо *не может быть* или *неужели*); *по-любому* (следует: *в любом случае*), *походу* (следует: *похоже*), *по жизни* (следует: *в жизни*), *касается* (следует: *касательно* или *что касается...*), *за кого ты меня держишь* (следует: *за кого ты меня принимаешь*); диалектных и устаревших образований, нарушающих нормы современного русского языка, напр.: *в ночи, в осени, днями*.

в) Юмор, смех, анекдоты также могут не только способствовать созданию непринужденной атмосферы, но и быть **приемом** проявления агрессии, освобождения от мира культурных ценностей, от стыда, от жалости, могут быть требованием, чтобы адресат снизил оценку своего статуса.

Так, в культуре каждого народа запрещены в СМИ слова, акцентирующие внимание аудитории на нижней части тела человека и на ситуациях, с ней связанных. Шутки ведущих ТВ-программ нередко свидетельствуют о сугубо прагматической цели – шокировать человека, всю аудиторию. Это приглашение адресату освободиться от социальных канонов, отказаться от культурных стереотипов, от самого себя, что формирует, по выражению М.М. Бахтина, «снижающую тенденцию» в речи.

М.М. Бахтин, вводя такое важное понятие лингвокультурологии, как «смеховая культура» [Бахтин 1990], раскрывает двойную природу смеха, комического начала. С одной стороны, смех сопряжен с освобождением от условностей и выражает презумпцию доверия к адресату и открытость к общим ориентирам в мире этики и эстетики, раскрытие автором своей индивидуальности, творческого начала и тонкого вкуса. С другой стороны, смех может быть проявлением агрессивного начала со стороны автора, освобождения от культурных ценностей, от стыда, от жалости. Это деструктивный акт в общении с читателем или со зрителем: при этом уничтожаются паритетные начала общения, гармония согласия говорящего и адресата (аудитории). Использование разрушающего комического показывает намеренное снижение говорящим культурного уровня общения, его стремление занизить оценку социального статуса адресата.

г) Через СМИ распространяются бессмысленные, неправильно построенные фразеологизмы неграмотные синтаксические построения, в которых неправильно употреблены формы грамматического рода, одушевленности / неодушевленности, абстрактности / конкретности, напр.: **Молчит, как рыба об лёд* (следует: *Молчит, как рыба* или *Бьётся как рыба об лёд*); **Мигранты домогаются к немецким женщинам* (следует: *домогаются немецких женщин*); **Есть обоснованность, вернутся ли они в это здание* (следует: *Есть обоснованное сомнение, вернутся ли...*); **Здесь надо положить лежащего полицейского* (следует: *положить лежащий полицейский*). Такие речевые образцы расшатывают грамматическую систему языка, которая, как известно, является способом представления знаний народа о мире, национальным смысловым кодом.

Особенно много грамматических нарушений в рекламных текстах; напр.: **Мальшу удобно с памперс* (Следует: *Мальшу удобно с памперсами*); **При стирке добавляю «Ваниша»* (Следует: *При стирке добавляю «Ваниш»*); **Капли «Длянос»* (Следует: *Капли «Для носа»*); **Живите с найз, живите без боли!*; **Свобода движений с вольтарен* (реклама геля).

5. НАМЕРЕННОЕ ВВЕДЕНИЕ В УЗУС ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

СМИ, прежде всего, становятся способом внедрения в русский язык чужеродных элементов. Появляются различные ошибки в словоупотреблении и неправильные грамматические построения. Интонация, как известно, самое важное грамматическое средство смысловой организации речи. Каждый язык обладает своим собственным арсеналом интонационных конструкций и их модификаций. Распространено введение интонационных конструкций английского языка, например повышение тона в конце повествовательных предложений. В результате, например, новостной блок в речи ведущих ТВ выглядит как поток бессвязных реплик. Это разрушает грамматическую систему языка.

Через СМИ происходит намеренное распространение английской и американской лексики, несмотря на то, что в русском языке существуют аналоги; например, в речи ведущих ТВ: *райдер* вместо *всадник*, *флешмоб* вместо *праздничное шествие*, *месседж* вместо *сообщение*. В этом процессе немалую роль играет свободное употребление в СМИ профессиональных слов и специальной иностранной лексики из разных терминосистем. Ср. также: **Хочу попасть на закрытую пати* (англ. *party* – вечеринка; канал «Муз-ТВ»); **История подростков, которые издеваются над животными, до сих пор в топе Интернета* («Россия-24», 12 января 2017); *контент*, *тренд* (в речи ведущих передачи «60

минут»). Новые слова часто заменяют уже укоренившиеся в русском языке более ранние заимствования из немецкого языка или французского, напр.: *мейкап* вместо *макияж*, *хит* вместо *шлягер*, *рейтинг* вместо *популярность*, *сленг* вместо *жаргон*, *мониторит* вместо *контролировать*, *тренд* вместо ранее усвоенных *мода*, *тенденция*, *гаджет* вместо *аппарат* [Маринова 2014; Баженова, Пищальникова 2018: 62–63].

В нарушение Закона о государственном языке РФ, в текстах СМИ встречается употребление букв латинского алфавита. Английские и американские номинации внедряются и в городской ландшафт. См., например вывески в городах и поселках: «НАГАТИНО I-LAND», «ВАНИЛЬ», «PRESSA», «Весталка SHOES».

Корпоративное общение в иностранных фирмах на территории Российской Федерации разрушает исторически сложившиеся в нашем социуме этико-речевые нормы общения, которые являются основой диалогов и полилогов. Исподволь внедряется иностранный этикет деловых контактов, который нарушает наши традиции межличностного общения. Так, в иностранных фирмах, вне зависимости от возраста, предписывается обращение к коллегам без отчества. Иногда сотрудники называются полным именем (напр., *Павел*, *Виктор*, *Анна*), иногда кратким именем (напр., *Дима*, *Саша*, *Лена*). Письменные и устные правила внутрикорпоративного общения накладывают отпечаток на речевое общение людей вне рабочего времени и, в целом, на человеческие отношения, уменьшая уважительность, внедряя элемент панибратства, что несвойственно национальной речевой культуре.

6. КАНАЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прослеживаются следующие направления деятельности агентов глобализации – через гранты, фонды, общества, учебные центры и прочие финансовые потоки.

Это, прежде всего, язык информационных передач СМИ; речь персонажей х/ф, т/ф, ведущих ток-шоу. публичная речь известных личностей; международные мероприятия; научно-популярные передачи радио и ТВ.

В учебных центрах и в научных учреждениях агенты глобализации внедряют особый формат конференций (например «формат управляемой дискуссии» – в учебном центре «Златоуст»); заранее диктуют резолюцию конференции («литературного русского языка нет; функциональных стилей нет»).

Витрины книжных магазинов и книжные ярмарки также служат цели популяризации английского языка и художественной литературы английских и американских авторов, но не пропаганде русского языка как средства международного и межнационального общения.

Пропагандисты глобализации, стремясь придать явлениям, разрушающим язык, видимость стихийных объективных процессов, независимых от глобализации, делают акцент на социальных потрясениях, на событиях в политической жизни и выдают себя за сторонников «либерализации языка». При этом внедряется отрицание языковой нормы – «конвенционально установленного языкового узуса».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема противодействия процессам культурной глобализации затрагивает широкий спектр гуманитарных проблем в жизни страны. В условиях «консциентальной войны» общественная значимость литературного языка возрастает, поскольку она имеет в своей основе национальную культуру и государственность. Необходима последовательная государственная языковая политика, способствующая естественному развитию национального языка. Примером служат надёжная организация «охранительных» мер во Франции, Израиле, Японии, Китае.

Этический аспект – главный в жизни языка, он обусловлен его диалогической и социальной природой. Концепт «этика» содержит такие категории, как «свобода», «желательность», «допустимость», а в рамках этого поля – существование категории «принуждение» – как принуждение следовать языковым нормам, принуждение как сопротивление злу, как защита прав всего языкового сообщества. Защита литературного языка – это условие национальной безопасности.

Литература / References

1. *Баженова И.В., Пищальникова В.А.* Актуальные проблемы лингвистической безопасности. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 151 с.
2. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
3. *Бахтин М.М.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 1996. – 800 с.
4. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
5. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* К критике международных искусственных языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во МН СССР, 1963. С. 139–140.
6. *Бубнова И.А., Красных В.В.* Человек говорящий как объект и предмет современных интегративных исследований: нео-психолингвистика и психолингвокультурология // Structures and functions: Studies in Russian Linguistics. Vol. II, Issue 2, Tallin, 2016. P. 5–25.
7. *Бубнова И.А., Красных В.В.*, Человек говорящий в свете психолингвокультурологического подхода // 10th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. June 26–29 2013, Moscow, Russia. Proceedings. М.: РУДН, МИЛ, ИЯ РАН, 2013. С. 55–56.
8. *Гадамер Г.-Г.* Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 60–71.

9. *Гладенко Ю.С.* Культурная глобализация // Проблемы безопасности в современном мире. I Черноморская научно-практическая конференция МГУ. 26–28 мая 2016 г. Тезисы докладов. Севастополь: Изд-во филиала МГУ в г. Севастополе. 2016. С. 179–181.
10. *Караулов Ю.Н.* Горячие точки развития русистики: русский язык, русский мир и российский менталитет // Русское слово в русском мире. М. – Калуга: МГЛУ, «Эйдос», 2004. С. 5–28.
11. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: «Наука», 1987. – 263 с.
12. *Кирилина А.В.* Некоторые аспекты формирования философии языка в эпоху глобализации // Жизнь языка в культуре и социуме – 3. Материалы международной научной конференции. Москва 20–21 апреля 2012 года. М.: ИЯ РАН, РУДН, 2012. С. 9–10.
13. *Кручинина И.Н.* Формирование научного представления о грамматических свойствах слова // Русский язык в национальной школе. 2015, № 2. С. 3–16.
14. *Маринова Е.В.* «Вечный вопрос» о заимствованиях // Русская речь. 2014, № 2. С. 59–65.
15. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: «Лабиринт», 1999. – 300 с.
16. *Радзиховский Л.А.* Диалог как единица анализа сознания. // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 24–34.
17. *Рыбаков С.Е.* Этнос и этническое // Философские исследования. 2001, № 2.
18. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2. С. 34–47.
19. *Уфимцева Н.В.* Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания: динамика и вариативность. М.: ИЯ РАН, 2011. – 252 с.
20. *Харитонов А.Н.* Переопосредствование как аспект понимания в диалоге. // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 60–76.
21. *Merleau-Ponty M.* Sur la phénoménologie du langage // Merleau-Ponty M. Éloge de la philosophie et autres essais. P.: Gallimard, 1965. P. 105–122.
22. *Searle J.* Intentionality. Univ. Cambr. Press, 1983. – 278 p.

КОНЦЕПТ-ТОПОНИМ *ЧЕРНОБЫЛЬ* КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О МЁРТВОМ ГОРОДЕ

А.Э. Левицкий

TOPONYMIC CONCEPT *CHERNOBYL*:
INFORMATION OF THE DEAD CITY REPRESENTED

A.E. Levitsky

ABSTRACT

The article analyzes the approach to singling out the toponymic concept as reflection of the main tendencies within the cognitive-and-discursive paradigm in linguistics. Perspectives for concept analysis grounded upon gender, age and territorial features of speakers have been singled out. The toponymic concept *CHERNOBYL* proves to be a good example of this trend. The article aims at specifying conceptual essence of the toponymic concept *CHERNOBYL* as the result of questionnaire spread among the Ukrainian speakers of Russian. The article represents the conceptual spheres, which interact to characterize the parameters of the information structure of the above concept to represent the city which became dead as the consequence of the technological accident at the Chernobyl nuclear power-plant in 1986.

Key words: linguoconceptology; toponymic concept; cognitive-and-discursive paradigm; informants' questioning; social and territorial specifics

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу подхода к выделению концептов-топонимов как отражение тенденций развития когнитивно-дискурсивной парадигмы в начале XXI века. Отмечаются также ряд перспективных подходов к исследованию концептов с опорой на гендерные, возрастные и территориальные параметры носителей определенного языка. Как пример приводится концепт-топоним *ЧЕРНОБЫЛЬ*. Целью статьи является установление концептуального содержания концепта-топонима *ЧЕРНОБЫЛЬ* как результат опроса информантов-носителей русского языка на Украине. В работе выделены концептосферы, взаимодействие которых соответствует параметрам информационной структуры концепта-топонима *ЧЕРНОБЫЛЬ*, ставшего мёртвым городом в результате техногенной аварии на ЧАЭС в 1986 году.

Ключевые слова: лингвоконцептология; концепт-топоним; когнитивно-дискурсивная парадигма; опрос информантов; социальные и территориальные отличия

Исследование концептов, начавшееся в конце прошлого века, отразило особенность теоретического языкознания того времени, а именно «ярко выраженный интерес к металингвистическим построениям и, в частности, к созданию такого аппарата терминов и понятий, которые

помогли бы адекватно отразить» его историю и ситуацию, сложившуюся на тот момент [Кубрякова 1995: 155], а также заложить основы новых подходов к изучению языка. Концепт и стал одним из ключевых терминов когнитивно-дискурсивной парадигмы, а его лингвистический анализ (вошел в ряд «выбираемых методик и конкретных процедур» [Кубрякова 1995: 169], моделей формализации, приемов и способов постижения соотношения языка и мышления). Именно концепт, рассматриваемый Е.С. Кубряковой [Краткий словарь... 1996: 90–93] как «служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Там же: 90], дал возможность представить когнитивную деятельность индивида сквозь призму ее результатов, отраженных в процессах вербализации внеязыковых данных и последующей коммуникативно-деятельностной активности. Заложенный в представленном выше определении ракурс изучения концептов как ментальных репрезентаций, с одной стороны, и основы вербализации процесса познания мира – с другой, позволил расширить и углубить антропоцентрический подход в языкознании 90-х годов XX века (см., напр., [Роль... 1988] и др.), в частности говорить, по меткому выражению В.В. Колесова [2004: 5], о «языке в ментальности и о ментальности в языке». Таким образом, язык стал рассматриваться «как пространство мысли и как дом духа» [Степанов 1995: 30].

Выделение концептов и их лингвистический анализ проводятся в соответствии с четырьмя принципиальными установками когнитивно-дискурсивной парадигмы – антропоцентризма, экспансионизма, функционализма и экспланаторности [Кубрякова 1995: 207]. Названные выше принципы одновременно могут рассматриваться и как основные черты методики анализа данных системы языка как элементов деятельности индивида, используемых для отражения его этнокультурных, социальных, индивидуально-психологических, в том числе познавательных особенностей. Язык, таким образом, выступает вербальной составляющей как сознания, так и коммуникации, т. е. реализации мыслительной деятельности в процессе передачи ее продуктов другим членам социума. Поэтому нельзя не согласиться с Е.С. Кубряковой, отмечавшей интегральный характер когнитивно-дискурсивной парадигмы знания – «функциональной по своей направленности, конструктивной по своему духу» [Кубрякова 1995: 230].

Концептуальный анализ языка (см., напр., [Концептуальный анализ... 2007]), концептуализация мира в языке (см., напр., [Концептуаль-

ные исследования... 2009]), а также подходы к рассмотрению концептуального пространства языка (см., напр., [Концептуальное пространство... 2005]) послужили отправными пунктами современного подхода к рассмотрению концептов в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Безусловно, лингвоконцептология на сегодняшний день еще далека от того, чтобы признать ее исчерпавшей свои теоретические, методологические, процедурные и эвристические ресурсы. Ей еще предстоит испытать развитие и совершенствование подходов и методов, структуры и терминосистемы, но мы вправе констатировать, что этап становления успешно пройден, хотя и не без трудностей, вызванных различиями трактовок и интерпретаций отдельных понятий.

Нельзя не отметить и разнообразие объектов для концептуализации. Так, на наш взгляд, есть смысл рассматривать концепты-топонимы, суть исследования которых состоит в концептуализации информации о некоем топониме. Анализу подвергается информация, полученная с помощью лексикографических или корпусных данных, а также из источников разных дискурсивных практик, в частности, разговорных, массмедийных, художественных, официальных, научных, риторических, академических и многих других. Кроме того, выстроить концептуальную структуру топонима возможно и с использованием методов социо- и психолингвистики. Таким образом, палитра перспективных исследований концептов-топонимов включает и подход к анализу этнических, гендерных, возрастных, статусных и психологических особенностей передачи информации индивидами как внутри своих социумов и культур, так и в процессе взаимодействия с представителями иных социальных и культурных групп.

Исследование концепта ЧЕРНОБЫЛЬ, выполненное на данных опроса информантов, как раз и представляет опыт рассмотрения социальных и территориальных особенностей вербализации отдельно взятого концепта-топонима.

Работы в области психолингвистики уже длительное время остаются одними из актуальных (см., напр., [Василевич 1987; Выготский 1996; Глухов 2005; Горелов, Седов 1997; Красных 2001; Леонтьев 1993; Леонтьев 1997; Тарасов 1996; Уфимцева 2015] и др.). В последнее время данное направление обогатилось достижениями лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (см., напр., [Красных 2002], в частности, лингвоконцептологии (см., напр., [Лингвоконцептология 2013; Языковое сознание 2004]). Представляемое нами исследование имеет своей целью установить концептуальные сферы, ассоциирующиеся в сознании респондентов с аварией на ЧАЭС, и лексические единицы, используемые для определения этих ассоциаций. Для достижения вышеназванной цели был проведен независимый ассоциативный эксперимент для уста-

новления лексики, которая соотносится в сознании информантов с топонимом *Чернобыль*, а точнее – с мёртвым городом, покинутом людьми после ядерной катастрофы. Опрошенным было задано два вопроса: 1. Какие ассоциации возникают в вашем сознании в связи с *Чернобылем*? 2. Какие новые слова, относящиеся к трагедии в *Чернобыле*, появились в русском языке?

Теоретическую основу исследования составили работы о связи языка и мышления [Выготский 1996; Потебня 2001; Fodor 1975]; психологические теории о значении слова [Fodor 1975; Garman 1990; Garnham 1985; Glucksberg & Danks 1975; Rosch 1978], ассоциативного анализа [Kess 1992; Prideaux 1984], ассоциативного значения лексических единиц [Glucksberg & Danks 1975]. Проведенный ассоциативный анализ основывается на взаимосвязи вербальных ассоциаций с мышлением индивида [Davis 2003], методике и методологии независимого ассоциативного анализа [Cramer 1968], с учетом социальных аспектов выявленных ассоциаций [Cramer 1968].

Респонденты (51 человек) были поделены на группы (F и M; A и B; C и D) согласно следующим признакам: ГЕНДЕР (36 женщин [F] и 15 мужчин [M]); ВОЗРАСТ (37 человек, родившиеся до аварии [A]; 14 информантов, рожденные после катастрофы [B]); МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА (для опрошенных, родившихся до 1986 года: (14, проживающие вблизи Чернобыля, в Киевской, Житомирской и Черниговской областях [C]; 23 человека – из других областей Украины [D]).

Полученные результаты были классифицированы согласно их семантике по следующим концептуальным сферам.

I. СОБЫТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ – напрямую соотносится с ПРОШЛЫМ, т. е. самой аварией, местом, временем и конкретными людьми:

1.1. МИКРОУРОВНЕВАЯ – имеет прямую связь с аварией, выражая суть события: *катастрофа, взрыв, АЭС, реактор, пожар, дым, облако, энергия, луч, авария*;

1.2. МАКРОУРОВНЕВАЯ – определяет время, место и вовлеченных в те события людей: *Полесье, СССР, Украина, Киев, демонстрация, Первое Мая, апрель 1986 года, весна, Горбачев, перестройка, пожарные, военные*.

II. ПОСЛЕДСТВИЯ – относящиеся к НАСТОЯЩЕМУ и БУДУЩЕМУ, осознание последствий катастрофы:

2.1. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ: *опасность, зона отчуждения, эвакуация, переселенцы, переезд, мертвые города, пустые улицы, вымирание, пен-*

сионеры, дети Чернобыля, кладбища, профилактика, льготы, безразличие, замалчивание, экстремальный туризм;

2.2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: экология, проблемы окружающей среды, загрязнение, заражение, радиация, радиоактивность, излучение, осадки, йод, цезий, стронций, климат, грибы, нерелевно большие фрукты и овощи, красный лес;

2.3. ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ: здоровье, воздействие, жертва, инвалидность, заболевание, мутация, болезнь, рак, инвалиды, зубы, больные дети, аборт, новорожденные уродцы, лысый ежик;

2.4. БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИИ: саркофаг, ликвидаторы, последствия, дозиметр, счетчик Гейгера, причины, исследование, дезактивация, целесообразность.

III. ВОСПРИЯТИЕ АВАРИИ – размышления по поводу аварии, ее оценка, прямые ассоциации (*Чернобыль – это...*): смерть, трагедия, катастрофа, страх, опасность, боль, конец, Хиросима, Фукусима, отчаяние, тупик, позор, слезы, разрушение, риск, пустыня, страдания, упадок, зло.

IV. НЕПРЯМЫЕ АССОЦИАЦИИ – эмоционально-образное восприятие аварии, то, что напоминает о ней (*Чернобыль ассоциируется с ...*): черный цвет, темнота, сосны, лоси, дорога, поезд, родители, церковь, игра С.Т.А.Л.К.Е.Р., осень, братья Стругацкие, наука, проклятие князя Игоря, кара языческих богов, серый цвет, холод, плач, физика, школа, туман, детство.

V. ОПТИМИЗМ – относится к БУДУЩЕМУ, положительная сторона борьбы с последствиями: героизм, долг, поддержка, смелость, благородность, друзья, будущие поколения, оптимизм, надежда, вера, Библия, конец советской эпохи, конец иллюзиям, начало, мир, строительство, возрождение.

Наиболее часто используемые реакции: радиация – 35, смерть – 24, катастрофа – 19, реактор – 16, взрыв – 15, страх – 15, АЭС – 14, река Припять – 13, заражение – 13, болезнь – 12, трагедия – 12, зона отчуждения – 11, отчаяние – 11, бедствие – 10, зона – 10, эвакуация – 10, заброшенность – 9.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Анализ выявленных гендерных различий в реакциях респондентов позволил представить их в Табл. 1 и отразить в следующих выводах.

Таблица 1. Гендерные различия.

Параметры	Ассоциации, %		Реакции, %	
	Группа F	Группа M	Группа F	Группа M
Общая информация	19,5%	24,33%	21,74%	30,34%
Последствия	45,5%	45,19%	38,26%	35,95%
Восприятие	21%	21,66%	14,78%	15,73%
Оптимизм	8,5%	5,08%	7,83%	6,18%
Непрямые ассоциации	5,5%	3,74%	17,39%	11,8%
Всего	100%	100%	100%	100%

Активность в группе F (36 чел.) насчитывает 5,5 ассоциаций на человека и 10.39 реакций на человека.

Активность в группе M (15 чел.) насчитывает 7,7 ассоциаций на человека и 11.87 реакций на человека.

В группе F и в группе M наиболее продуктивными являются ассоциации с последствиями аварии (45,5% и 38,26% соответственно) и реакции на последствия (45,19% и 35,95% соответственно). Наименее продуктивными в обеих группах выступают оптимистические ассоциации.

Следующие различия проявляются в распределении других ассоциаций. Так, ассоциации по восприятию занимают вторую позицию в группе F и третье место в группе M. Информационные ассоциации находятся на третьей позиции в группе F и на четвертой в группе M. Ассоциации, связанные с реальностью и оптимизмом, занимают четвертую и пятую позиции в группе F. Ассоциации, связанные с реальностью, находятся на пятом месте в группе M. Непрямые ассоциации занимают вторую позицию в группе M.

Результаты эксперимента показывают, что и женщины и мужчины наибольшее внимание уделяют последствиям аварии, хотя у женщин насчитывается большее количество реакций и ассоциаций, связанных с Чернобылем. Обе группы выделяют социальные аспекты аварии. Женщины и мужчины верят, что все было сделано для борьбы с ее последствиями. Более того, респонденты ссылаются на информацию масс-медиа, а не на научные источники.

Женщины-респонденты более эмоциональны и креативны. Их больше волнуют эмоциональное восприятие и непрямые ассоциации, тогда как мужчин интересует общая информация об аварии.

Реакции, полученные в обеих группах, таковы: *катастрофа, АЭС, реактор, пожар, дым, атом, облако; река Припять, польнь, СССР, Украина, 1986 год, весна, Полесье, пожарные; радиация, загрязнение,*

болезнь, саркофаг, мутация, зона отчуждения; смерть, трагедия, страх, опасность, отчаяние; долг, смелость; черный, темный.

Реакции, полученные только в группе F: *взрыв, пламя, энергия, луч, халатность; Первое мая, апрель 1986 года, Киев, демонстрация, военные, аэропорт; неправда, радиоактивность, счетчик Гейгера; катастрофа, боль; героизм, икона; яйцо, церковь, родители.*

Реакции, полученные только группе M: *Горбачев, перестройка, вертолеты; покинутая земля, ликвидация, обман; риск, упадок, зло; памятник, Библия; осень, наука, холодный, серый.*

ВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В ходе исследования были выявлены возрастные различия в ответах респондентов. Они отражены в Табл. 2 и следующих за ней выводах:

Таблица 2. Возрастные различия.

Параметры	Ассоциации, %		Реакции	
	Группа А	Группа В	Группа А	Группа В
Общая информация	24,5%	16,54%	31,72%	18,09%
Последствия	34,3%	48,12%	35,95%	42,53%
Восприятие	20,3%	18,04%	19,34%	28,51%
Оптимизм	8,7%	10,53%	5,44%	6,8%
Непрямые ассоциации	12,2%	6,77%	7,55%	4,07%
Всего	100%	100%	100%	100%

Анализ данных показывает, что в группе А наиболее продуктивными являются ассоциации, связанные с последствиями аварии, которые насчитывают 34,3%. Наименее продуктивными выступают оптимистические ассоциации, составляющие всего 8,7 %. Между ними располагаются общая информация (24,5%), восприятие аварии (20,3%) и непрямые ассоциации (12,2%).

Ассоциации в группе В располагаются следующим образом: наиболее продуктивными, также как и в группе А, выступают ассоциации, связанные с последствиями аварии (48,12%), а наименее продуктивные – непрямы ассоциации (6,77%), что подтверждает различия в отношении информантов из разных возрастных групп. Между ними располагаются восприятие аварии (18,04%), общая информация (16,54%) и оптимистические ассоциации (10,5%). Также обнаружены количественные различия в оптимистических, информационных и непрямы ассоциациях, которые занимают разные места в рейтинге анализируемых групп.

Количество опрошенных информантов имеет коэффициент 37:14 (2,6:1).

Результаты эксперимента подтверждают существование различий среди людей, которые были свидетелями этой катастрофы, и более молодого поколения. Для людей, рождённых до аварии, слова, ассоциирующиеся с Чернобылем, отражают действительность (*катастрофа, АЭС, реактор, атом*); дают представление о времени и месте аварии (*река Припять, весна, Первое мая, 1986 год, Полесье, Горбачев, перестройка*); концентрируются на экологических последствиях этого трагического события на природе, мире животных, здоровье человека и обществе (*радиация, загрязнение, мутация, болезнь, саркофаг, зона отчуждения, покинутая земля, последствия, рак, ликвидация, ликвидаторы, чернобыльцы, новорожденные уродцы*); раскрывают восприятие аварии в форме негативны оценок (*трагедия, смерть, катастрофа, одиночество, застой, позор, слезы, Хиросима*); демонстрируют эмоциональный аспект ассоциаций (*страх, отчаяние, обман, неправда, неизвестность, страдания*); оставляют место для оптимизма и восхищения героическими поступками (*герои, героизм, памятник*) и даже содержат не прямые ассоциации (*черный, темный, темнота, осень*).

Респонденты, которые родились после аварии, концентрируют свое внимание на ее последствиях (*радиация, эвакуация, покинутая земля, зона отчуждения, болезнь, рак, загрязнение, разрушение, экскурсии, мутанты, радиоактивность*), имея в виду реальность (*взрыв, реактор, катастрофа, АЭС, ликвидатор, огонь, дым, халатность*) и информацию о времени и обстановке (*река Припять, СССР, Украина, 1986 год*); отражают эмоции в форме оценки происшедшего (*смерть, опасность, пустота, катастрофа, беда, страх, трагедия*). С другой стороны, у них мало оптимизма и не прямых ассоциаций. Их негативные ассоциации хоть и несущественно, но все же отличаются от реакций свидетелей тех событий. Этот факт свидетельствует о единении информантов в восприятии чернобыльской трагедии.

Реакции, полученные в обеих группах: *катастрофа, реактор, АЭС, взрыв, огонь; река Припять, полынь, 1986 год; радиация, загрязнение, зона, болезнь, саркофаг; страх, трагедия, смерть, отчаяние; обязательство, смелость; черный, темный.*

Реакции, полученные только в группе А: *атом, дым, пламя, облако; Первое мая, Горбачев, перестройка; мутация, ликвидация, последствия; конец, обман, тупик, позор; героизм, памятник; осень, родители, церковь, голые деревья, наука, плач, серый, холодный.*

Реакции, полученные только в группе В: *радио, халатность, милиционеры; город, Полесье, весна; неправда, радиоактивность, покинутая земля; пустота, одиночество, боль; друзья, благодарность, мир; сосны, лоси, поезд.*

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Ответы людей, проживающих на севере Украины, позволили сгруппировать их в группу С, а реакции респондентов из других регионов составили группу D, что нашло отражение в Табл. 3 и представленных далее выводах:

Таблица 3. Различия по месту жительства.

Параметры	Ассоциации, %		Реакции	
	Группа С	Группа D	Группа С	Группа D
Общая информация	24,86%	30%	26,61%	29,47%
Последствия	37,14%	42%	28,44%	38,65%
Восприятие	27,62%	20,66%	22,94%	15,94%
Оптимизм	3,81%	2,67%	9,17%	7,25%
Непрямые ассоциации	12,2%	4,67%	12,84%	8,69%
Всего	100%	100%	100%	100%

Активность в группе С насчитывает 7,5 ассоциаций и 10,71 реакций на человека.

Активность в группе D насчитывает 4,74 ассоциаций и 9 реакций на человека.

Наиболее многочисленными в группе С и в группе D являются ассоциации, связанные с последствиями аварии (37,14% и 28,44%, соответственно) и реакции (42% и 38,65%, соответственно). Наименее многочисленными в группе С и в группе D являются оптимистические ассоциации (3,81% и 9,17%, соответственно) и реакции (2,67% and 7,25%, соответственно).

Остальные ассоциации в анализируемых группах распределяются по параметру восприятия и занимают вторую позицию в группе С и третью в группе D, тогда как общая информация находится на третьем месте группе С и второе в группе D, за ней следуют в обеих группах непрямые ассоциации.

Респонденты, живущие на востоке, юге и западе Украины, концентрируют свое внимание на последствиях аварии и общей информации, тогда как опрошенные, которые проживают вблизи места катастрофы (Киевская, Житомирская и Черниговская области) более эмоциональны, оптимистичны и более сконцентрированы на непрямых ассоциациях. Обе группы осознают трагическую реальность и негативно оценивают аварию.

Реакции, полученные в обеих группах: *катастрофа, реактор, АЭС, взрыв, атом; река Припять, 1986 год, польнь, Полесье; радиация, загрязнение, болезнь, зона; смерть, трагедия, страх.*

Реакции, полученные только в группе С: *энергия, луч; Первое мая, демонстрация; пожарные, фильм; Звезда Апокалипсиса, уничтожение, бедствие; долг, начало; детство, Лина Костенко.*

Реакции, полученные только в группе D: *огонь, защита; ликвидация, разрушение; слезы, угроза, опасность; герои, возрождение; черный, темный, туман, физика, школа, разлука.*

ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИИ НА ЧАЭС СКВОЗЬ ПРИЗМУ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Концептосфера ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИЙ как наиболее многочисленная позволила выделить четыре сегмента (СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ, БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИЙ). Данные приведены в Табл. 4 и описаны далее:

Таблица 4. Различия по борьбе с последствиями.

Параметры	ПОЛ				ВОЗРАСТ				МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА			
	Ассоциации 100%		Реакции 100%		Ассоциации 100%		Реакции 100%		Ассоциации 100%		Реакции 100%	
	F	M	F	M	A	B	A	B	C	D	C	D
Социальный аспект	45,6	43,6	35,5	45,2	47,9	50,5	30,7	50,5	31,6	27,9	36,7	43
Экология /природа	20	25,6	29,5	27,4	22,4	23,4	30,7	25,8	26,3	46,5	14,3	31,4
Здоровье человека/ животные	24,4	20,5	23,5	16,1	24,2	23,4	22,1	20,6	23,7	14	28,6	11,4
Борьба с последствиями	10	10,3	11,5	11,3	16,5	3,1	16,5	3,1	18,4	11,6	20,4	14,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

В группе А данные распределяются в порядке от наиболее часто встречающихся ассоциаций с социальными факторами (37,9%) до наименее популярной борьбы с последствиями аварии (15,5%). Большинство реакций информантов находятся в колонках под названием «Экология/природа» и «Социальный аспект», тогда как наименьшее количество реакций представлено в колонке «Борьба с последствиями». Активность в группе А составляет 1,57 ассоциаций на человека и 3,43 реакции на человека.

В группе В ассоциации с социальными факторами и реакции на них представляют наиболее многочисленную группу (30,7% и 50,5%, соответственно), а наименее представленными являются ассоциации и реак-

ции, относящиеся к борьбе с последствиями аварии (16,5% и 3,1%, соответственно). Активность в группе составляет 4,57 ассоциаций на человека и 6,93 реакции на человека.

Социальные ассоциации являются наиболее многочисленными в группах F, M и C.

Ассоциации с экологией наиболее характерны для группы D.

Наименьшее количество ассоциаций выявлено в группах F, M, C, D и касаются борьбы с последствиями аварии.

Активность в группе F составляет 2,5 ассоциаций на человека и 4,6 слов на человека.

Активность в группе M составляет 2,6 ассоциаций на человека и 4,1 слов на человека.

Активность в группе C составляет 2,7 ассоциаций на человека и 3,5 слов на человека.

Активность в группе D составляет 1,9 ассоциаций на человека и 3,04 слов на человека.

Социальный фактор является важным показателем для всех групп респондентов. Несколько меньше внимания уделено экологии, природе, здоровью человека и животных, которые также пострадали от аварии. Последнее место занимают последствия аварии, что свидетельствует о том, что и после катастрофы люди верят тем, кто организовал борьбу с последствиями чернобыльской трагедии.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента данные были проанализированы в соответствии с их лексико-стилистическими и семантико-тематическими особенностями.

Так, лексико-стилистический ракурс анализа позволил выделить следующие группы: книжные слова (катастрофа, эксплуатация, саркофаг, вымирание, пропасть); терминологическую лексику (реактор, атом, ядерный, радиация, загрязнение, мутация, йод, стронций, цезий, облучение, дезактивация); нейтральные лексические единицы (огонь, дым, неправда, строительство); разговорную лексику (зона, вымирание, замалчивание, дети Чернобыля, лысый ежик). Были также отмечены слова с негативной коннотацией: катастрофа, бедствие, трагедия, угроза, опасность, болезнь, рак, онкология, потеря, заброшенность, неправда, обман, неверие, мародерство, боль, беда, зло, страдания, несчастье, грусть, беспокойство, обреченный.

Семантико-тематический аспект анализа позволил выделить: географические названия (*река Припять, Полесье, СССР, Украина, Киев, Хиросима, Фукусима*); библейские имена (*Библия, Звезда Апокалипсиса*); личные имена (*Горбачев, Лина Костенко*).

«ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ» СЛОВА

Ответы на второй вопрос анкеты позволили выделить маркированную лексику, которая, по мнению информантов, наиболее часто встречается в связи с концептом-топонимом ЧЕРНОБЫЛЬ. Среди выделенных единиц отмечаются наиболее популярные слова, часто используемые в повседневной речи, подвергнувшиеся детерминологизации: *радиация, радиометрия, радионуклеиды, радиоактивность, счетчик Гейгера, рентген, радиоактивные отходы, радиационный зоопарк, радиационные пятна, изотопы, стронций, цезий, радиационная генетика, радиационная болезнь, радиоактивный дождь, доза облучения, радиоактивная метрология, радиоактивная почва, генетическая мутация, эвакуация, консервация, закрытый город.*

Отмечаются также новые значения уже существовавших ранее слов. Так, *Чернобыль* стал символом трагических событий, катастрофы мирового уровня; *чернобылец* (человек, который участвовал в дезактивации зараженной территории или жил / живет в зоне радиоактивного загрязнения), *ликвидаторы* (люди, участвовавшие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС); *саркофаг* (купол над Чернобыльской атомной станцией); *зараженный* (радиацией), *зона, тридцатикилометровая зона* (территория, непригодная для жительства); *переселенцы, возвращенцы* (люди, которые незаконно вернулись в зону), *экологические беженцы; красный лес.*

Информантами также отмечены метафоры, связанные с трагедией на ЧАЭС. Так, *Чернобыль* стал нарицательным именем – *чернобыльское заражение, чернобыльская зона отчуждения, инвалиды-чернобыльцы, чернобыльское удостоверение, чернобыльские льготы, чернобыльские деньги, чернобыльский отпуск, чернобыльская пенсия, дочернобыльская эпоха; чернобыльские дети, чернобыльская пыль, чернобыльская жара, чернобыльский СПИД, чернобыльский воротник (болезнь щитовидной железы), чернобыльский загар, чернобыльское сердце, культурный Чернобыль, политический Чернобыль.*

Выводы

Концепт-топоним ЧЕРНОБЫЛЬ согласно опросу информантов представляет собой кластерное образование, состоящее из ряда концептосфер, взаимодействующих между собой, и отражающих разные ипостаси фокусировки внимания граждан. Представители различных социальных групп показали единство в плане негативной оценки произошедшей трагедии на ЧАЭС в апреле 1986 году. Вместе с тем, отмечен интерес к аварии, её причинам и последствиям для человечества, флоры и фауны. Анализ языковых единиц, маркирующих данное печальное событие, доказывает его значимое место в жизни людей, как живущих в

непосредственной близости, так и тех, кто находится далеко от места аварии.

Литература / References

1. *Василевич А.П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперимента. М.: Наука, 1987. – 141 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.
3. *Глухов В.П.* Основы психолингвистики. М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
4. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
5. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 240 с.
6. Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: Коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – 460 с.
7. Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 492 с.
8. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов / ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р. Державина / отв. ред. Е.С. Кубрякова. М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2007. – 276 с.
9. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
10. *Красных В.В.* Этнолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
12. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 144–238.
13. *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. ИЯ РАН, 1993. С. 16–21.
14. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. – 287 с.
15. Лингвоконцептология: перспективные направления исследований: Коллектив. моногр. / под ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко, И.В. Недайновой. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. – 624 с.
16. *Потебня О.О.* Думка і мова // Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. Львів, 2001. С. 34–55.
17. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. – 212 с.
18. *Степанов Ю.С.* Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 7–34.
19. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7–22.
20. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. 2015, № 2 (24). С. 115–119.
21. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. статей / под общей редакцией Н.В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 344 с.
22. *Cramer Ph.* Word Association. N.Y., L.: Academic Press, 1968. – 163 p.
23. *Davis W.A.* Meaning, Expression and Thought. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2003. – 654 p.

24. *Fodor J.* The Language of Thought. N.Y.: Crowell, 1975. – 472 p.
25. *Garman M.* Psycholinguistics. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1990. – 556 p.
26. *Garnham A.* Psycholinguistics: Central topics. L.: Routledge. 1985. – 422 p.
27. *Glucksberg S., Danks J.H.* Experimental Psycholinguistics. An Introduction. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1975. – 233 p.
28. *Kess J.F.* Psycholinguistics. Amsterdam: John Benjamins B.V., 1992. – 401 p.
29. *Prideaux G.D.* Psycholinguistics. The experimental study of language. L.: Routledge, 1984. – 63 p.
30. *Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition & Categorization. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 1–48.

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ «КОНСТАНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ», В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Е.Ю. Мягкова

WORDS DENOTING “CULTURAL CONSTANTS”
UNDER CHANGING SOCIALIZATION CONDITIONS

E.Yu. Myagkova

ABSTRACT:

The results of two experimental studies (2000 and 2017) are compared to show differences in the meaning of words denoting cultural concepts. These differences are connected with changing socialization conditions, educational system in particular. Defective inner grammar leads to inability to give meaning definition due to poor background knowledge and emotional scarcity and is the basis of functional illiteracy. *Keywords:* socialization; functional illiteracy; cultural constants; background knowledge deficit; emotional scarcity

АННОТАЦИЯ

В статье даётся сопоставительный анализ результатов двух экспериментов (2000 и 2017 гг.), направленных на исследование значения слов, обозначающих константы русской культуры. Основные различия в трактовке значений этих слов, выявленные в первом и втором экспериментах, связываются с дефицитом фоновых знаний и, вследствие этого, уменьшением эмоционально-чувственного фона значения. Несформированность внутренней грамматики рассматривается как основа функциональной неграмотности.

Ключевые слова: социализация; функциональная неграмотность; культурные константы; дефицит фоновых знаний; эмоциональное значение

Настоящая статья продолжает обсуждение вопросов, связанных с выяснением причин, состояния и следствий функциональной неграмотности, которая, по мнению многих исследователей, представляет серьёзную угрозу для дальнейшего развития цивилизации (см. об этом: [Мягкова 2015, 2017а]). Вполне понятно, что причины функциональной неграмотности следует искать, в первую очередь, в изменяющихся условиях социализации личности, в частности, в изменениях условий жизни человека в связи с достижениями научно-технического прогресса. В нашей стране ситуация в сфере грамотности связана, помимо этого, с изменениями в культурной и образовательной политике государства (и, следовательно, трансформацией базовых жизненных ценностей), перестройкой системы образования, снижением статуса родного языка и др.

Одним из важных аспектов исследования функциональной неграмотности является выяснение специфики внутреннего **метаязыка** («внутренней грамматики»), который понимается как метаязыковая деятельность носителя языка – необходимое условие пользования языком [Золотова 2005]. Внутренний метаязык выполняет две основные функции: идентифицирующую и моделирующую [Мягкова 2010]. Кроме того, он не доступен для внешнего наблюдателя (в том числе и для самого носителя языка) и существует не в форме привычных словесных правил, но работает в соответствии с собственными принципами. Тем не менее, на основании анализа речевой деятельности носителей языка с помощью разнообразных экспериментальных методик можно исследовать внутреннюю грамматику, а также (в контексте борьбы с функциональной неграмотностью) разрабатывать новые методы обучения языку. В рамках исследования внутреннего метаязыка можно не только моделировать связи слов и структуры логической грамматики, но и выявлять специфику психологической структуры значения слова.

В предисловии к Словарю русской культуры Ю.С. Степанов, отвечая на вопрос, в какой мере существуют славянская цивилизация и русская культура, писал: «...русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты» [Степанов 1997: 9–10]. По поводу реальности существования значения слов, означающих исследуемые концепты в сознании носителей языка автор указывал, что «... в Словаре речь идёт о концептах, представляющих собой в некотором роде “коллективное бессознательное” современного российского общества <...> Словарь рассматривает не понятия, существующие в головах <...> людей, а концепты, существующие в русской культуре» [Там же] (разбивка оригинала. – *Е.М.*). Тем не менее, интересно было бы увидеть, в какой мере современные носители языка знакомы со словами, обозначающими выделенные Ю.С. Степановым концепты русской культуры, и каковы их представления о тех явлениях, которые этими словами именуется.

В 2000 году (см.: [Мягкова 2000а, 2000б]) был проведён эксперимент, материалом которого послужили слова, являющиеся заголовками статей (именами концептов) в «Словаре русской культуры» [Степанов 1997] (список слов приводится в табл. 1). Исходным предположением при проведении эксперимента было то, что «рядовые» носители языка обладают «интуитивными» знаниями о явлениях, обозначенных словами подобного рода, причём эти знания в основном определяются эмоционально-чувственными характеристиками.

Таблица 1. Список слов, предъявленных в эксперименте.

<p>Степанов 1997</p>	<p><i>культура, вечность, сущность, мир, хлеб, действие, слово, вера, любовь, радость, воля, правда, истина, знание, закон, наука, русские, россияне, цивилизация, душа, мещанство, интеллигенция, диссиденты, совесть, мораль, деньги, бизнес, страх, тоска, дом, грех</i></p>
---------------------------------	---

В эксперименте испытуемые (далее – ии.) должны были выполнить три задания: 1) опознать слова как знакомые или незнакомые; 2) дать дефиниции слов списка (Что это такое?); 3) оценить слова экспериментального списка по шкалам (набор шкал был позаимствован из более раннего исследования эмоциональной нагрузки слова [Мягкова 1990]). В эксперименте принимали участие студенты первого курса неязыковых факультетов вузов (обсуждение результатов даётся на основании анализа 20 экспериментальных бланков).

В 2017 году был проведён разведывательный эксперимент с использованием той же методики и того же списка слов. Целью здесь было выявить, насколько и как изменились за прошедшие годы представления носителей языка о называемых данными словами явлениях. Поскольку в этом случае не ставилась отдельная задача исследования эмоционального значения, испытуемым предлагались только два первых задания. В эксперименте принимали участие студенты первого курса неязыковых факультетов вузов (обсуждение результатов даётся на основании анализа 10 экспериментальных бланков).

Приведённый ниже сопоставительный анализ рассматривается как первый (подготовительный) этап исследования, направленного на выявление специфики функциональной неграмотности современных носителей языка, а также поиск путей преодоления связанных с функциональной неграмотностью трудностей пользования языком. Подробное описание результатов эксперимента, проведённого в 2000 году, приводится в [Мягкова 2000б].

Итак, в первом, и во втором эксперименте большинство испытуемых опознали все слова списка как знакомые. Незнакомыми для множества из них оказались слова *диссиденты* (35% отказов в первом и 75% отказов во втором эксперименте) и *мещанство* (25% и 70% отказов, соответственно). Как видим, общее число ии., отметивших данные слова как незнакомые, значительно возросло. Кроме этих слов во втором эксперименте по одному разу были отмечены как незнакомые слова *мораль*, *интеллигенция* и *цивилизация*.

При выполнении второго задания и в первом, и во втором эксперименте в ряде случаев имел место отказ от дефиниции. В число слов, которые не были описаны, в первом эксперименте попали слова *дей-*

ствие, слово, истина, наука, цивилизация, мещанство, мораль, вера (среди этих слов только *мещанство* было в первом задании отмечено как незнакомое). Во втором эксперименте отказ от дефиниции был зафиксирован для слов *культура, слово, вера, наука, правда, истина, наука, цивилизация, мещанство, интеллигенция, диссиденты, мораль, грех*. Здесь также имели место случаи, когда в первом задании слово было помечено как знакомое, но не получило дефиниции во втором задании.

Рассмотрим результаты выполнения второго задания эксперимента; они оказались интересными во многих отношениях. Во-первых, в обоих экспериментах многие из тех, кто опознал почти все слова списка как знакомые, при выполнении этого задания показали, что их представление о том, что означает данное слово, весьма значительно отличается от общепринятого. Примеры дефиниций приводятся в табл. 2, здесь и далее во всех примерах сохранена орфография и пунктуация оригинала экспериментального бланка.

Таблица 2. Примеры дефиниций слов экспериментального списка.

Слово	Дефиниция	
	Эксперимент 1	Эксперимент 2
<i>диссиденты</i>	захватчики (2); плохие люди, ВРА-ГИ!; не умеющие вести честную, благородную борьбу захватчики; люди; борец против существующего строя, признанный властями	люди, взгляды которых расходятся с общепринятыми
<i>мораль</i>	правила поведения в обществе	выслушивать наставления другого человека; нормы поведения и общения в обществе; нормы поведения
<i>интеллигенция</i>	в данное время слои общества, обделённые деньгами; очень хорошие, воспитанные люди, к которым я, к сожалению, не принадлежу; студенты и те, кто из них вырос; я и мои друзья-педагоги; люди, которые хотят отделить себя от неинтеллигентов, хотя среди них немало умных людей, предпочитают умственный труд; люди, желающие показаться высокоразвитыми	воспитанное общество; люди высокие своей нравственностью; люди с правильным поведением из высшего общества; воспитание, уровень жизни; высший слой общества, отличающийся статусом, манерами, материальным положением; воспитанность
<i>воля</i>	предоставление полной свободы действий, обычно ограниченное рамками закона	свобода (5), неограниченность; возможность поступать, как хочется
<i>мещанство</i>	стремление жить только для себя, не интересуясь более ничем	зажиточность, богатство

В первом эксперименте некоторые ии. заканчивали свои дефиниции словами «*только я не уверен*», «*а может быть, и нет*» и т. п. Во втором эксперименте подобные комментарии отсутствовали.

Во-вторых, в первом эксперименте при ответе на вопрос второго задания («Напишите, как вы понимаете это слово») многие ии. старались сформулировать свое определение так, чтобы оно выглядело «научным», «правильным», и поэтому стремились к максимально беспристрастной дефиниции:

хлеб – продукт из зерновых культур, употребляется для еды; изделие из муки и воды; пищевой продукт на основе муки;

радость – процесс преобладания положительных эмоций, обычно сопровождается сокращением лицевых мускулов (улыбкой), если радость большая, то может сопровождаться выделением влаги из слёзных желез; чувство, ощущение, вызванное преобладанием положительных эмоций; разновидность поведения человека и животных;

любовь – процесс взаимоотношений между людьми;

слово – совокупность символов, несущих в себе определённый смысл;

душа – субъективное понятие, включающее в себя истинную сущность каждого человека.

В процессе обсуждения эксперимента после выполнения заданий¹ практически все ии. указали на то, что сами слова списка показались им «заумными», «научными» и т. п., и поэтому они сочли необходимым написать «как в учебнике».

Во втором эксперименте эта тенденция сохранилась, но главным здесь было то, что ии. очень боялись «написать неправильно», сделать ошибку (несмотря на то, что в ходе инструктажа перед проведением эксперимента специально оговаривалось, что это – не учебное задание, что эксперимент проводится анонимно, что главное – выразить своё субъективное представление о том, что означает слово). Здесь сильно выраженной оказалась свойственная современным выпускникам школы тенденция ориентации на оценку, а также привычка давать формально правильные ответы на вопросы:

хлеб – изделие из зерна, пшеницы; изделие мучное; хлебобулочное мучное изделие; продукт питания; мучное изделие, употребляемое в пищу;

радость – эмоции человека; состояние человека; эмоция; улыбка на лице за кого либо; чувство; хорошие эмоции;

¹ Обычно при проведении экспериментов в группах студентов после выполнения ими заданий возникает «стихийная» дискуссия по поводу того, что и зачем они только что делали и почему они сделали это так, а не иначе. Иногда такие обсуждения могут дать очень интересный материал для размышлений и даже помогают разрабатывать новые методики и приёмы исследования.

любовь – чувство свойственное человеку или жив.; чувство человека относительно кого или чего-либо; чувство по отношению к кому-либо или чему-либо; чувства между двумя людьми, привязанность;

слово – структура языка; набор букв, несущих определённую смысловую нагрузку; то из чего состоит вся наша речь; способ выражения своих мыслей; способ общения;

душа – что внутри чел. и остаётся после смерти; внутренний мир человека, его мысли, переживания, способности; то, что живёт в каждом человеке.

В материалах этого задания эксперимента в обоих случаях прослеживается ещё одна тенденция – передать значение слова с помощью описания образа, ситуации и т. п. В таких случаях, как правило, наличие эмоционально-чувственного содержания этого образа не вызывает сомнения, поскольку, кроме отчётливо выраженного положительного или отрицательного отношения автора толкования к описываемому им явлению, в нем явно ощущается связь с миром эмоций (а иногда эти эмоции и оценки прямо названы в дефиниции), например:

(ЭКСПЕРИМЕНТ 1)

мир – это когда нет войны и все хорошо; жить без страха и с надеждой на будущее;

любовь – это такое чувство, которое всем бы хотелось испытать, но, увы, оно встречается крайне редко; чувство, которое может возвысить человека до небес и бросить в бездну;

радость – смех, улыбки, беззаботность;

русские – люди, не только проживающие в России, но ещё и любящие свою Родину и своих сограждан; самая великая нация на свете;

россияне – обращение Б.Н. Ельцина к народу;

душа – если верить церкви, то это то, что попадает в рай, или в ад, после того как человек умирает; бессмертная часть человека; то, что находится в человеке, где-то в районе сердца;

совесть – это такой маленький человечек, который живёт в каждом из нас и пытается не позволить нам делать плохие поступки; субъективное понятие, мешающее людям делать то, что хочется, хотя иногда и правильно мешает; компас внутри человека;

деньги – жалкие бумажки, рабами которых многие из нас являются; какие-либо символы взаиморасчётов людей, потому что бартером не удобно; для умных – это средство, для глупых – это цель;

грех – самое страшное преступление в жизни; то, что делать нельзя, но все делают; все мы грешны;

истина – то, что забыто и не ставится под сомнение; то, что все ищут и не могут найти;

дом – то, где тебя ждут; место, где кто-либо проводит большинство ночей; в нём всегда хорошо и уютно, если он твой; место, где я спокоен;

вечность – где-то далеко есть большая гора, состоящая из чистого алмаза. Раз в тысячелетие на вершину горы прилетает орёл, чтобы почистить свой клюв об эту гору. Так вот, когда сотрется последняя крупинка этой горы – пройдет одна секунда вечности.

(ЭКСПЕРИМЕНТ 2)

мир – спокойствие на земле; гармония, спокойствие;

любовь – комфорт; семья; чувствовать человека, помогать во всём, отдавать себя полностью;

радость – уют; ощущение счастья; состояние эйфории, лёгкость;

душа – что-то широкое и, не имеющее граней; чаша наполненная чувствами;

совесть – внутренние терзания, упрёки (к самому себе);

деньги – то, что делает людей счастливыми!;

дом – уют, где есть родные; место, где тебя все ждут; место, где люди отдыхают с семьёй; семья; там, где тебя ждут, семья;

вечность – навсегда.

Как видно из примеров, в материалах второго эксперимента эмоционально-чувственная наполненность образов проявляется значительно слабее, меньше и количество слов, дефиниции которых отсылают к какому-либо образу и/или ситуации. В некоторых случаях изменился вектор отношения к называемому словом явлению. Например, слова *русские*, *россияне* с изменением политической обстановки в России также изменили своё значение, в первую очередь, его эмоционально-чувственную наполненность. Если в 2000 году *русские* – это «люди, не только проживающие в России, но еще и любящие свою Родину и своих сограждан; самая великая нация на свете²», а *россияне* – «обращение Б.Н. Ельцина к народу», то в 2017 году *русские* – это «национальность; люди, родившиеся в России, оба родителя тоже русские; нация» и лишь один раз встречается дефиниция «люди, стоящие за Россию»; *россияне* – «жители России; люди, которые живут в России», и лишь один раз встречается дефиниция «великая нация народа». В плане эмоционально-чувственной наполненности можно отметить снижение интенсивности отношения к называемому словом явлению, ср.: *вечность* – (эксперимент 1) «навсегда»; (эксперимент 2) «бесконечное время, продолжительность времени»; *грех* – (эксперимент 1) «самое страшное преступление в жизни; то, что делать нельзя, но все делают; все мы грешны»; (эксперимент 2) «деяние, совершённое против устоявшихся законов,

² В статье приводятся полученные ответы с сохранением оригинального написания.

норм, правил; проступок, ошибка; совершенное действие запрещённое Библией».

Любопытно, что слово *деньги*, которое имеет особенное значение для жителей современной России, изменило своё эмоционально-чувственное значение с резко отрицательного на нейтральное. Оно не отмечено интенсивным эмоционально-чувственным накалом: в первом эксперименте это были «жалкие бумажки, рабами которых многие из нас являются» и подобные характеристики, а во втором эксперименте лишь один раз появилась дефиниция с явным положительным отношением (подчёркнутым восклицательным знаком): «то, что делает людей счастливыми!» Остальные дефиниции преимущественно нейтральны: «бумажка на которую можно купить; общее название билетов банков разных стран; ценные бумаги, на которые приобретают все различные блага; то что мы тратим для более удобной жизни; ценные бумаги, точнее бумага имеющая ценность в золоте; средства платежа, обмена; способ оплаты чего-либо».

Следует отметить и то, что во втором эксперименте предложенные ии. дефиниции стали значительно короче, выросло количество орфографических и особенно пунктуационных ошибок. Кроме того, современные студенты в целом не готовы к работе со словами. Во-первых (и это обнаруживается практически на каждом занятии по иностранному языку), они не очень хорошо представляют себе, что такое значение слова (прежде всего, слова родного языка). Большие затруднения вызывают просьбы объяснить, что значит то или иное слово, в каких ситуациях оно используется; практически невыполнимым оказывается задание привести примеры использования слова (на русском языке). Как представляется, причиной такого положения дел может быть неумение работать творчески и самостоятельно, а также боязнь получения плохой оценки (результат ориентации на формальные показатели качества знаний в школьном обучении, что привело к формированию привычки зазубривать готовые тексты без глубокого осмысливания их содержания).

Ранее [Мягкова 2015] уже была высказана мысль о том, что эти затруднения в работе с разного рода текстами (в широком смысле слова «*текст*») вызваны недостаточной сформированностью внутреннего метаязыка, что неизбежно ведёт к отсутствию навыков моделирования языковых явлений и, вследствие этого, бедности эмоционально-чувственного фона (который возникает на основе чувственного опыта в предметной деятельности субъекта). Это связано с тем, что «метаязыковая деятельность носителя языка, имеющая (как и вся мыслительная деятельность) корни в “чувствовании”, неизбежно окрашивается разными оттенками чувственных модальностей, “наводящих” на смыслы.

Возможно, именно поэтому те виды речевой деятельности, которые связаны с моделирующей функцией внутреннего метаязыка (например, попытки создать или понять тексты типа *глокой куздры* или *Jabberwocky*), настолько эмоционально окрашены» [Мягкова 2013: 56–57]. Очень хорошо об этом сказала Алиса: «Очень милые стишки... но понять их *не так-то* легко. Наводят на всякие мысли – хоть я и не знаю, на какие... Одно ясно: *кто-то кого-то* здесь убил... А впрочем, может и нет...» [Кэрролл 1978: 129] (курсив оригинала. – *Е.М.*). Это подтверждается и в обсуждении *глокой куздры* со студентами и аспирантами: в норме идентифицируются не только «отношения между объектами», но и предположительные качества этих объектов, формирующие определённое к ним отношение. Логика мышления – это не всегда чёткая логика высказывания, заданная грамматическим правилом, но и нечто иное, не поддающееся однозначному более или менее простому описанию. В процессе овладения языком человек на метаязыковом уровне формирует внутренние опоры, позволяющие ему идентифицировать языковые единицы и выстраивать отношения между ними.

Таким образом, получается, что сосредоточенность на формальных показателях качества знаний приводит к формированию «дефектной» внутренней грамматики, не позволяющей носителю языка свободно оперировать языковыми формами (кстати, разграничение формы и содержания – ещё одна весьма значительная проблема для современных студентов). Такая «дефектная» система внутренних опор мешает формированию переносимых навыков, что оказывается одной из причин функциональной неграмотности. Ещё одним фактором, создающим проблемы в пользовании языком, становится дефицит фоновых знаний: выпускники современной школы имеют весьма смутные представления о мире, в котором живут, поскольку у них отсутствуют элементарные знания по целому ряду школьных предметов (в первую очередь, математике, истории, географии – см. об этом: [Мягкова 2017б]).

Таким образом, задача современного исследователя, по-видимому, должна состоять в поиске путей исправления этой ситуации (если это, в принципе, возможно). Это потребует разработки новых методов и способов диагностики функциональной неграмотности, а также поисков путей её преодоления.

Литература / References

1. *Золотова Н.О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
2. *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье / под ред. Н.М. Демуровой. М.: Наука, 1978. – 359 с.

3. *Мягкова Е.Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 110 с.
4. *Мягкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: монография. Курск: Изд-во КГУ, 2000а. – 112 с.
5. *Мягкова Е.Ю.* Экспериментальное исследование «Констант русской культуры» // Слово и текст в психолингвистическом аспекте: Сб. науч. трудов. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2000б. С. 56–63.
6. *Мягкова Е.Ю.* Язык – логика – грамматика: к проблеме моделирования метаязыка // Методология современного языкознания: Сб. статей / отв. ред. А.Г. Сонин, А.С. Баранов. М.: АСОУ, 2010. С. 141–150.
7. *Мягкова Е.Ю.* Ещё раз к вопросу о грамматике говорящего // Известия ЮЗГУ. Серия Лингвистика и педагогика. 2013, № 4. С. 53–59.
8. *Мягкова Е.Ю.* Моделирование внутреннего метаязыка как средство диагностики функциональной неграмотности // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 44–51.
9. *Мягкова Е.Ю.* Проблемы социализации: существует ли угроза цифрового слабоумия? // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2017а. (Вып. 57). С. 199–210.
10. *Мягкова Е.Ю.* Где живёт бурый белый медвежонок, или чтение и проблемы понимания текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017б, № 4. С. 145–151.
11. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

ОТСУТСТВИЕ ЧУВСТВА ЯЗЫКА КАК СИМПТОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕГРАМОТНОСТИ

Е.Ю. Мягкова, С.В. Мкртычян

FEELING FOR LANGUAGE AS A FEATURE OF FUNCTIONAL ILLITERACY

E.Yu. Myagkova, S.V. Mkrtychian

ABSTRACT

Functional illiteracy and its consequences are discussed to suggest a view of feeling for language in the context of overcoming functional illiteracy. The results of an experimental study aimed at revealing language user sensitivity for verb aspect opposition of perfect/indefinite are given to illustrate the authors' position.

Key words: functional illiteracy; feeling for language; grammatical category; aspect of the Russian verb; experiment; interpretation

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается проблема функциональной неграмотности, описываются последствия этого явления; предлагается трактовка чувства языка с позиций преодоления функциональной неграмотности; в качестве иллюстративного материала описываются результаты экспериментального исследования, направленного на выяснение чувствительности носителей языка к видовой оппозиции глаголов несовершенного / совершенного вида.

Ключевые слова: функциональная неграмотность; чувство языка; грамматическая категория; вид русского глагола; эксперимент; интерпретация

Изменение системы образования привело к подмене реальных результатов образования формальными показателями, что постепенно приводит к увеличению количества людей, не умеющих читать и считать, а главное – не умеющих понимать тексты. Снижение статуса родного языка способствует снижению уровня общей грамотности и приводит к **функциональной неграмотности**.

Специалисты разных стран интерпретируют это явление по-разному и делают акценты на различных его сторонах (см. [Чудинова ЭР]). Термины, которыми при этом пользуются, также различны: “functional illiteracy” («функциональная неграмотность»), “secondary illiteracy” («вторичная неграмотность»), “semiliterate” («полуграмотные»), “dyslectic”, “dyslexic” («не владеющие словарём, с плохой лексикой») и др. В США в последние десятилетия широко используется связанный с этой проблемой термин “family literacy” — «семейная грамотность», а также термин “at Risk” – «те, кто относится к группе риска», или «находится в опасности». Но под «опасностью» и «риском» здесь подразумевается совсем не то, что обычно имеется в виду, т. к. этот «риск» связан

именно с низким уровнем образования, другими словами, с функциональной неграмотностью [A Nation at Risk 1987]. Для иллюстрации масштаба этого явления приведем некоторые впечатляющие цифры. По данным американских исследователей, один взрослый из четырёх слабо владеет грамотой. Существует и такое явление, как пассивная грамотность, когда взрослые и дети просто не любят читать. В докладе «Нация в опасности» Национальная комиссия приводит следующие цифры, которые рассматриваются ею в качестве «индикаторов риска»: около 23 млн. взрослых Америки являются функционально неграмотными, им трудно справиться с простейшими задачами ежедневного чтения, письма и счета, около 13% всех семнадцатилетних граждан США могут считаться функционально неграмотными. Функциональная неграмотность среди юных может возрасти до 40%; многие из них не обладают целым рядом необходимых интеллектуальных навыков: около 40% не могут сделать выводы из текста, только 20% могут написать сочинение с убедительной аргументацией и только 1/3 из них может решить математическую задачу, требующую поэтапных действий [Там же].

Люди, страдающие функциональной неграмотностью, не умеют декодировать речь, видеть в ней смысл, они не способны к творческой и эвристической деятельности, поскольку функциональная неграмотность ведёт к атрофии синтетических функций мышления.

Функциональная неграмотность не адекватна традиционному представлению о неграмотности. По определению ЮНЕСКО, этот термин применим к любому лицу, не обладающему в достаточной степени сформированными навыками чтения и письма и не способному к восприятию короткого и несложного текста, имеющего отношение к повседневной жизни. Функционально неграмотному человеку действительно приходится нелегко даже на бытовом уровне: например, ему трудно быть покупателем и выбрать необходимый товар (т. к. эти люди ориентируются не на сведения о товаре, указанные на упаковке, а только на этикетки), трудно быть пациентом (т. к. при покупке лекарства непонятна инструкция по его применению – каковы показания и противопоказания, побочные эффекты, правила применения и т. д.), сложно быть путешественником (ориентироваться в дорожных указателях, планах местности и другой подобной информации, если он не был ранее в этом месте; проблемой является посчитать заранее и спланировать дорожные расходы и т. д.). Среди других проблем: оплата счетов, заполнение налоговых квитанций и банковских документов, оформление почтовых отправлений и писем и проч. Функционально неграмотные испытывают проблемы, связанные с воспитанием детей: порой не могут прочитать письмо учителя, боятся визита к нему, им трудно помочь ребёнку с выполнением домашнего задания и т. д. Проблемы с бытовыми элек-

троприборами, невозможность разобраться в инструкциях к ним, ведут к их порче, а иногда и к бытовым травмам хозяев. Функционально неграмотные не могут работать с компьютерами и другими аналогичными системами. Проблема оказалась настолько острой, что 1990 г. по инициативе ЮНЕСКО был провозглашён Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом грамотности (МГГ). В течение 1991 г. подводились итоги соответствующих мероприятий во многих странах и международных организациях. В настоящее время на их основе разрабатываются законодательные акты, решения, планы и программы для продолжения и развития движения за преодоление и предупреждение неграмотности в различных её формах [A Nation at Risk 1987].

Функциональная неграмотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью: язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, со всеми сферами деятельности человека (прямо или опосредованно; ср.: [Зинченко 2001]). В этой связи интерес представляют обсуждавшиеся в [Вершловский, Матюшкина 2007] результаты исследования уровня функциональной грамотности выпускников школ как одного из показателей их готовности к жизни во взрослом сообществе. В работе делается поразительный и очень важный вывод: **«Как видим, чем меньше интеллектуальных усилий требует то или иное умение, тем выше молодые люди оценивают свою способность справиться с заданием»** [Там же] (выделено в оригинале. – *Е.М., С.М.*).

В первую очередь речь идёт об умениях, связанных с чтением, письмом [Безруких 2009] и устным счётом (см., например, [Баврин 2002]). Устный счёт развивает у детей инициативу, сообразительность, изобретательность, внимание, память, мышление, прививает любовь и интерес к математике. Письмо и чтение – также базовые школьные навыки, без эффективного владения которыми обучение затруднено или просто невозможно. Такой вид неграмотности проявляется в «недостаточной сформированности речевых умений, ведущих к неправильному пониманию и искажению смысла при восприятии чужих мыслей и к нечёткой передаче собственных»; в результате человек становится в той или иной степени неподготовленным «к выполнению возложенных на него функций» [Безрукова ЭР].

Большое значение для чтения и письма имеет сформированность механизмов внимания, памяти, произвольной регуляции деятельности. **Все** действия, составляющие собственно процессы чтения и письма, напрямую связаны со **всем** многообразием психических процессов, в частности, с мышлением, в свою очередь, тесно связанным с речевой деятельностью. По мнению В.П. Зинченко, целостные представления о мышлении могут быть получены только путём выхода «за пределы мышления в мир деятельности и действия, в мир образов, в мир аффектов и, конеч-

но, в мир слова. Это необходимо, потому что действие, образ, слово, чувство становятся языками мышления. Слово содержит в своей внутренней форме образ и действие, действие – образ и слово, а образ – действие и слово. По отношению к ним применим древний принцип: “Всё в одном, одно во всём”» [Зинченко 2001: 103]. Именно поэтому так важно, чтобы ребёнок научился правильно использовать язык для освоения, усвоения и присвоения знаний. Об этой роли языка ещё в середине восьмидесятых годов писала Л.Р. Аносова: в результате интериоризации носителем языка присваиваются значения, которые на уровне индивидуального сознания заполняют «синтаксический каркас» [Аносова 1985]. Правила семантического синтаксиса «присваиваются индивидуальным сознанием через эталоны речевого мышления и имеют объективную основу. Складывающаяся в сознании идеальная картина мира, определяемая нами, вслед за Э.В. Ильенковым, как “схема” деятельности человека с вещами внешнего мира, представляет собой синтаксический каркас (рамку), в которой помещаются присваиваемые индивидом значения. <...> Подобно тому, как образ, интериоризуясь, теряет свою модальность, так и эталон [языковой – *Е.М.*, *С.М.*], присваиваясь (вписываясь в семантическую систему), теряет свою конкретность – остаётся синтаксический каркас и возможность заполнения его конкретными значениями» [Там же: 96]. Этот синтаксический каркас – основная опора для пользования языком.

Только научившись выполнять «технические» операции, ребёнок начинает учиться понимать текст. Но если на каждом этапе формирования навыков чтения и письма эти «технические» операции не отработаны до автоматизма, вырабатывается **дефектный** навык. Результаты такого «дефектного» формирования навыков мы имеем в наличии сегодня. Именно этим обусловлены трудности, с которыми сталкиваются сегодня не только школьные учителя, но и преподаватели вузов. Именно эти дефекты приводят к функциональной неграмотности.

Многие исследователи и педагоги видят связь функциональной неграмотности с организованным обучением и непосредственную зависимость первой от второго. Ещё в 1927 году Л.В. Щерба писал: «те результаты, которые сейчас налицо, получились в значительной степени благодаря <...> методическому заблуждению или, вернее, благодаря поспешным и односторонним выводам из некоторых данных экспериментальной педагогики» [Щерба 1957: 59]. Несомненно, эта проблема актуальна и в наши дни. Созвучная мнению Л.В. Щербы точка зрения представлена во многих статьях и книгах (см., например, [Озеркова ЭР; Ясюкова 2011]). А. Шперх указывает, что главным местом для учения будет «любое, где [для ученика – *Е.М.*, *С.М.*] появляется возможность конструктивной деятельности. Не пассивное потребление информации,

а именно активная конструктивная деятельность, когда он не только использует готовые ресурсы, но и сам активно участвует в их развитии» [Шперх ЭР].

Группа людей, наиболее близко стоящая к функционально неграмотным, или в какой-то мере совпадающая с ними, может быть названа «weak readers» – «слабые читатели», для которых характерно «пассивное чтение». Сюда относятся взрослые и дети, которые не любят читать. Эта группа читателей была недавно исследована французскими социологами [Куно 1992: 7–9]. Определение «слабый читатель» указывает на уровень овладения культурными навыками и опытом, зависящими прежде всего от образования, социального происхождения и особенно – от изменений в семейных, профессиональных или социальных отношениях. Авторы подчеркивают, что обычно «слабого читателя» представляют как человека, у которого нет времени для чтения. В действительности же речь идет о причине психологического характера: ни его жизненные обстоятельства, ни профессиональная ориентация не способствуют превращению чтения в постоянную привычку. Он читает от случая к случаю и не тратит на это много времени, считая это занятие нецелесообразным. В чтении такие люди обычно ищут «полезную» информацию, т. е. информацию, носящую практический характер. Кроме того, в их окружении чаще всего мало читают и редко говорят (либо вообще не говорят) о книгах (см. об этом [Там же]). Для этой категории читателей мир культуры находится за пределом – барьером его собственной необразованности: библиотека вызывает чувство робости и ассоциируется с учреждением, предназначенным для посвящённых, книжные магазины также предлагают слишком большое поле выбора, являющееся скорее препятствием, чем стимулом, побуждающим к чтению. Школьное литературное образование, полученное в детстве и попавшее на малоподготовленную почву, вызвало скорее отторжение от литературы (во многом благодаря принудительному характеру обучения), а не способствовало развитию интереса к чтению и навыкам самообразования. Специалисты пока что не пришли к единому мнению о том, действительно ли существовал и ещё существует «кризис чтения», или же причина лежит совсем в другом – всё увеличивающемся разрыве между уровнем «школьной продукции», обеспечивающейся современными системами образования, и требованиями «социального заказа» со стороны общества и его социальных институтов.

Для преодоления функциональной неграмотности чрезвычайно важным является развитие языковой способности, формируемой различными видами речевой деятельности. Развитие языковой способности непременно должно включать в себя развитие «чувства языка», которое связано с творческим комбинированием языковых единиц и высказыва-

ний. Во-первых, ситуации речевого общения постоянно меняются. Это заставляет ребёнка создавать новые фразы, которые раньше в его речевом опыте не встречались, и комбинировать их в новых сочетаниях. Во-вторых, изменение ситуации и новые комбинации высказывания рождаются у ребёнка новые мысли, отсюда возникает и новое выражение их посредством языка. Именно в тот момент, когда ребёнок находит новое речевое решение в какой-либо конкретной ситуации, происходит развитие языковой способности. Совокупность развитых у ребёнка речевых умений и навыков и составляют языковую способность, которая позволяет ему понимать и строить новые высказывания в соответствии с речевой ситуацией и в рамках системы правил, принятых в данном языке для выражения мыслей.

Опора на «чувство языка» и обращение к языковому опыту учащихся является одним из важнейших принципов обучения родному языку» [Львов 1988: 175]. Проблемы, связанные с развитием чувства языка, носят не только практический, но и теоретический характер, поскольку касаются неоднозначного понимания природы этого явления (см. [Кохичко 2010]). Большинство лингвистов трактуют понятие «чувства языка» с интеллектуалистских позиций, рассматривая его как сумму знаний о языке, полученных в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи, функционирующих в виде языковых представлений индивида и регулирующих правильность (нормативность) его речи. Другие исследователи считают «чувство языка» эмоциональным переживанием, связанным с чувством удовольствия или неудовольствия, привычностью или непривычностью языкового оформления высказывания. Пытаясь занять «примирительную» позицию, А.Н. Кохичко пишет: в лексике русского языка чутьё (интуиция) – неосознанное (общее, неопределённое, безотчётное, стихийное, непосредственное) чувство, основанное на предшествующем опыте; способность чувствовать (ощущать, осязать, обонять, слышать, предчувствовать, угадывать); инстинкт, догадка, наитие. Тогда как чувство – это состояние, возможность, (высшая) способность сознательно воспринимать (переживать) явления (дейтельность) внешнего мира; сознание; познание; понятие; благоразумие, мудрость» [Кохичко 2010: 3]. Иначе говоря, чутьё языка связывается с умением подбирать слова, а чувство языка – это неосознанное владение грамматикой родного языка, «следование правилам морфологии и синтаксиса» [Федоренко 1964: 234].

Кажется, что намеченная выше дихотомия весьма искусственна, поскольку грамматический строй отражает самые общие связи и отношения между сущностями действительности и при этом каждая грамматическая категория оказывает мощное организующее влияние на лексику. Одновременно с этим словоформа, реализующая одну или несколько

грамматических категорий, воспринимается как оболочка лексической единицы. По этой причине среднестатистический носитель языка задумывается о значении (в широком смысле) слова, а не о реализованной в этом слове грамматической категории. Грамматика оказывается «погружённой в жизнь», в коммуникативную ситуацию. По этой причине чувство языка отграничивается от чужья языка на сугубо формальном основании. Приоритет коммуникативной значимости лексического или грамматического в употреблении слов вряд ли может быть установлен. Чувство языка проявляется в уместно употреблённом слове в нужной форме.

Возвращаясь к проблеме функциональной неграмотности и необходимости прививания чувства языка его носителям как «прививки» против этой болезни века, мы остановимся чуть подробнее на специфике употребления грамматической категории вида русского глагола, точнее, обсудим результаты эксперимента, направленного на выяснение чувствительности носителей языка к видовой оппозиции глаголов несовершенного (далее – НСВ) / совершенного (далее – СВ) вида.

Следует заметить, что вид является в русском языке необходимой грамматической категорией и тем самым его выражение обязательно. «Употребляя в предложении глагол, мы должны употребить его в форме СВ или НСВ – даже если мы не имеем в виду передать ни один из тех смыслов, которые могут выражаться категорией вида» [Зализняк, Шмелёв 2007: 10].

Ещё раз подчеркнём, что особая сложность в интерпретации семантических оттенков видовых корреляций носителями языка связана со спецификой грамматического значения, которое характеризуются «несамостоятельностью», автоматизмом выражения, пониженной осознаваемостью (интенциональностью) в сравнении с лексическим значением. Они лишь сопутствуют лексическим значениям и оформляют их, не становясь отдельным предметом мысли. С.Д. Кацнельсон отмечает, что «владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Хотя выражение мысли и её понимание совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения находится лишь вещественное содержание речи. Функции грамматических форм осознаются лишь совместно с полнозначными словами и при их посредстве. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда, когда грамматический строй становится объектом научного познания» [Кацнельсон 1972: 114–115]. Всё сказанное в полной мере относится к категории вида.

Вернёмся к эксперименту. В эксперименте приняли участие 20 магистрантов Тверского государственного университета по направлению «Лингвистика». Задание для проведения эксперимента было сформулировано следующим образом: Прочитайте реплики и определите, где уместен а) глагол только СВ; б) глагол только НСВ; в) оба глагола. Там, где можно использовать оба глагола, прокомментируйте смысловое различие, если оно есть.

В качестве стимульного материала выбрано несколько минимальных контекстов, которые не содержат эксплицитных маркеров вида (например, указание на кратность действия, наличие результата и т.п.) и в которых возможно употребление как СВ, так и НСВ. Контексты позволяют установить дифференциальные признаки каждой из видовых пар в том случае, если эти признаки распознаются испытуемыми (далее – ии.).

Рассмотрим предложенные для эксперимента контексты с комментариями ии.

**I. – Самовар украли.
– Кто КРАЛ / УКРАЛ?**

Типичен СВ, но НСВ подразумевает повторяемость действия, представляет действие как нечто само собой разумеющееся. Как пишет Г.М. Зельдович, «НСВ хорош, если только это диалог двух воров из шайки, потому что для них кража – заурядная, каждодневная вещь» [Зельдович 2012: 82].

Комментарии ии. (сохранена оригинальная орфография и пунктуация):

Для НСВ:

1. *Кто и как самовар крал, никто не видел.*
2. *Кроме самовара украдено что-то ещё, действие продолжалось долго.*
3. *Акцент на факт, свершившееся действия.*
4. *Одноразовое действие. Украл, и всё.*
5. *Неважно, кто, а важно, что самовара нет.*
6. *Повторяющееся действие (2 ответа).*
7. *Крал на протяжении долгого времени.*

Для СВ:

1. *Вопрос про самовар непосредственно.*
2. *Человек крал на протяжении какого-то времени только самовары.*
3. *Вора застали на месте преступления.*
4. *Однократное действие (2 ответа).*
5. *Самовара нет.*

II. – *Пойдём завтра в кино?*

– *Нет, завтра я ПОЕДУ / ЕДУ в Москву.*

НСВ передаёт неотвратимость события, его обязательность. М.Я. Гловинская [Гловинская 1986] связывает употребление вида в сходных контекстах вкатегорией вежливости. По её мнению, более вежливым должен считаться вариант с НСВ как существенная причина отказа в силу неотвратимости предстоящего действия.

С категорией вежливости связан мотив «давности» в контексте «*Я у вас деньги на прошлой неделе ОДОЛЖИЛА / ОДАЛЖИВАЛА*». По И.Б. Шатуновскому [Шатуновский 1996: 328], НСВ вежливее здесь потому, что предполагает обратное (открытое, незаконченное) действие. Однако можно объяснить иначе: НСВ указывает на давность события; если же должник сам признает давность долга, то это звучит деликатнее, ибо скорее значит, что он осознает необходимость долг вернуть.

Комментарии ии:

Здесь недостаточно контекста.

Для НСВ:

1. *Точно сбудется*
2. *Более вероятно, например, есть билет.*
3. *Планы на ближайшее время.*
4. *Звучит более определенно, как будто все спланировано в деталях (билет уже куплен, встреча обговорена и т.п.).*
5. *Я уже точно еду, этого ничто не изменит.*

Для СВ:

1. *Действие не запланировано*
2. *Действие есть в планах.*
3. *Планирую поехать.*

III. – *Я СВАРЮ / БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.*

СВ привлекает внимание к результату предстоящего действия, а НСВ служит, чтобы подчеркнуть интерес говорящего к тому, что есть или будет перед тем, как действие состоится. Скорее всего значит, что СВ свидетельствует о том, что лук будет добавлен уже в готовый суп, а НСВ – что лук будет добавляться в суп в ходе его варки.

Комментарии ии.:

Для НСВ:

1. *Не факт, может, и не сварю, потому что устану.*
2. *Не точные по срокам планы, лук на самом деле, может, и не понадобится.*
3. *Планирую варить.*
4. *Я буду варить суп в любом случае, но с луком будет лучше.*

5. *К твоему приходу я буду находиться в процессе приготовления супа.*
6. *Упор на процесс, а лук нужен как ингредиент.*
7. *Буду варить суп на протяжении какого-то времени; возможно, не получится с первого раза и придётся варить снова.*
8. *Не хватает ингредиентов.*

Для СВ:

1. *Большая доля уверенности, что суп будет.*
2. *Точно будет итог, острая необходимость в ингредиенте.*
3. *Точно сделаю.*
4. *Я сварю, если ты купишь лук.*
5. *К твоему приходу я уже сварю суп.*
6. *Как будто лук нужен будет в дополнение к супу (как хлеб, например), а не в качестве ингредиента.*
7. *Я его точно сварю, я точно знаю, что он будет вкусный, и мне ничто не помешает его сварить.*
8. *Решение на месте в значении «Дай-ка сварю я суп».*

IV. – Ивана УВОЛЯТ / БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.

В этом контексте внимание привлечено к результату действия (СВ), после которого Ивану потребуется помощь, а НСВ подчёркивает, что нужно помочь во время протекания действия.

Комментарии ии.:

Для НСВ:

1. *Незаслуженно, вызывает сочувствие.*
2. *Увольнение пока ещё под вопросом.*
3. *Собираются уволить.*
4. *Собираются, думают о том, чтобы уволить, но не в ближайшее время.*
5. *Есть шанс, что Иван избежит увольнения, если мы ему поможем.*
6. *Будут увольнять в будущем.*
7. *Собираются в планах.*
8. *будущее Ивана предрешено, но еще точно неизвестно, когда увольнение произойдет.*
9. *Однократное действие.*
10. *Невозможно увидеть данное действие в процессе.*
11. *Продолжительное действие, создаётся впечатление, что процесс будет длительным.*
12. *Т.е. всё никак не уволят, как будто собираются всем офисом и часами его будут увольнять.*
13. *Процесс увольнения займёт время: нужно подготовить документы, сообщить об этом Ивану и т.д.*

Для СВ:

1. Если уволят, помощь будет бессильна.
2. Заслуженно, за проступок, как наказание.
3. Его уже точно уволят, документы готовы, этого не изменить.
4. Непродолжительное действие, указывающее на моментальный результат.
5. Точно уволят (3 раза)
6. Будет в ближайшее время точно.
7. возможно в качестве угрозы или предположения (например, коллега говорит Ивану, что за некий проступок его уволят)
8. Уволят точно в ближайшее время, документы и т.д. готовы.

Ответы ии.по каждому из контекстов систематизированы в табл. 1.

Таблица 1. Результаты эксперимента.

Исходный контекст	Ответы ии.			
	«Возможен глагол только одного вида»	«Возможны оба глагола, нет существенной разницы в значении»	«Возможны оба глагола, разнига есть, но объяснить трудно»	Наличие комментария
– Самовар украли. – Кто КРАЛ/УКРАЛ?	СВ 45%	10%	10%	35%
– Пойдём завтра в кино? – Нет, завтра я ПОЕДУ/ЕДУ в Москву.	—	60%	15%	25%
– Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.	НВ 10%	40%	10%	40%
– Ивана УВОЛЯТ/ БУДУТ УВОЛЬНЯТЬ. Ему нужно помочь.	—	20%	10%	70%

Привлечённые в качестве экспериментального материала контексты ясно обнаруживают, что обстоятельства, влияющие на выбор НСВ и СВ, чрезвычайно субъективны. Примерно равная приемлемость СВ и НСВ в некоторых контекстах связана с тонкими предпочтениями, разграничение которых обеспечивается чувством языка. А неразграниче-

ние этих контекстов может расцениваться как первичный симптом функциональной неграмотности.

Литература / References

1. *Аносова Л.Р.* Эталоны речевого мышления // Вопросы психологии. 1985, № 2. С. 96–100.
2. *Баерин И.И.* Избранные задачи С.А. Рачинского для умственного счета. М.: Москов. психологосоциальный ин-т, 2002. – 48 с.
3. *Безруких М.М.* Трудности обучения в начальной школе. Причины, диагностика, комплексная помощь. М.: Эксмо, 2009. – 464 с.
4. *Безрукова В.С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс] URL: <http://refdb.ru/look/2054801.html>. Дата последнего обращения – 18.09.2015.
5. *Вершловский С.Г., Матюшкина М.Д.* Функциональная грамотность выпускников школ // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 140–144.
6. *Гловинская М.Я.* Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986. – 37 с.
7. *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 2007. – 148 с.
8. *Зельдович Г.М.* Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. – 648 с.
9. *Зинченко В.П.* Возможны ли целостные представления о мышлении? // Психологическая наука и образование. 2001, № 2. С. 96–103.
10. *Качнельсон С.Д.* Типология языка и языковое мышление. Л.: Наука, 1972. – 231 с.
11. *Кохичко А.Н.* О проблеме развития чувства языка при обучении русскому языку как родному // Начальная школа плюс до и после. 2010, № 10. С. 77–82. [Электронный ресурс] URL: <http://school2100.com/upload/iblock/854/854cbd1911b737cafc32e166a792e9d8.pdf>. Дата последнего обращения – 24.04.2017.
12. *Куно К.* Чтение во Франции. М.: Рудомино, 1992. – 23 с.
13. *Львов М.Р.* Словарь-справочник по методике русского языка. М.: Просвещение, 1988. – 240 с.
14. *Озеркова И.А.* Целеполагание как ключевая компетенция образовательного процесса [Электронный ресурс] URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0222-10>. Дата последнего обращения – 27.10.2016.
15. *Федоренко Л.П.* Принципы и методы обучения русскому языку: пос. для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1964. – 256 с.
16. *Чудинова В.П.* Функциональная неграмотность – проблема развитых стран. [Электронный ресурс] <http://ecsocman.hse.ru/data/618/861/1216/018chudinova.pdf>. Дата последнего обращения – 24.04.2017.
17. *Шатуновский И.Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. М.: Языки славянской культуры, 1996. – 404 с.
18. *Шперх А.* Цифровое слабоумие: кто на самом деле глупеет от гаджетов? [Электронный ресурс] URL: <https://newtonew.com/discussions/digital-amnesia>. Дата последнего обращения – 24.11.2016.
19. *Щерба Л.В.* Безграмотность и её причины // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 56–62. [Электронный ресурс] URL: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannyye-raboty-russkomu-yazyku_1957/. Дата последнего обращения – 12.10.2016.
20. *Ясюкова Л.А.* Педагогика неграмотности // Школьные технологии. 2011, № 2. С. 25–30. [Электронный ресурс] URL: <http://www.metodikinz.ru/must/?page=view.pedneg>. Дата последнего обращения – 17.06.2013.
21. A Nation at Risk. National Commission on Excellence in Education. (1983) // Cargan L., Ballantine J.M. Reading in sociology. Fourth edition. Wadsworth Publ. Comp. Belmont, California, 1987. P. 179–191.

СОВРЕМЕННЫЙ СИБИРСКИЙ ГОРОД: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОМСКА)

Е.А. Оглезнева, И.А. Парыгина, Чжан Синьянь

MODERN SIBERIAN CITY: PECULIARITIES OF LINGUISTIC SITUATION
(CASE STUDY OF TOMSK)

E.A. Oglezneva, I.A. Parygina, Zhang XinYan

ABSTRACT

The article deals with the modern linguistic situation of such cosmopolitan Russian city as Tomsk, which is one of leading cultural and educational centres east of the Urals. The goal of the article is to investigate the historical conditions influenced the modern linguistic situation of the city, including idioms. The idioms functioning in the city are analyzed using quantitative, qualitative and evaluation dimensions. As a result, we have detected the uniqueness of linguistic situation in Tomsk.

Key words: sociolinguistics; linguistic situation; modern Siberian city; cosmopolitan city; dominant idiom; communicative capacity

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается современная языковая ситуация сибирского города Томска. Целью статьи является рассмотрение исторических условий формирования языковой ситуации города, которые влияют на состав идиомов, характеризующих языковую ситуацию Томска. Осуществляется анализ идиомов, функционирующих в городе, с учетом количественных, качественных и оценочных признаков, выявляется своеобразие, уникальность языковой ситуации Томска.

Ключевые слова: социолингвистика; языковая ситуация; многонациональный город; современный сибирский город; доминирующий идиом; коммуникативная мощность

Современная Россия демонстрирует многообразные варианты языковых ситуаций на своей территории. Свообразие языковой ситуации в каждом конкретном случае определяется следующими факторами: во-первых, функционированием языков коренного (аборигенного) населения на территориях, не исконных для пришлого славянского населения, ставшего впоследствии доминирующим на этих территориях, и статус этих языков; во-вторых, функционированием языков сопредельных государств в условиях пограничного существования; в-третьих, соотношением статусов языков и их форм, функционирующих в определенный отрезок времени на той или иной территории [Оглезнева 2014: 11–12]. Можно добавить еще один фактор, влияющий на особенности языковых ситуаций в современных регионах и городах России: это фактор крупных миграций населения внутри России, а также миграционные

потоки извне – из-за рубежа, что ведет к изменению качественных, количественных и оценочных характеристик языковых ситуаций в современной России.

Цель настоящей статьи – реконструировать языковую ситуацию современного города Томска, определив состав ее идиомов, с учетом названных социалингвистических факторов. Опыт подобной реконструкции будет осуществлен впервые, что определяет новизну нашего исследования и его актуальность, поскольку социалингвистическое изучение городов имеет не только теоретическое значение, но и непосредственно связано с вопросами языковой политики и языкового планирования.

Исторически сложилось так, что Томск является многонациональным городом. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года [www.tmsk.gks.ru] в Томске зафиксировано 37 национальностей. Большинство жителей города составляют русские – 91,76%. Второе место по численности занимают татары, хотя они значительно уступают русским – их всего 1,72%. Следующими по численности идут украинцы – их 0,98% и немцы – 0,74%. Среди других распространенных национальностей Томска и Томской области – узбеки (0,63%), азербайджанцы (0,56%), армяне (0,41%) и белорусы (0,28%). Кроме того, в городе проживают представители таких национальностей, как казахи, киргизы, корейцы, чувашаи, тувинцы, буряты, таджики, евреи, алтайцы, хакасы, поляки, молдаване, цыгане, башкиры, мордва, грузины, чеченцы, якуты, аварцы, удмурты, латыши, литовцы, лезгины, ингуши, эстонцы, марийцы, турки. Достаточно много иностранцев из дальнего зарубежья – китайцев, монголов, вьетнамцев, итальянцев, арабов и др., временно проживающих в городе от нескольких месяцев до нескольких лет. В основном это студенты и аспиранты высших учебных заведений города Томска, а также иностранные граждане, приехавшие в Томск на работу. Абсолютное большинство иностранцев из стран дальнего зарубежья – это китайцы. Такой национальный состав связан с историей заселения края и освоения Сибири, а также с внутренними и внешними миграциями населения.

Славянское население в Томске появилось после 1604 г., что существенно изменило этническую картину в регионе. Это было преимущественно русское население. В XX в. было несколько волн заселения края, связанных как с освоением томских земель крестьянами из западных губерний России (например, вольное переселение после Столыпинской реформы), а также в связи с невольным переселением в Сибирь по политическим причинам. Для освоения сельскохозяйственных угодий переселялись в основном славяне (русские, украинцы, белорусы и некот. др.), и поскольку они были крестьяне, то говорили, соответственно,

на своих местных диалектах: русских, украинских, белорусских. Невольных переселенцев представляли люди разных национальностей: и славянских, и неславянских (например, немцы, эстонцы, литовцы, латыши и др.), и все это усиливало языковое разнообразие в регионе и в Томске, в частности.

В XX и в начале XXI в. в Томск идут миграционные потоки из советской Средней Азии, Кавказа. Оттуда ежегодно прибывала и прибывает молодежь для получения высшего образования в университетах города Томска – лучших вузах страны: в первом российском университете за Уралом – Томском государственном университете, в старейшем политехническом вузе Сибири – Томском политехническом университете и др. университетах города. Среди студентов, приехавших учиться в Томск, большинство составляли русские по национальности, но были и представители других национальностей: казахи, в меньшей степени туркмены, узбеки, киргизы и др. Все они говорили по-русски, поскольку получили среднее образование на русском языке и приехали обучаться в вузах, где образование идет на русском языке. При этом представители национальных республик могли знать и свои родные языки.

В постсоветский период, как и по всей России, в Томск в поисках работы хлынули потоки мигрантов из ближнего зарубежья – стран бывшего Советского Союза: Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана и др. В настоящее время это люди, как правило, хорошо говорящие только на своем родном языке и плохо знающие русский.

Начало XX века отмечено и прибытием на работу в Томск (как и в другие российские города) граждан из дальнего зарубежья, главным образом, из Китая. Они находят себе занятия в сфере торговли китайскими товарами и в сфере услуг, а также на сельскохозяйственных работах, при заготовке леса и др. В подавляющем большинстве они приезжают без знания русского языка.

Все перечисленные обстоятельства повлияли на формирование национального состава современного города Томска, для которого характерно использование множества языков, и по этой причине город Томск можно считать многонациональным и многоязычным. Этот фактор является определяющим для качества языковой ситуации в городе.

Несмотря на большое количество национальностей, проживающих в Томске, и большое количество используемых в коммуникации языков, эти языки занимают разное место в языковой ситуации города Томска и имеют разный статус.

Рассмотрим некоторые языки как идиомы языковой ситуации города Томска, демонстрирующие ее неоднородность и разнообразие: русский язык (доминирующий идиом в анализируемой языковой ситуации), татарский язык (второй после русского язык в Томске, язык коренного

населения Томска) и китайский язык (иностраннный язык в Томске, присутствие которого становится очевидным).

Безусловным лидером среди других языков в языковой ситуации г. Томска является **русский язык**. Он обладает абсолютной демографической и коммуникативной мощностью: на нем говорит все население города Томска – и русские по национальности, для которых русский язык родной, первый и основной, и люди других национальностей, для которых русский язык в большинстве случаев первый и основной. Русский язык в языковой ситуации города Томска представлен многочисленными идиомами: это литературная форма русского национального языка в устной и письменной разновидностях во всем многообразии стилистических регистров, а также диалектная форма (например, в речи пожилых людей, всю жизнь проживших в селе, а в конце жизни переехавших к взрослым детям в Томск), социальные жаргоны (например, в речи людей определенного возраста, профессии, положения), просторечие (в речи малообразованного городского населения). Русский язык в Томске обслуживает все возможные официальные сферы использования языка: производство, торговлю, юриспруденцию, журналистику, образование, науку, религию, театр, спорт и, кроме того, естественно используется в сфере семейного и бытового общения. На русском языке осуществляется вся деловая документация. Статус русского языка, безусловно, поддерживается в Томске тем, что это государственный язык Российской Федерации, одним из субъектов которой является Томская область с административным центром в городе Томске.

Татарский язык – это язык коренного населения, язык томских татар. Он является вторым по демографической мощности языком в языковой ситуации города Томска. Необходимо отметить, что не все татары в Томске могут говорить по-татарски, хотя свою национальность определяют как татары. Очевиден также факт, что татарский язык в настоящее время значительно уступает русскому не только по демографической мощности, но и является гораздо менее мощным коммуникативно, поскольку число сфер его использования гораздо ниже.

Известно, что прежде всего он используется в семейном и бытовом общении, при этом **не всеми** люди татарской национальности. Кроме того, не все представители татарской национальности умеют читать и писать на родном татарском языке.

Кроме сферы семейного и бытового общения, татарский язык используется в сфере религиозного культа. В Томске имеется действующая мечеть. Языком осуществления мусульманского богослужения является арабский, но в кругах татарских религиозных, политических и культурных деятелей активно обсуждается идея перехода на татарский

язык в данной сфере коммуникации с целью привлечения в мечеть большего количества прихожан.

Тенденции этнического возрождения реализуются и в создании объединений, поддерживающих национальное единство. Так, в Томске с января 2003 г. существует областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры». Цель создания «Центра» – поддержание национальной идентичности, культуры и языка. «Центр татарской культуры» имеет свой интернет-сайт (tatars-tomsk.ru) и группу «ВКонтакте» ([vk.com>tatar70](https://vk.com/tatar70)), но общение в группе, в том числе и на темы национального своеобразия, истории и культуры татар осуществляется на русском языке, что также свидетельствует об определенном уровне языковой компетенции татар, а именно то, что русский язык является для них основным и первым. Существуют и другие интернет-сайты томских татар (tomsk-tatars.narod.ru; [tatarlove.ru...](http://tatarlove.ru)) на русском языке.

Китайский язык в языковой ситуации города Томска обладает небольшой демографической и коммуникативной мощностью, однако он всё же занимает определённое место в языковом многообразии города. В статистических данных за 2010 г. указано, что китайцы проживают в Томске и Томской области в количестве 396 человек и составляют 0,07% населения города. Это не самый маленький процент среди других национальностей Томска и Томской области, однако не представляется возможным установить контингент этих китайцев, их сферу занятий. В г. Томске нами выявлено 2 основные группы носителей китайского языка: студенты из Китая, обучающиеся в высших учебных заведениях г. Томска, и граждане Китая, занятые в сфере торговли и услуг.

Охарактеризуем языковую компетенцию обеих групп носителей китайского языка.

Китайские студенты владеют несколькими идиомами:

- ✓ разговорный китайский язык, который они используют в повседневном общении друг с другом;
- ✓ литературный стандарт китайского языка – путунхуа в официальных ситуациях общения (например, с сотрудником российского международного отдела университета или миграционной службы, говорящим по-китайски);
- ✓ местные диалекты или региональные варианты китайского языка при разговоре с китайскими студентами, приехавшими из одного с ними региона Китая;
- ✓ иногда китайские студенты используют языки или диалекты некоторых народов Китая (например, уйгурский язык) в общении с носителями этих языков и диалектов в Томске (например, с узбе-

ками в кафе узбекской кухни, на овощных рынках с узбеками, владеющими этим языком);

- ✓ русский язык, который они изучают и используют в часы учебных занятий или в общественной городской коммуникации (например, в магазине, в кафе и т. п.); известно также, что китайские студенты используют русский язык в общении со своими русскими друзьями;
- ✓ английский язык китайские студенты используют в коммуникации со студентами из других стран.

Безусловно, степень владения этими идиомами и частота их использования различна и индивидуальна. Мы же указали здесь на некую универсальную совокупность идиомов, находящуюся в арсенале среднего китайского студента.

Китайцы, занятые в сфере торговли и услуг, владеют следующими идиомами:

- ✓ разговорным китайским языком, который они также используют в общении друг с другом, или диалектами, если они родом из одной местности Китая;
- ✓ литературным стандартом китайского языка – путунхуа (не все!) в официальных ситуациях общения (например, с сотрудниками миграционной службы, говорящими по-китайски);
- ✓ смешанным, «ломаным» русским языком, который можно определить как русско-китайский пиджин, в ситуации своей профессиональной деятельности – торговле с русскими покупателями или потребителями услуг.

Ввиду развивающихся отношений между Россией и Китаем можно предположить, что коммуникативная и демографическая мощь китайского языка в языковых ситуациях российских городов будет увеличиваться.

В добавление необходимо указать на тот факт, что китайский язык, а именно литературный стандарт – путунхуа, имеет место в образовательном пространстве города Томска, поскольку в университетах Томска преподается китайский язык (например, в Томском государственном университете китайский язык преподается с 2003 г.; в 2009 г. там открыта кафедра китайского языка, которая осуществляет подготовку по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация», где китайский язык изучается как первый иностранный язык; кроме того, в Томском госуниверситете создан Институт Конфуция, одна из целей которого – продвижение китайского языка и, соответственно, обучение этому языку, а в Томском политехническом университете китайский язык преподается в языковой школе «Космополит»).

Охарактеризуем языковую ситуацию в городе Томске в соответствии с определяющими ее специфику характеристиками: количественными, качественными и оценочными [Виноградов 1990: 616].

Количественные признаки языковой ситуации в г. Томске:

1) по числу идиомов – поликомпонентная (многокомпонентная), т. к. в Томске функционирует много идиомов: 37 языков и их вариантов (форм существования языка);

2) по демографической мощности идиомов: к демографически мощным идиомам следует отнести русский язык (практически все жители Томска знают русский язык на уровне, достаточном для коммуникации в языковой среде, кроме того, что 91,76% томичей являются русскими по национальности, следовательно, русский язык для них является родным); все остальные идиомы являются демографически не мощными;

3) по коммуникативной мощности идиомов языковая ситуация в городе Томске является неравновесной, т. к. ее составляют разномощные идиомы: в ней присутствует идиом с максимальной коммуникативной мощностью – русский язык, поскольку он применяется в Томске в наибольшем количестве сфер использования языка; все остальные идиомы используются в ограниченном количестве сфер, часто – только в сфере семейного и бытового общения.

Качественные признаки языковой ситуации в Томске:

1) по лингвистическому характеру идиомов языковая ситуация в Томске является многоязычной, т. к. ее компонентами выступают 37 разных языков и их вариантов;

2) по характеру структурно-генетических отношений между идиомами многоязычная языковая ситуация города Томска является:

а) гомогенной, т. к. в нее входят родственные языки (индоевропейские славянские русский и украинский, например) и одновременно гетерогенной, так и в нее входят и неродственные языки (индоевропейский славянский русский и сино-тибетский **китайский**, например);

б) гомоморфной, т. к. в нее входят языки типологически родственные (например, флективные славянские русский и украинский языки) и одновременно гетероморфной, т. к. ее составляют типологически несходные языки (например, флективный славянский русский и изолирующий китайский);

3) по характеру функциональной равнозначности / неравнозначности идиомов языковая ситуация в Томске является дисгармоничной, поскольку языки, функционирующие в Томске, обладают разным официальным коммуникативным статусом. Собственно, официальный коммуникативный статус имеет только один язык – русский;

4) по характеру доминирующего в государстве идиома языковая ситуация в Томске будет являться экзоглоссной, поскольку в качестве металекта – доминирующего идиома – выступает русский язык – не местный, а «импортированный» на территорию нынешней Томской области в начале XVII века в связи с освоением Сибири.

Характеризуя **оценочные признаки** языковой ситуации города Томска, следует особо сказать о доминирующем в языковой ситуации города Томска идиоме – русском языке, а именно о его литературной форме. Полагаем, что сами исконные носители русского языка и носители других языков высоко оценивают этот идиом с точки зрения его коммуникативной пригодности и культурной престижности. Косвенным подтверждением этому является, например, факт использования русского языка в коммуникации представителей разных национальностей (татар, чеченцев, узбеков и некоторых др.).

Итак, специфика языковой ситуации в городе Томске обусловлена многонациональным составом его населения – в городе проживают представители 37 национальностей. **Доминирующим идиомом** в языковой ситуации города Томска является **русский язык** в литературной форме как демографически и коммуникативно самый мощный идиом. Остальные языки и их варианты, как правило, выступают средством бытового общения, не участвуют или мало участвуют в публичной официальной коммуникации и являются демографически и коммуникативно более слабыми идиомами, но, тем не менее, их присутствие в анализируемой языковой ситуации имеет свое значение. Анализ положения **татарского языка** в языковой ситуации города Томска показал **некий средний вариант**: с одной стороны, он имеет большой отрыв от русского языка в показателях коммуникативной и демографической мощности (1,72 к 91,76), а с другой стороны, он занимает вторую позицию после русского по этим показателям, и все остальные языки, выступающие компонентами анализируемой языковой ситуации, очень близки по этим показателям к татарскому языку, хотя и дают более низкие, чем у татарского, значения. **Китайский язык** также занимает свое особое место в современной языковой ситуации города Томска, выступая в нескольких своих вариантах и отражая новый виток в развитии языковой ситуации современного сибирского города.

Литература / References

1. *Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616.
2. *Оглезнева Е.А.* Общая характеристика языковой ситуации в Приамурье: XIX–XXI вв. / Е.А. Оглезнева, А.В. Блохинская, С.В. Гордеева, Е.В. Касимова, Цзян Ин // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / под ред. Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 9–38.
3. [Электронный ресурс] www.tmsk.gks.ru // Дата последнего обращения – 05.12.2017.

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ КАК ЧАСТЬ УРБОТЕКСТА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ УФЫ)

Е.А. Яковлева, А.Ф. Исмагилова

LANGUAGE OF ADVERTISING AS A PART
OF MULTICULTURAL CITY URBOTEXT
(CASE STUDY OF UFA)

E.A. Yakovleva, A.F. Ismagilova

ABSTRACT

The article is devoted to peculiarities of advertising language in political city. The purpose of this article is to identify the features of advertising in Ufa. As material for the study by the method of continuous sampling, selected 200 pieces of advertising text of Ufa, which is analyzed at the lexical level and in the culturological aspect. The result of this study is the conclusion that the Russian language in the national Ufa is a means of international communication. The study of the language of advertising in a multi-ethnic city allows you to set features of interethnic interaction of different peoples and the mapping of this process in the language.

Key words: advertising; advertising language; urbotext; multi-ethnic city; intercultural communication

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности рекламы как части урботекста в полиэтничном городе. В качестве примера анализируется 200 рекламных единиц Уфы, а также разбирается более подробно национальный компонент одного из баннеров Уфы в культурологическом аспекте.

Ключевые слова: реклама; язык рекламы; урботекст; полиэтничный город; межкультурная коммуникация

В современном языкознании изучение языка города ведется в двух направлениях – лингвогеографическом и социологическом. основоположником социологического направления является Б.А. Ларин, который один из первых в отечественной лингвистике заговорил о комплексном подходе к изучению языка города: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически. Были только разрозненные попытки регистрации и описания отдельных жаргонов, в значительной части эти описанияне подымались над уровнем любительских коллекций или справочников» [Ларин 1977: 175]. По мнению Б.А. Ларина, язык города занимает промежуточное положение между литературным языком и крестьянскими диалектами. Он считал, что на эволюцию литературного языка влияют городской фольклор, неканонизированные виды пись-

менного языка и разговорная речь разных групп городского населения [Там же: 176]. Представители социологического направления – Е.Д. Поливанов, В.М. Жирмунский, Л.П. Якубинский, Р.О. Шор и др. – считали, что языковые явления социально обусловлены. В связи с чем ими был введен термин «социальный диалект», означающий некую обиходную речь, в которой реализовывались языковые средства определенного вида. Такой подход освещал проблему языка города исключительно в аспекте социальных диалектов безотносительно других его составляющих.

Со второй половины XX в. интерес к языку города вновь пробуждается и начинает активно развиваться второе направление в его изучении – лингвогеографическое, представители которого рассматривают язык города в пространственном аспекте его существования. В их представлении город можно рассматривать как некое пространство, которое делится на центральную часть и периферийные районы со своими характерными территориальными говорами. На локальную окрашенность литературного языка указывали А.И. Соболевский, А.И. Томсон, В.А. Богородицкий, А.А. Шахматов, Н.М. Карпинский и др. В настоящее время локальные элементы в литературной разговорной речи исследуются в работах Т.И. Ерофеевой, Е.В. Ерофеевой, О.Б. Сиротининой, Н.А. Прокуровской, Н.В. Париковой и др.

Вследствие того, что за последние несколько десятилетий интерес к городу значительно возрос, он стал объектом комплексного исследования таких дисциплин как география, история, экономика, экология, социология и культурология, градостроение и архитектура, семиотика, филология и др. Вполне закономерно в этом плане и появление урбано-логии (от лат. *urbs* и *logos* ‘наука о городе’) – базовой дисциплины, изучающей город от его зарождения и процесса функционирования до рассмотрения отдельных сторон городского организма в его взаимосвязи с экономическими, политическими и социокультурными процессами.

По нашему мнению, оформление лингвистического градоведения как особой дисциплины весьма перспективно. На наш взгляд, она позволяет: 1) разработать концепцию изучения языка города в плане расширения парадигмы лингвокультурологических исследований в трех направлениях: город как территория (урботекст / дискурс); город как социокультурное пространство (семиотика города; коммуникативные модели); город как «образ»; 2) разработать коммуникативную модель «город – урботекст – коллективный горожанин», позволяющую производить анализ языкового материала в лингвопрагматическом режиме; 3) задействовать лингво-культурно-семиотический аспект изучения городского текста и репрезентирующих его языковых единиц (эргонимов, годонимов, прагматонимов, гемеронимов и пр.); 4) описать специ-

фику вариативного русского языка (своего рода Vernacular Russian), функционирующего в полиэтническом социуме; 5) представить лингвокультурологическую картину города в плане отражения ее в языковом сознании горожан (мифотворчество, городской фольклор и проч.).

В данной статье рассмотрены особенности языка рекламы в полилингвальном городе на примере национальной столицы Республики Башкортостан Уфы.

Деятельность любого горожанина функционирует в рамках национального коммуникативного поведения. Известна своеобразная «городоцентрическая» коммуникативная модель, традиционно включающая следующие элементы общения: а) сам город; б) «коллективный горожанин»; в) городской текст, возникающий в результате общения города с населением.

Из модели следует, что городской текст появляется в процессе общения горожан с городом и является неким посылом от города горожанам.

Под урботекстом понимается продукт «городского» языка, конгломерат письменных и устных речевых жанров, словесных и несловесных текстов, продуцируемых реальной городской жизнью. Он многообразен и включает в себя различные лексические пласты, одним из разновидностей которых и является язык рекламы.

Язык рекламы и рекламные тексты изучали многие отечественные и зарубежные ученые: D. Drumm, M.L. Geis, A. Goddard, P. Барт, Э.В. Булатова, Т.А. Гридина, Е.С. Кара-Мурза, Н.Н. Кохтев, Л.А. Кочетова, Е.А. Курченкова, Л.М. Майданова, Ю.Б. Пикулева, Ю.К. Пирогова, Е.С. Попова, Г.Г. Почепцов, В.В. Ученова, С.Г. Фунштейн, У. Эко и мн. др.

В словарной статье Большого толкового словаря приводится следующее толкование рекламы: РЕКЛАМА (франц. *reclame* от лат. *reclamo* – ‘выкрикиваю’). 1. только ед. Широкое оповещение о свойствах товаров, произведений искусства и услуг в целях привлечения внимания и спроса потребителей <...> 2. Разг. Распространение сведений о ком-, чём-л. с целью создания популярности <...> 3. То, что служит средством такого оповещения (афиша, объявление по радио, видеоролик и т. п.) [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1114].

С языковедческой точки зрения реклама представляет собой особую сферу практической деятельности, продуктом которой являются словесные произведения – рекламные тексты. Эти тексты в своей совокупности характеризуются: 1) признаками содержания и внешнего оформления, позволяющими отличить их от других – нерекламных – текстов; 2) собственными функциональными признаками; 3) особым местом, которое они занимают в общей совокупности текстов.

Язык рекламы, с одной стороны, структурирует лексику, фразеологизмы, но, с другой стороны, он берёт своё начало в способах выражения, привычках, мировоззрении. Реклама отражает современную языковую картину мира и является средством формирования современной языковой картины города. Уфа в этом отношении как город, в котором проживают несколько национальностей и который имеет два государственных языка (русский и башкирский), накладывает свой отпечаток на характер рекламы.

Городской текст Уфы имеет длительную историю создания, начиная с момента образования столицы, т. е. с 1574 г. Он появился в результате многообразной духовной деятельности горожан в процессе их повседневной жизни и на сегодняшний день достаточно подробно изучается и описывается во многих работах. Так, язык города активно изучается Л.Л. Аюповой в аспекте языковой ситуации, по мысли автора являющейся одним из фундаментальных, ключевых научных понятий, которое определяется по-разному в зарубежном и отечественном языкознании. Языковую ситуацию, по мнению Л.Л. Аюповой, формируют и детерминируют следующие экстралингвистические факторы: «статус языка (или языков) в обществе и его (их) функциональная дистрибуция, демографические, культурно-исторические, этнополитические факторы, а также характер национально-языковых контактов, значительно влияющих на языковую ситуацию, которая представляет собой своеобразный процесс» [Аюпова 2013: 303].

Интерес вызывают также и различные составляющие языка г. Уфы. Так, И.Ф. Исламова исследовала уличные объявления в качестве одного из речевых жанров урбтекста в его лингвокультурологическом аспекте. Автор доказывает в своей работе, что уличные объявления обладают целым набором жанрообразующих признаков, которые были описаны в работах Т.И. Шмелевой.

Прагматонимам современного русского языка посвящена работа И.И. Файзуллиной, предметом исследования которой послужили наименования продуктов питания (кондитерских, хлебобулочных, колбасных изделий, мороженого, тортов) и алкогольных напитков (пива, водки), распространённых на территории России и в Республике Башкортостан. Автор изучила словесные обозначения различных товарных марок, обозначая их термином «прагматоним», а также рассмотрела общетеоретические вопросы, связанные с процессами номинации и исследованием прагматонимов. Ономастике Уфы также посвящена диссертационная работа А.М. Емельяновой, материалом для исследования которой послужили эргонимы г. Уфы, представляющие собой официальные названия деловых, коммерческих, культурных и спортивных объектов.

Такой же интересный компонент языка города как реклама до сих пор не попадал под пристальное внимание лингвистов, несмотря на то что реклама является мощным инструментом формирования облика города.

Чтобы выявить особенности языка рекламы полилингвального города, для статьи было отобрано 200 рекламных объявлений внешней рекламы г. Уфы, в которые вошли 29 вывесок и 171 баннер. Анализ показал следующее:

- ✓ все баннеры написаны на русском языке;
- ✓ из 171 баннера только 2 имеют в своем составе слова из башкирского языка (наименование строящегося комплекса Idel Tower и баннер отеля «Азимут» с переводом русского текста на башкирский) и 2 баннера содержат в себе невербальные национальные компоненты (реклама воды «Красная горка» с изображением мужчины в национальном костюме и с изображением афроамериканца в национальной лисьей шапке), а также 1 баннер содержит в себе арабское слово «халяль» (баннер магазина ГУСП «Рошинский» «Халяль»);
- ✓ 25 вывесок имеют перевод с русского на башкирский язык;
- ✓ 4 вывески написаны на русском языке и перевода на башкирский не имеют.

Подобное «распределение» объясняется данными Всероссийской переписи населения 2010 года, по которому 48,9% жителей Уфы являются русскими, 28,3% – татарами, 17,1% – башкирами, 1,2% – украинцами, 4,5% – лицами других национальностей. [Свободная энциклопедия Википедия 2017]. Из чего можно сделать вывод, что в полиэтническом городе языком межнационального общения является русский, в связи с чем он присутствует во всех рекламных баннерах. Однако язык рекламы Уфы не лишен и национального компонента, которым рекламодатели пользуются в целях манипулятивного воздействия на основе чувства родного края. Ярким примером подобного манипулирования является реклама питьевой воды «Красная Горка», которая разливается в одном из районов Республики Башкортостан. На баннере изображен молодой человек с лисьей шапкой на голове и в национальном башкирском костюме, держащий в руках бутылку воды «Красная Горка». В качестве слогана используется фраза «Родная. Любимая. Твоя», транслирующая вместе с национальной атрибутикой потребителям Башкирии послы о том, что рекламируемая вода с родной земли, башкирской, а не привезенная из другого региона, а потому она априори лучше, чем другие аналогичные продукты. Таким образом производитель играет чув-

ством любви к родному краю, что на уровне подсознания у потребителей является своеобразным эталоном качества.

Полиэтничность города Уфы также подчеркивают такие онимы как:

- ✓ образованные от личных русских и тюркских имен: магазины *Алёнка*, *Катюша*, парикмахерская *У Надежды*, киоск *Захарыч*, фирма *Елизарьев*; минимаркет *Айгуль*, компания *Исмагил*, турфирма *Рашида-тур*;
- ✓ образованные от мифонимов: салон обуви *Садко*, кафе *Жар-Птица*, кулинария *Скатерть-Самобранка*, научно-производственная фирма *Тенгри* (тюркский верховный Бог), магазин *Толпар*, ресторан *Акбузат* (мифологические скакуны).

Тотального подчинения башкирскому языку, как видно из проведенного анализа, во внешней рекламе Уфы нет. Тем не менее в рекламе местного производства, рассчитанной исключительно на жителей республики, элементы башкирского языка и башкирской культуры встречаются. Исключение составляют лишь вывески, которые должны иметь обязательный перевод с русского на башкирский по Закону Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан».

Подытоживая всё вышеизложенное, можно сделать вывод, что язык рекламы тесно связан с понятием «урботекст» и характеризуется как язык общих потребностей горожан.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. *Аюпова Л.Л.* Языковая ситуация в странах славянского мира: актуальные проблемы // Российский гуманитарный журнал. 2013, Т. 2, № 4. С. 303–308.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «НОРИНТ», 2000. – 1536 с.
3. *Ларин Б.А.* О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 175–189.
4. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс.] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Уфа#Население>. Статья «Уфа». Дата последнего обращения – 27.12.2017.

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: К ВОПРОСУ О КОМПАРАТИВНОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Ян Минтянь

CONCEPT AND CONCEPT ANALYSIS: ON COMPARATIVE CONCEPTOLOGY

Yang Mingtian

ABSTRACT

Gestalt, which is got by concept analysis, is an instrument to measure abstract substance. So it makes a new comparative plan to compare the abstract nouns in the same language and to compare the related concepts in the different languages. The content of concept can be analyzed by not only metaphors in which the abstract nouns are used, but also the content of discourse, that is to say, the sphere of concept analysis can be expanded into the discourse including the nouns. The study of concept makes us go into the mysterious field of national mentality. The study of concept is also the study of language pictures of world, the pictures of concept. The content, which is got by concept analysis, is not the etymology, dictionary definition, word formation, rhetoric or association. We should make clear that there are some similarities and differences between the correlated concepts.

Key words: concept; concept analysis; comparative conceptology

АННОТАЦИЯ

Гештальт – это своего рода инструмент для измерения абстрактной сущности, это и план сопоставления между абстрактными сущностями внутри одного языка, и план сопоставления между соотносительными концептами в разных языках. Концептуальное содержание определяется анализом метафорического употребления имени существительного и его контекста, сфера применения концептуального анализа расширяется до текста (дискурса), где употребляется это существительное. Изучение концептов позволяет в конечном счёте войти в таинственный мир национальной ментальности. Полученные с помощью концептуального анализа результаты отличаются от результатов сопоставления этимологов, словарных дефиниций, словообразований, стилистических и ассоциативных значений слов. Соответственно, особую актуальность приобретает формирование компаративной концептологии и определение ее предмета, задач и методов.

Ключевые слова: концепт; концептуальный анализ; компаративная концептология

Слово «концепт» многозначно [Демьянков 2001: 35–47]. Это утверждение справедливо и по отношению к китайскому языку. Так, в «Китайской Большой Энциклопедии» даются следующие определения «концепта» и «понятия».

В философии «концепт» определяется как форма отражения и освоения внешнего мира в сознании человека, форма создания образа объекта в его сознании, что и противопоставляется вещному. Исходное значение слова «концепт» в греческом языке – ‘видимый образ’. По марксистской философии, «концепт» – это форма субъективной рефлексии объективного мира. А в психологии «концепт» в широком смысле понимается как сумма форм психического отражения, в узком смысле – синоним «представления», что включает в себя повторные появления перцепционного образа, полученного от предыдущей апперцепции, и новое концептуальное целое, состоящее из первоначальных образов [夏甄陶 2005].

В диалектическом материализме «понятие» есть познание сущности предмета, основная единица и форма логического мышления. Познание, в свою очередь, – это отражение человеком объективного мира, которое посредством ряда абстракций в форме «понятий» приблизительно изображает изменяющуюся объективную действительность. От живого наглядного мышления до абстрактного образуется ряд понятий. «Понятие» отличается абстрактностью и обобщённостью. Научное «понятие», используемое в научном мышлении, формируется под влиянием определённых теорий, которое и действует в определённых теоретических системах. Познание одного и того же предмета часто превращается в научные понятия с различными смыслами. Различные дисциплины относительно одного и того же предмета формируют научные понятия с различными смыслами, и в разных теориях одной и той же дисциплины относительно одного и того же предмета формируются научные понятия с различными смыслами [张巨青 2005].

Остановимся на том, как «концепт» и «понятие» рассматриваются в лингвистической науке, и предложим свое понимание концепта

1. КОНЦЕПТ vs. ПОНЯТИЕ

В философии (по данным русского языка) «концепт» считается содержанием «понятия», он имеет богатый смысл в отстранении от конкретной языковой формы, выражающей понятие. По мнению Р. Карнапа, «концепт» – нечто находящееся между языковым выражением и его соответствующим референтом [Грицанов 2001: 503].

Термин «концепт» впервые появился в русской лингвистике в 80–90 гг. XX века [Зиновьева 2003: 35–43; Воркачев 2001: 66]. По мнению Ю.С. Степанова [Степанов 2001: 43], термин «понятие» преимущественно употребляется в логике и философии, а «концепт» – первоначально был термином символической логики, но в последние десятилетия употребляется и в культурологии. Ю.С. Степанов считает, что «концепт» представляет собой сгусток культуры в сознании человека, а

культура проникает в психический мир человека в виде «концепта», и структура «концепта» содержит в себе всё, что свойственно «понятию», всё (этимология слова, краткая история его основного содержательного характера, современная ассоциация, оценка и т. п.), что превращает «концепт» в культурный факт [Указ. соч.].

В когнитивной лингвистике «концепт» – это нечто (опосредование) между словом и внеязыковой действительностью, это понятие, связанное со значением слова [Кубрякова 1996: 90]. Концепт может быть свойственен разным языковым единицам и отличается связанностью и неизолированностью. Концепт характеризуется «доменом», домен формирует фон для выделения «концепта». Р. Лангакер использует термины «профиль» и «база» для характеристики соотносительности «концепта» и «домена». В когнитивной лингвистике уделяется внимание визуальному образному представлению, и в рамках такой теории «концепт» может быть обрисован. А для «невидимого концепта» используется метод «список свойств» [Рахилина 2000: 350].

А. Вежбицкая утверждает, что «концепт» – это поименованный объект идеального мира, выражающий представление человека о действительности, ограниченное свойственной ему культурой [Чернейко 1997: 286]. Е.С. Кубрякова считает, что выраженный именем существительным «концепт» содержит в себе все знания о явлениях, находящиеся за этим именем; иначе говоря, то, что подведено под один знак и предопределяет существование знака как некоторой когнитивной структуры, формирующей экстензию и интенцию языкового знания, и есть «концепт» [Чернейко 1997: 287].

В основе научных и наивных понятий лежит логика и разум. А в основе концепта лежит нечто сублогическое, в которое включается и содержание наивного понятия, и прагматический элемент, проявляющийся в сочетаемости имени [Чернейко 1997: 287]. Исходя из этого, концепт является некой конструкцией, представляющей ассоциативное поле имени. И такая конструкция выводится из (свободной и несвободной) сочетаемости имени, т. е. из его синтагматических отношений [Чернейко 1997: 314].

По мнению В.В. Колесова, в Европе люди по традиции называют «понятие» «концептом». И это правильно с внешней стороны. Латинское слово «conceptus» обозначает ‘понятие’. И буквальное значение «понятия» – ‘постичь разумом объективные отношения между образом и символом’. «Понятие» относится к логической категории и является достоянием всех людей. В латинском языке существует ещё слово «conceptum», обозначающее ‘зерно, зародыш’, ‘ростки первоначальной формы, первоначальный смысл’ [Колесов 2004: 19]. По мнению В.В. Колесова, концепт – идеализация сущности, понятие – выраженная

сущностью реальность. Концепт – нечто противоположное и одновременно единое, единство мышления и его объекта, т. е. единство всех элементов слова в его содержательных формах. Так же цвета радуги синтезируют блестящий белый свет. «Концепт» – это не «понятие», это сущность понятия, смысл без формы. Концепт, это сущность, которая проявляется в содержательных формах слова, в его образе, понятии и символе, это точка концентрации потенциальных смыслов. Концепт существует без формы, ибо он и есть внутренняя форма слова вне субстанции.

Концепт – это «принципиальное значение», «нечто туманное» и «вневременное содержание» [Там же: 22]. По определению В.В. Колесова, концепт – первоначальный смысл без формы, сущность оболочки слова в его содержательных формах: он проявляется в виде образа и символа в конструкции, а в структуре проявляется в виде понятия. И первосмысл слова, выраженный образом, понятием и символом, называется «концептом» национального речевого мышления, включённым в слово [Там же: 71]. Концепт – пружина смыслов. Смысл даёт импульс к развитию слова [Там же: 76].

Итак, на наш взгляд, можно с определенной долей уверенности утверждать, что насчёт «понятия» исследователи пришли практически к единому мнению: в основе понятия (научного и наивного) лежит логика и разум. Что касается «концепта», то в этом вопросе подобного единства не наблюдается. Однако многие исследователи сходятся в мнении, что концепт есть своего рода смысл, а не форма.

2. КОНЦЕПТ vs. ЗНАЧЕНИЕ

В лингвистической семантике отождествляли «значение» языкового выражения и его «концепт» [Кубрякова 1996: 90]. О.Н. Селиверстова указывает, что путь изучения языкового смысла в лингвистике XX века таков: сначала «значение» определилось как комплекс дифференциальных признаков, объясняющих и предсказывающих поведение слова в предложении, потом «концепт» определился как сгусток знаний и представлений о некой сущности в метафорическом употреблении слов и дискурса [Лассан 2017]. Иными словами, психофизическая основа «концепта» – некий чувственный образ, свойственный знаниям о мире, которые формируют сам «концепт». А «значение» слова – это сумма его семантических элементов [Там же]. Э. Лассан предложила следующее понимание: можно рассмотреть «значение» как знания об условиях употребления слова, цель которых – поименовать определённую ситуацию, передать слушающему информацию и воздействовать на него [Там же].

3. КОНЦЕПТ: НАШЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

По мнению большинства учёных, «концепт» является оперативной единицей ментальности, освоения сознанием опыта и его представления. «Концепт» – понятие мировоззрения, элемент нашего сознания и наших знаний о мире. Это взгляд на мир со стороны лингвистики, продукт идеального мира и национальной культуры. Концепт, как смысл, существует в различных формах ментального мира, например, в представлении, образе, символе и понятии. В сознании человека «концепт» формируется в виде «гештальта», представляет собой сумму значений соотносительных слов, включающую в себя ассоциацию и импликацию [Зиновьева 2003: 35–43].

«Гештальт» – термин из психологии [傅世侠 2005]. В данной работе «гештальт» понимается как предикативно-атрибутивная импликация абстрактного существительного, проекция абстрактной сущности в сознании человека на конкретное явление.

«Концепт» изучается в концептологии, когнитологии и когнитивной лингвистике. А как предмет лингвистики и культурологии «концепт» понимается как основная единица ментальности, содержащая в себе живое образное представление и ряд ассоциаций и импликаций, проявляющаяся в разных языковых единицах (в лексемах, фразеологизмах, свободных словосочетаниях, синтаксических конструкциях, текстах, корнях слов и словообразовательных парадигмах). Однокоренные производные слова выражают соответствующие концепты, и смешанная семантика корней слов сохраняется во всех словах словообразовательной парадигмы. С.Г. Воркачев называет такой «концепт» лингвоконцептом и предлагает заниматься наукой «лингвоконцептология» [Воркачев 2005a: 76]. По его мнению, существует пять определений «концепта» [Воркачев 2001: 70; 2005a: 79; 2005b: 46–66].

1. «Концепт» в самом широком смысле слова – это содержание национального языкового сознания, он формирует наивную картину мира у носителей языка. Из концептов складывается «концептосфера» языка, в её формировании определяющую роль играет «категоризация» в лексической семантике. Такими «концептами» могут быть любые лексические единицы, в значениях которых обнаруживается способ семантического представления. «Когда сравниваем два языка, мы видим, что фактически любая лексическая единица имеет национальную характеристику» [Указ. соч.].

2. «Концепт» – это некое семантическое образование, которое имеет языковые и культурные особенности и присуще носителям определённой этнической культуры. Из таких концептов складывается не «концептосфера», а концептуальная область [Указ. соч.].

3. «Концепт» – это своего рода семантическое образование. Количество таких «концептов» небольшое, но это ключи к пониманию национальной ментальности, например, такие концепты-слова, как *душа*, *истина*, *свобода*, *счастье*, *любовь* и т. п. Это самая абстрактная ментальная сущность, которая заставляет человека войти в «невидимый мир» психологических ценностей. Это единица практической философии, обыденные аналоги терминов мировоззрения, коренящиеся в лексике естественного языка, обеспечивающие стабильность и развитие национальной культуры. Эти слова имеют оттенок познания и мировоззренческую ориентацию, это и показатели основного значения и ценностей человека. Это результаты абстракции высокой степени. Семантика этих слов отличается разнородностью, на их семантический предел оказывают влияние изменение социальной культуры и дискурса, что влечёт за собой туманность и неопределённость их семантики. Смысл этих слов толкуются посредством символов. Символ, как своего рода знак, выражает абстрактное содержание своим образным предметным содержанием [Указ. соч.].

4. «Концепт» в узком, формальном смысле слова – это семантическое образование, не имеющее эквивалентов в других языках и не поддающееся переводу [Указ. соч.].

5. «Концепт» в широком, формальном смысле слова – культурный смысл, закреплённый за словами; он имеет особую внутреннюю форму, проявление которой отличается серийностью и массовидностью [Указ. соч.].

Исходя из сказанного в п. 1, добавим ещё:

6. «Концепт» – это конструкт, который представляет ассоциативное поле имени (существительного). Это его парадигматическая модель, которая содержит в себе логическую и сублогическую структуру содержания и которая выводится из его сочетаемости.

7. «Концепт» – это не приобретший форму первосмысл; это сущность, выражающаяся оболочкой слова в его содержательной форме, проявляющаяся в конструкции (в виде образа и символа) и в структуре (в виде понятия). И это первосмысл слова, выраженный образом, понятием и символом, заключенное в слове содержание национального речевого мышления. Концепт – это пружина смысла. Смысл даёт импульс к развитию слова.

Таково наше понимание «концепта». Концепт выражается различными языковыми средствами, в первую очередь абстрактными существительными, например, *душа*, *истина*, *свобода*, *счастье*, *любовь* и т. п. Содержание такого рода концептов включает в себя то, что указано в пп. 6 и 7. О «концептуализации» – см. подробнее в [杨明天 2004: 242].

З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, что можно описать «концепт» терминами семантического поля. В центре семантического поля «концепта» находится образный, конкретный план содержания, самый наглядный первообраз, а на периферии – более абстрактные семы. Д.С. Лихачев считает, что для каждого основного значения слова существует «концепт», который актуализируется синтагматическими связями в высказывании [Зиновьева 2003: 38].

4. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В конце XX века лингвистика начала уделять особое внимание не только логическим и прагматическим аспектам языка, но и концептуальному анализу языка. Отметим, что до этого такие мыслители, как Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и русские учёные Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев и другие, в своих работах уже анализировали культурные концепты. *Тоска, совесть, душа, свобода, судьба* и под. концепты отличаются национальными особенностями. Инвариантный смысл и импликация этих слов обрисовываются на фоне контекста. Определение таких параметров, как этимология, сочетаемость, характерное синтаксическое положение, семантическое поле, оценка, образная ассоциация и т. п., даёт возможность реконструировать концепт, выяснить его национальные особенности и его место в обыденном сознании человека [ЛАЯз 2017].

Одним из распространённых методов реконструкции языковой картины мира является концептуальный анализ метафорической сочетаемости имён с абстрактной семантикой [Концептуальный анализ 2017]. Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1976], В.А. Успенский [Успенский 1997: 146–152] и Дж. Лакофф в своё время использовали именно этот метод [Лакофф, Джонсон 2004].

Л.О. Чернейко считает, что концептуальный анализ призван выяснить, каковы представления у носителей языка об идеальном объекте, находящемся за абстрактным существительным [Чернейко 1997: 285]. В основе концептуального анализа абстрактного существительного лежит буквальное прочтение часто сочетающегося с ним глагола, имеющего информацию о разрядах феноменов [Там же: 289]. Приведу пример: *Мысль погасла*. Глагол *погаснуть* содержит в себе информацию о типичном субъекте (*свет, огонь*), и в данном случае, в данном словосочетании, эта информация сохраняется, не исчезает. Эксплицитный субъект действия (*мысль*) уподобляется слушающим (читающим) имплицитному субъекту (*свет, огонь*). Говорящий бессознательно проецирует *мысль* на *свет* и *огонь*, что и предопределяет его выбор (глагола *погаснуть* в роли предиката). И совпадение ассоциации слушающего от кон-

текста с бессознательной ассоциацией говорящего обеспечивает их взаимопонимание [Там же: 290].

В отличие от компонентного анализа, концептуальный анализ помогает учёным формализовать нечто интуитивное, нечто коллективное, бессознательное. Сочетаемый выбор говорящего предопределён его глубоким ассоциативным потенциалом и гешталтом абстрактного существительного. Учёные моделируют такой ассоциативный потенциал как внерациональную, сублогическую основу языкового сознания. Это и есть концептуальный анализ.

Однако анализ сочетаемости имени существительного – это лишь предварительный шаг к концептуальному анализу, а не его цель. Цель концептуального анализа – выяснить глубокие ассоциативные связи слов, существующие в индивидуальном или коллективном языковом сознании [Чернейко 1997: 196], показать, как абстрактная сущность проецирует на вещный мир. И эта проекция сохраняется в коллективном или индивидуальном подсознании [Там же: 202].

Изучение сочетаемости (абстрактного существительного) методом концептуального анализа помогает выявить сущность абстрактного существительного. Говоря конкретнее, нужно исследовать сочетаемость абстрактного существительного с описательным глаголом, дескриптивным прилагательным и т. д. и познать коллективную бессознательную структуру [Там же: 201].

Концептуальный анализ воссоздает связанные с абстрактным существительным знания и представления, которые проявляются в сочетаемости абстрактного существительного с предикатом [Там же: 187]. Модель, сформулированная концептуальным анализом при описании имени существительного сложного модуса, приближается к действительности, к тому, как эти явления существуют в идеальном пространстве сознания. И эта модель происходит из подсознания носителей языка.

Сочетаемость абстрактного существительного с внешней стороны поверхностно выражает его глубинный ассоциативный контур. Концептуальный анализ абстрактного существительного может выявить гештальт абстрактного существительного, описать представления носителей языка, проявляющиеся в сочетаемости абстрактного существительного, но скрытые до этого как неизвестные [Там же: 295].

Как выше сказано, гештальт в нашем понимании – это предикативно-атрибутивная сочетаемостная импликация абстрактного существительного; это проекция абстрактной сущности в сознании на конкретное явление [Там же: 295]. Например, проанализировав предикативную сочетаемость *Мысль погасла*, получаем один из гешталтов «мысли»: *мысль – огонь / свет*. Итак, гештальт – своего рода маска, которую язык надевает на абстрактный концепт. Маски меняются. Например, проана-

лизировав *Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту* (Михаил Булгаков), получаем другой гештальт «мысли»: *мысль – вода*. Гештальт оказывает влияние на сочетаемость существительного, даже её определяет [Там же: 301]. Л.О. Чернейко называет такой гештальт имплицитным образом абстрактного существительного [Там же: 202].

Л.О. Чернейко полагает, что гештальт – результат концептуального анализа. Гештальт – это типичный для носителей языка ассоциативный контур слова, который выводится из метафорического употребления (в данном случае предикативно-атрибутивная структура) анализируемого существительного. Гештальт отражает сублогическую сторону концепта, это интуитивные знания о сущности, находящейся за абстрактным существительным, и которые можно подвести в определённую модель. И Л.О. Чернейко считает, что концепт – особенный ракурс изучения абстрактного существительного, где соединяются все накопленные знания и представления, проявляющиеся в сочетаемости абстрактного существительного. Описание концепта проводится путём выделения двух зон в структуре концепта: логическая зона определяется на основе словарных дефиниций и толкований; а сублогическая зона определяется на основе гештальтов [Лассан 2017].

Итак, гештальт абстрактного существительного определяется путём концептуального анализа. Гештальт – это своего рода инструмент для измерения абстрактной сущности, это и план сопоставления между абстрактными сущностями (внутри языка), и план сопоставления между соотносительными концептами в разных языках [Чернейко 1997: 301]. Как мы уже упоминали, у носителей русского языка «мысль» имеет минимум два противоположных на первый взгляд гештальта: *мысль – огонь / свет, мысль – вода*. Аналогичный концепт в китайском языке имеет аналогичный гештальт: *思想/念头 – 火/光*. Приведу примеры:

但那念头一经产生就再也难以打消，且在她心中越烧越旺。王海鸰；一个念头在脑际一闪，刘思扬立刻冷静下来。罗广斌等

И другой гештальт: *思想/念头 – 水*:

他的脑袋在来回摆动，思想在急速旋动奔流；母亲想投河……这个念头在我心上涌起。梦莉

Видно, что «мысль» и «*思想、念头*» имеют аналогичные гештальты. Знания у носителей русского и китайского языков по абстрактным сущностям аналогичных концептов в некоторой степени становятся близкими. Степень схожести этих знаний и ее причины, как представляется, должны явиться предметом отдельной статьи.

Гештальты, выводимые из сочетаемости абстрактных существительных, разнообразны и противоречивы, например, гештальты *вода / огонь у чувства: Любовь распалилась; К нему прихлынула страстная любовь к этой женщине*. Это природа вещей, так как переживания у людей разнообразны и сложны. И это не редкость. Неповторимость гештальтов абстрактных существительных со значением чувств есть актуальное положение существования вещей. И представления, вызванные абстрактными существительными со значением чувств, касаются не одного конкретного предмета, а целого ряда разных предметов, и носят характер каждого из этих конкретных предметов. И разные гештальты абстрактных существительных со значением чувств иногда даже появляются в одном том же высказывании:

1) *В порыве нежной любви, которая вдруг прилила к моему сердцу, <...> я обнял ее за плечи и поцеловал.* (А.П. Чехов);

2) *Весь он был пропитан пылом своей молодой страсти к делу.* (М. Горький).

В 1-ом примере *любовь* имеет два гештальта: *жидкость (любовь, которая прилила к...)* и *ветер (порыв любви)*. Во 2-ом примере *страсть* тоже имеет два гештальта: *огонь (пыл страсти)* и *жидкость (пропитан страстью)*. И логически противоречивые образы *огонь / жидкость* «сливаются» во 2-ом примере: *пропитан пылом страсти*.

Важнейшая задача когнитивного изучения языка – выяснить структуры знаний и представлений в языке. Концептуальный анализ помогает воссоздать связанные с абстрактными существительными знания и представления, проявляющиеся в их метафорической сочетаемости.

Противники концептуального анализа полагают, что, как пишет Л.О. Чернейко, «рискованно сделать вывод о том, что глубинный образ предопределяет сочетаемость абстрактного существительного на основе простого декодирования языковой метафоры. Полученные этим методом концептуальные картины крайне непоследовательны» [Чернейко 1997: 187].

Вместе с тем, сама Л.О. Чернейко и, например, Анна А. Зализняк выступают против такой критики [Чернейко 1997: 191; Зализняк 2000: 88]. Л.О. Чернейко утверждает, что «воссоздать» связанные с абстрактными существительными знания и представления, проявляющиеся в сочетаемости абстрактных существительных с предикатами, вовсе не значит «воссоздать» этимологически; в данном случае имеется в виду «воссоздать» связь между главным и вспомогательным субъектами в мифологическом плане, выяснить чувственную и нерациональную основу этой связи. А то, что так называемые «концептуальные картины крайне непоследовательны», как раз и есть парадокс; именно в этих

«непоследовательностях» проявляются семантические и прагматические признаки абстрактных существительных [Чернейко 1997: 191].

Например, конкретные переживания у индивидуумов от абстрактных существительных со значением чувств влекут за собой их связи с предикатами физического действия и дескриптивными прилагательными. Концептуальный анализ сочетаемости выявляет ассоциативный контур этих абстрактных существительных [Там же: 191]. Гештальты абстрактных существительных со значением чувств не складываются в единую картину (образ), однако это не значит, что у концептуального анализа есть недостатки [Там же: 195]. Концептуальный анализ помогает нам узнать, как явления существуют в идеальном пространстве сознания, в подсознании [Там же 97: 195]. Неуместным оказалось требование того, чтобы гештальты из разных словосочетаний сложились в единый целостный образ. Каждый гештальт – это материальное воплощение некоего признака абстрактного существительного. Качественные параметры (категориальная семантика) метафорической сочетаемости абстрактных существительных со значением чувств логически противопоставляют друг другу, ибо абстрактные существительные содержат в себе разные положения дел, к которым участники ситуации относятся по-разному, и, соответственно, появляются разные гештальты. Например, у *тоски* и есть разные гештальты: *Беспричинная тоска туманит сердце.* (Пичерский); *В мое сердце опять волеется тоска.* (Короленко); *Пронзительная тоска разрывала ей грудь.* (А.Н. Толстой).

Вообще говоря, чем сложнее явления, выражаемые абстрактными существительными, тем сложнее их концептуальные портреты.

Э. Лассан полагает, что концептуальный анализ конкретизируется следующим образом: 1. При вспоминании референции некоего существительного, о чём думает (думал) носитель языка и культуры? 2. Чем связан данный концепт с другими ключевыми концептами? 3. Каковы наши мнения насчёт носителя языка и культуры, судя по анализируемой сущности и её месту в ценностной системе данного языка? 4. Над чем из лексических значений концепта-слова размышляет носитель языка и культуры? [Лассан 2017].

Посмотрите на результаты концептуального анализа «*л₄*, сердце₂, душа₁» [Шмелев 2002; НОССРЯ 1999: 441–445; Степанов 2001: 880]:

Предметы	л ₄	сердце ₂	душа ₁
Семантика (логическая зона)	Психическая деятельность как познание, мышление, чувства, воля, план и учёт и т. п.	Символ чувств, настроений, переживаний человека, его эмоция, интуиция.	Внутренний мир. Психические переживания человека как основа его жизни.

<p>Сублогическая зона</p>	<p>А. Орган познания, чувств и воли. В. Концептуализируется как «вместилище». С. Полная внутренняя жизнь человека. D. Как антоним «тело». «Умирает». E. Носитель морального идеала. F. Единственный орган тела, который стал предметом философии. G. Этическая оценка со стороны внутреннего организма человека.</p>	<p>А. Орган чувств, особенно любви, гнева. Связано со стихийными чувствами человека и с самой секретной частью человека. В. Вместилище чувств. С. Неполная внутренняя жизнь человека. D. Как антоним головы и разума. E. В некоторых высказываниях со словом «сердце», актуальное чувство тела совмещается с психическими переживаниями человека. F. Этическая оценка со стороны отношения к людям.</p>	<p>А. Невидимый орган, руководящий внутренней жизнью человека. В. Вместилище секретных мыслей и чувств человека. С. Полная внутренняя жизнь человека, включая и его внутреннюю речь. D. Как антоним «тело», не умирает, а летает. E. Носитель морального идеала. F. Единственный орган тела, который стал предметом философии. G. Этическая оценка со стороны внутреннего организма человека.</p>
---------------------------	--	--	---

Эта таблица ответила на основные вопросы концептуального анализа:

1. представления у носителей русского языка при вспоминании референции *душа*₁ указаны в сублогической зоне таблицы;

2. сходство и различие между аналогичными концептами *душа*₁, *сердце*₂ и *心*₄ также представлены в таблице;

3. какие более общие выводы мы можем сделать насчёт носителей русского и китайского языков, судя по вышеуказанному содержанию? Это слишком большой вопрос, на который пока трудно ответить, но который стоит обдумать;

4. *основа его жизни* в семантической зоне *душа*₁ стала предметом размышления носителей русского языка, из чего выводят содержание в сублогической зоне.

Э. Лассан полагает, что концептуальное содержание конструируется на семантической структуре имени существительного, образуется из размышлений носителей языка и культуры о референции слова, исходя из их жизненного опыта и мировоззрения (как указано в таблице). Кон-

цептуальное содержание определяется анализом метафорического употребления имени и его контекста [Лассан 2017]. Например, по контексту *Совість* *вынесла* *свой* *приговор*;
天地良心，沅沅想不出有什么地方得罪了这些前辈大姐…

…梦媚 можно узнать, что существуют аналогичные гештальты в русском и китайском языках: *совість* – *судья*, *良心* – *法官*.

Методом концептуального анализа определяется отношение носителя языка и культуры к референции лексической единицы и взаимоотношение между опосредовано видимым им явлением и чувственно воспринимаемым явлением актуального плана [Лассан 2017]. Например, *совість* и “良心” – это явления, которые нельзя наблюдать непосредственно, но они связаны с конкретными явлениями *судья* и “法官”. Вот и примеры:

Совість *вынесла* *свой* *приговор*; *Совість* *судила* *иначе*.

天理良心，我是没使过一个黑心钱啊！二月河；天地良心在上头，我真的比疼自己闺女还疼主子……二月河；要来我家逼我一死吗？天地良心哪！柳盈

Итак, концептуальное содержание определяется анализом метафорического употребления имени существительного и его контекста, т. е. сфера применения концептуального анализа расширяется до текста (дискурса), где употребляется это существительное. Методом концептуального анализа определяется отношение носителя языка и культуры к референции лексической единицы и взаимоотношение между опосредовано видимым им явлением и чувственно воспринимаемым явлением актуального плана. И то, что более актуально с нашей стороны, это следующие моменты: во-первых, гештальт – своего рода инструмент для измерения абстрактной сущности, это и план сопоставления между абстрактными сущностями и план сопоставления между соотносительными концептами в разных языках; во-вторых, изучение концепта заставляет нас в конечном счёте войти в таинственный мир национальной ментальности.

5. КОНЦЕПТ И МЕНТАЛЬНОСТЬ

По сказанному в параграфах (1) и (3) видно, что «концепт» в нашем определении отличается от «концепта» В.В. Колесова. Но наш «концепт» содержит в себе «первосмысл» В.В. Колесова. Мы вернемся к этому в п. 2 параграфа (6) данной работы.

По мнению В.В. Колесова, немецкая классическая философия XX века в герменевтическом плане осознала, что концепт есть основная единица ментальности. Историки по восточной культуре, филологи и

философы полагают, что ментальность – наивная картина мира, она претендует не на полноту (как научная картина), а на целостность, она имеет практическую ориентацию [Колесов 2004: 9–10]. Ментальность в конечном счете «система смыслов или семантическое поле». Ментальность по своим признакам – наивная и полная картина мира в ценностных координатах. Она долго существует на основе национальных задатков и исторических традиций, не зависит от конкретных экономических и политических условий, проявляется в чувствах, разуме и воле каждого члена общества, фундаментом которых являются общий язык и образование. Ментальность – часть национальной психической культуры, которая в свою очередь образует психическое пространство национального существования [Колесов 2004: 9–10]. Ментальность – мировоззрение в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национально-го характера в типичных его проявлениях [Там же].

Следует отличать «ментальность» от психофизического характера и темперамента, от ментальности в номинализме (который уделяет внимание только логической форме мировоззрения). Можно воссоздать инвариант национальной ментальности посредством анализа языка и текстов, сравнения различных материалов. Эти материалы и есть национальный характер (национальный дух), идеалы, обычаи, эмоции, убеждения и т. п. Они воспринимаются национальным коллективным сознанием, проявляются в языке. Нужно выделить язык как основной и главный фактор для изучения ментальности, он отражает характер национальной ментальности [Там же: 14–15].

Предмет национальной ментальности, это не лексическое значение в его контекстуальной синтагме, не лексическая значимость в парадигме языковой системы, а смысл слова-знака в культурной парадигме. Это значит проникновение в содержательную форму слова [Там же: 16]. Формирование ментальности определяется развитием самого языка. Вообще говоря, мысль и язык развиваются параллельно и совместно, но для индивидуума, входящего в ментальное пространство национальной речи, «мысль движима словом» [Там же: 31]. Язык не изменяется радикально, он и есть хранилище «концептов», его содержательная форма сохраняет национальную ментальность в пространстве-времени [Там же: 72]. Общая человеческая ментальность не конструируется на основе собственного языка. Но, к сожалению, многие именно так и делают, все мысли на земле сводятся, например, к категориям и формам английского языка [Там же: 15].

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что «концепт» в нашем определении тесно связан с ментальностью, отражает характеристики ментальности и есть её основная единица. Иначе говоря, когда стано-

вятся яснее национальные «концепты», яснее становится и национальная ментальность.

6. КОМПАРАТИВНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

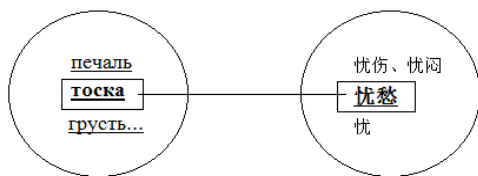
На основе исследований предшественников в этой области и нашего анализа, предлагаем заниматься новой наукой – **компаративная концептология**.

Предмет изучения – национальная ментальность (яснее всего проявляется в практической философии носителей языка и культуры) в сопоставительном аспекте на материале русского и китайского языков.

Цель изучения – «стыковать» соотносительные концепты в русском и китайском языках, усвоить эти концепты и достичь высшего уровня в изучении иностранного языка [Воркачев 2005а: 79].

Основные единицы изучения – концепты. Это культурный смысл в речи, абстрактный символический мир с национальной особенностью, комплект языковой ментальной структуры, находящийся в разных формах ментального мира: в представлениях, образах, символах и понятиях. Количество таких «концептов» ограничено, но это ключи к пониманию национальной ментальности. Такие концепты, как *душа, истина, свобода, счастье, любовь* и т. п., – самая абстрактная ментальная сущность, которая заставляет человека войти в «невидимый мир» психической ценности; это концепты практической философии и единицы сознания, обыденные аналоги терминов мировоззрения, коренящиеся в лексике естественного языка, обеспечивающие стабильность и развитие национальной культуры. Концепт – сумма значений соотносительных средств выражения: первосмысл от корня и этимологии слов, толкование (центральный элемент) в современных словарях, гештальт (в нашем определении), ассоциация, оценка, импликация, когнитивный сценарий, соотносительные энциклопедические знания. Вот и состав концепта [Воркачев 2005b: 46–66].

Концепт выражается разноуровневыми языковыми средствами. В нашей работе мы обсуждаем концепт, выраженный абстрактными сущностительными. Здесь мы используем термин «поле». В центре «поля» находится ключевое слово, которое соответствует главному слову синонимического ряда. Центральная часть соответствует целому ряду синонимов или квазисинонимов. Приведу пример *тоска / 忧愁*:

Предлагаем следующие шаги для сопоставления.

1. Определение основы для сопоставления – лексико-семантического варианта. В иноязычно-китайских словарях он даётся как перевод-толкование. Например, «Большой русско-китайский словарь» толкует лексему *красота* как “美” [刘泽荣 1963: 386]. А «Словарь современного китайского языка» толкует “美” как ‘美丽; 好看’ [现代汉语词典 1986: 773]. Словарь Ожегова толкует лексему *красота* как ‘совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, приятных внешним видом, внутренним содержанием’ [Ожегов 1953: 266]. На данной основе начнём сопоставлять концепты *красота* и “美”.

2. Анализ этимологии ключевых слов, выяснение свёрнутого смысла в корнях слов. Например, 美 – прилагательное, ассоциативный компунд (会意). Иероглиф из надписи на бронзе (金文字形) составлен из 羊 (овца) и 大 (большой). Овца – один из неосновных продуктов питания древних китайцев. Жирная овца очень вкусная. И первосмысл 美 – вкусный. А русское слово *красота* восходит к древнерусскому слову *крада*. По мнению П.Я. Черных, *крада* – ‘огонь, жертвенник’. Значение ‘красота’ могло возникнуть не просто из значения ‘пламя’, не по цвету огня, а, по-видимому, в связи с тем, что *крада* первоначально значило ‘жертвенный огонь’ [Черных 2001: 440].

3. Анализ лексикографических данных, выявление на основе словарных дефиниций более устойчивых семантических факторов, выделение центральной части, которая образует концепт. Например, проанализировав дефиниции лексемы *красота* в разных словарях, можно утверждать, что *красота* – это взаимодействие объекта (внешность, черта, цвет, музыка и т. п.) и зрения (и других органов чувств человека), которое вызывает у субъекта положительные реакции: радость, удовольствие и т. п. «Словарь современного китайского языка» толкует “美” как ‘美丽; 好看’ [现代汉语词典 1986: 773]. Другие словари китайского языка дают аналогичные дефиниции “美”, подчеркивая “好看” [古今汉语词典 2002: 961].

4. Анализ типичной сочетаемости абстрактных существительных, выражающих концепты, и их метафорического употребления, выявление

ние гештальтов и представлений абстрактных существительных. Например, проанализировав собранные данные, мы полагаем, что носители языков считают *красота* / 美 таинственными, их обожествляют; *красота* / 美 оказывают на человека и положительное, и отрицательное влияние. У носителей языков есть такие гештальты насчёт *красоты* / 美: сила, луч, огонь, жидкость и т. п. В русском языке метафора «цветы» говорит о скоротечности и «отчётливости» чего-либо. А в китайском языке метафоры «цветы, нефрит» говорят о красоте женщины.

5. Анализ словообразовательных производных от ключевых слов, ибо концепт коренится в корнях слов, а не в словах, и проявляется во всех словообразовательных парадигмах. Например, русское слово *тоска*₁ сопоставимо со следующими словами в китайском языке: 忧、忧心₁、忧伤、忧闷、忧郁、忧思、忧悒、忧戚、忧愁、忧心如焚、忧煎; 愁、愁肠、愁城、愁云₂、愁心₂、愁闷、愁郁、愁思、愁戚、愁绪、愁楚、闲愁 и т. п.

6. Выявление отношений анализируемого концепта с другими соотносительными концептами. Например, обсуждая *справедливость* и “公平”, следует помнить, что в сознании носителей русского языка *справедливость* противопоставляется *законности*. Носители русского языка относятся к законам пренебрежительно, с иронией. А носители китайского языка вовсе не так поступают.

7. Анализ парадигматических и синтагматических отношений концепта, определение его ассоциативного поля. Например, *тоска*₁ вызывают у носителей русского языка следующие ассоциации: *глушь и снег; зимняя, скучная дорога; печальная луна; печальные поляны; равнина и снег; снег и ночь* и т. д. А “愁思” вызывает у носителей китайского языка следующие ассоциации: 秋雨梧桐、落花堆积、黄昏细雨、晚来疾风、薄雾浓云、斜阳寒鸦、孤村深院、北雁南飞、秋风墓地 и т. д.

8. Сопоставление результатов анализа с данными других смежных наук (философия, психология) и их проверка.

9. Перевод результатов анализа на Естественный семантический метаязык в случае необходимости.

Из всего вышесказанного параграф (4) (концептуальный анализ) – важнейший шаг нашего исследования. Полученные концептуальным анализом результаты отличаются от привычных нам сопоставлений этимонов, словарных дефиниций, словообразований, стилистических и ассоциативных значений слов [戚雨村等 2005]. Одним словом, мы сопоставляем концепты, выраженные абстрактными существительными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гештальт – это своего рода инструмент для измерения абстрактной сущности, это и план сопоставления между абстрактными сущностями внутри одного языка и план сопоставления между соотносительными концептами в разных языках. Концептуальное содержание определяется анализом метафорического употребления имени существительного и его контекста, т. е. сферы применения концептуального анализа расширяется до текста (дискурса), где употребляется это существительное. Изучение концепта заставляет нас в конечном счёте войти в таинственный мир национальной ментальности. Полученные с помощью концептуального анализа результаты отличаются от привычных сопоставлений этимонов, словарных дефиниций, словообразований, стилистических и ассоциативных значений слов. Одним словом, мы сопоставляем концепты, выраженные абстрактными существительными. Стали ясными предмет, задача и методы **компаративной концептологии**.

Литература / Reference

7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. – 383 с.
8. Верякина В.П. Концепт «образцового человека» // Человек. 2004, № 4. С. 49–63.
9. Воркачев С.Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (1): любовь-милость // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 2005b, т. 64, № 4. С. 46–66.
10. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005a, № 4. С. 76–83.
11. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001, № 1. С. 64–72.
12. Гайдукова В. К вопросу о логическом анализе языка (на примере концептосферического поля власти). [Электронный ресурс] URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1449&level1=main&level2=articles>. Дата последнего обращения – 04.12.2017.
13. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001, № 1. С. 35–47.
14. Зализняк Анна А. Заметки о метафоре // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к 70-летию академика Ю.Д. Апресяна / Ред. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Крысин Л.П. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 82–90.
15. Зиновьева Е.И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003, Сер. 2. Языкознание. Вып. 2 (№ 10). С. 35–43.
16. Когнитивная лингвистика. [Электронный ресурс] URL: <https://sites.google.com/site/yazyk13/podgotovka-k-ekzameni/kognitivnaa-lingvistika>. Дата последнего обращения – 04.12.2017/
17. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
18. Концептуальный анализ. [Электронный ресурс] URL: http://studbooks.net/892188/literatura/kontseptualnyy_analiz_kognitivnoy_lingvistike Дата последнего обращения – 05.12.2017.
19. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

20. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
21. *Лассан Э.* «Надежда»: семантический и концептуальный анализ. [Электронный ресурс] URL: <http://philology.ru/linguistics2/lasan-02.htm>. Дата последнего обращения – 04.12.2017.
22. Логический анализ языка (ЛИАЯз). [Электронный ресурс] URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/logicheski_analiz_yazika.html. Дата последнего обращения – 04.12.2017.
23. Новейший философский словарь (под ред. А.А. Грицанова). Минск: Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
24. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М.: Языки русской культуры, 1999. – 511 с. – [НОССРЯ]
25. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 732 с.
26. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
27. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
28. *Тихонова Н.В.* Концепт как инструмент лингвистического анализа текста. [Электронный ресурс] URL: <http://aik-sng.ru/text/bullet/23/30.html>. Дата последнего обращения – 04.12.2017.
29. *Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Симиотика и информатика. М.: Русские словари, 1997. С. 146–152.
30. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Либроком, 1997. – 352 с.
31. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 2001. Т. 1. – 360 с.
32. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
33. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1986.
34. 傅世侠. 格式塔心理学; 滕守尧. 格式塔心理学—美学. 《中国大百科全书》, 哲学(电子版). 北京: 中国大百科全书出版社, 2005.
35. 刘泽荣. 俄汉大词典. 北京: 商务印书馆, 1963.
36. 商务印书馆辞书研究中心. 古今汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2002.
37. 夏甄陶. 观念. 《中国大百科全书》, 哲学(电子版). 北京: 中国大百科全书出版社, 2005.
38. 张巨青. 思维形式的辩证法. 《中国大百科全书》, 哲学(电子版). 北京: 中国大百科全书出版社, 2005.
39. 戚雨村, 陆国强. 词汇学. 《中国大百科全书》, 语言文字(电子版). 北京: 中国大百科全书出版社, 2005.
40. 杨明天. 俄语的认知研究. 上海: 上海外语教育出版社, 2004.

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ЭМОЦИИ РАДОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Янь Кай

CULTURAL AND NATIONAL SPECIFICITY OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION
OF THE EMOTION OF JOY IN RUSSIAN AGAINST THE BACKGROUND
OF THE CHINESE LINGUOCULTURE

Yang Kai

ABSTRACT

In this article, an analysis of the cultural and national specifics of the lexicographic descriptions of the name of emotion of RADOST' (JOY) in Russian against the background of Chinese linguoculture is considered. The article presents a lexicographic description of the name of the given emotion in the old Russian and the modern Russian; identify the main properties, forms of manifestation, cognitive-semantic categories, basic metaphorical models, basic oppositions and their cultural and conceptual components of the concept of RADOST' (JOY) according to the dictionary definitions of the Russian and Chinese languages. The relevance of the article is to identify cultural differences in the Russian and Chinese linguistic cultures, which are reflected in lexicographic sources. The aim of the study is to show the similarity and difference between the Russian and Chinese languages, which are revealed in the vocabulary definitions of the emotion of RADOST' (JOY).

Key words: emotion; culture; knowledge; joy

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается анализ культурно-национальной специфики лексикографического описания наименования эмоции РАДОСТИ в русском языке на фоне китайской лингвокультуры. В статье представляется лексикографическое описание наименования эмоции РАДОСТИ в древнерусском и современном русском языках; выявляются основные свойства, формы проявления, когнитивно-семантические категории, основные метафорические модели, базовые оппозиции и культурно-концептуальные составляющие концепта РАДОСТЬ по данным словарных дефиниций русского и китайского языков. Актуальность статьи обусловлена выявлением культурных различий в русской и китайской лингвокультурах, нашедших своё отражение в лексикографических источниках. Цель исследования – показать сходства и различия между русским и китайским языками, которые проявляются в словарных дефинициях эмоции РАДОСТИ.

Ключевые слова: эмоция; культура; знание; радость

Человеческие эмоции принадлежат определённому миру и проявляются в конкретной национальной культуре. Это значит, что, хотя эмоции свойственны носителю любого языка и национальной культуры, в разных лингвокультурах есть свои черты в описании эмоционального переживания человека говорящего, его реакций на действительность, на участников общения, на их поведение. Анализ лексикографических источников позволяет выявить некоторые особенности и обосновать роль образных средств языка в концептуализации эмоций в разных лингвокультурах.

В.И. Шаховский считает, что проявление эмоций «сопровождается проявлением этнокультурных различий», так как сама эмоция является частью культуры любого лингвокультурного сообщества [Шаховский 2008: 318]. При этом содержание этнокультурной информации есть «система знаний, представлений, оценок, описывающих явления внутреннего и внешнего мира, которые имеют маркировку при кодировании в языке и других сферах культуры» [Березович 2009: 27].

Понятие *культура* мы, следуя за В.Н. Телия, рассматриваем как «особую семиотическую концептосферу» [Телия 2007: 435], являющуюся результатом восприятия мироздания [Телия 2010: 776]; это «мировидение и миропонимание» определенного лингвокультурного сообщества, «обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222], т. к. знак несет социокультурный смысл и влияет на сознание и психику человека, а также отражает реалии окружающего мира. По мнению А.А. Леонтьева, в основе мировидения и миропонимания народа лежит своя система предметных значений, стереотипов и когнитивных схем. Поэтому человеческое сознание всегда этнически обусловлено; мировидение и миропонимание любого народа нельзя перевести простым перекодированием на язык культуры другого этноса [Леонтьев 1993: 20]. Поддерживая эту позицию, Н.В. Уфимцева отмечает, что «за словом родного языка стоит множество знаний, связанных с культурным предметом, которое оно (слово) обозначает, а когда мы переходим на язык другой культуры, то мы можем усвоить, как правило, только знание» [Уфимцева 2017: 23].

Отметим, что в рамках когнитивных исследований Д. Лакофф выделяет следующие виды знания: дефиниционное и энциклопедическое [Лакофф 2011: 229]. По его мнению, дефиниционное знание есть знание существенных признаков слов, а энциклопедическое знание – это знание их случайных признаков [Там же]. При этом исследователь пишет, что «слова языка имеют объективный институциональный статус. Поскольку слова являются объективно существующими сущностями, они имеют существенные и случайные признаки. Поэтому объективисты полагают, что слова имеют правильные определения – определения,

которые являются объективно правильными в силу институционального фактора» [Там же]. Иными словами, можно полагать, что различие между дефиниционным и другими этапами знания и есть различие между словарной (языковой) и энциклопедической информацией. В этом случае следует привести слова Л.О. Чернейко, которая пишет, что в языковом знании «отражаются все внеязыковые представления носителей той или иной культуры независимо от их социального статуса и уровня образования» [Чернейко 2013: 152]. При этом Л.О. Чернейко считает, что языковое знание – «это все то, что данный язык знает (на уровне рациональном / логическом и внерациональном / сублогическом) о действительности и о себе как фрагменте этой действительной» [Там же: 153]. В данном случае можно вспомнить мнение В.Г. Гака, что словарь выступает источником сведений о языке, отражением внеязыковой действительности и содержит информацию об этой языковой действительности: «...мир слов неотделим от мира вещей, и всякий словарь является инвентарем не только слов, но и понятий, объектов, знаний, составляющих достояние людей, говорящих на данном языке» [Гак 1971: 524].

В настоящей статье нами рассмотрена эмоция РАДОСТЬ в русском языке на фоне китайской лингвокультуры по данным толковых словарей.

Отметим, что с позиции лингвокультурологии Н.А. Красавский, опираясь на данные лексикографического описания лексемы *радость* в русской и немецкой языковых картинах мира, утверждает, что лексема *радость* часто употребляется в одних и тех же контекстах с культурологически значимыми для русского народа понятиями: *сердце* и *душа* (например, *сердце испытало много радостей, тихая радость в душе, отрада души* и др.) [Красавский 2008: 167]. М.К. Голованивская, сопоставляя концепт РАДОСТЬ в русском и французском языковых сознаниях, выяснила, что в русском языковом сознании можно следующим образом составить персонифицированный образ концепта РАДОСТЬ: 1) это живое существо; 2) женщина с крыльями; 3) огонь; 4) жидкость; 5) инфекция (заразная болезнь) с положительным знаком [Голованивская 2009: 354]. Л.И. Захарова указывает, что существуют два основных стереотипа, описывающих русское ментальное пространство: 1) первый состоит в том, что «русские почти не умеют радоваться»; 2) второй стереотип утверждает, что в русском языковом сознании концепт РАДОСТЬ тесно связан с базовыми оппозициями: *верх – низ; внутри – снаружи; высокий – низкий* [Захарова 2011: 60–61]. Согласно Е.Г. Озеровой и М.Ю. Покручиной, концепт РАДОСТЬ является не только универсальным, но также зависит от окружающей природы, исторического прошлого развития нации, в языке которой он существует, в этом плане

можно говорить о его особом культурологическом статусе. При этом, с позиции исследователей, концепт *РАДОСТЬ* способен «отражать ментально обусловленную языковую картину мира и выступать в качестве идентификатора национального характера» [Озерова, Покручина 2016: 43].

Рассматривая значение лексемы *радость* в истории русского языка, можно отметить, что существует несколько версий происхождения данного слова. Например, по мнению М. Фасмера, дериват слова *радость* – *рад*. Слово *рад* могло произойти из **ārda-*, ср.: греч. *Αρδαγαστος* 'Ардаγастос – имя славянского вождя. В таком случае следовало бы привлечь греч. *ἄραμαι* ('люблю'), *ἔρωσ*, род. п. -*ωτος* ср. р. ('любовь'). При этом исследователь пишет, что данные слова трудно отрывать от форм, приводимых на *радѣть*, *ради* [ЭР: Этимологический словарь Фасмера].

В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского слово *радость* и однокоренные ему слова используются: 1) для обозначения назначения (*живота ради*); 2) для обозначения подчинения (*смириться Бога ради*); 3) для обозначения возмездия (*принял смерть грех ради наших, т. е. радея, заботясь о нас*); 4) для обозначения причинной связи (*яко послал мя живый Отец, и аз живу Отца ради*). При этом добавим, что через слово *радость* толкуются такие лексемы, как *пища* («радость, пища, еда, питание, кормление, запас, пропитание, наслаждение, блаженство»); *веселье* («радость, свадьба»); *праздновати* 'радоваться, быть свободным, бездействовать' [СДРЯ: Словарь древнерусского языка Срезневского].

Н.Э. Арсланбекова считает, что в древнерусской лингвокультуре *РАДОСТЬ* воспринималась через чувственные ощущения как нечто конкретное, причем данная эмоция не разграничивалась с такими чувствами, как удовольствие, наслаждение и веселье. Исследователь отмечает различные конкретные проявления радости: смех, подпрыгивания, возгласы, аплодисменты, танцы [Арсланбекова 2016: 367]. Она приводит следующие примеры из словаря И.И. Срезневского [ЭР: Этимологический словарь Срезневского]: слово *играти* в истории русского языка имело значение 'ликовать, веселиться, прыгать, скакать, быть в движении, шутить, насмехаться, играть на музыкальных инструментах'. 'Радость' как одно из значений входило в семантическую структуру слова *плескание*: 'радость, рукоплескание, торжество, один из языческих обрядов, игра'. Древнерусский глагол *склабитися* означал не только 'улыбаться', но и 'радоваться'. Также слово *смехъ* в истории русского языка имело значение 'радость, смех, хохот, веселье, насмешка'. Н.Э. Арсланбекова указывает на то, что радостное состояние человека обозначалось глаголом *ликовати*: 'ликовать, водить хороводы, петь,

пением прославлять кого-либо' [Словарь Филина 1981: 233]. Однако с приходом на Русь христианства произошли некоторые изменения в восприятии эмоции РАДОСТЬ. Мирское удовольствие стало считаться греховным, и радость оказалась в тесной связи с такими чувствами, как милосердие и доброта [Арсланбекова 2016: 368]. Так, в древнерусском языке слово *милость* означало 'милосердие, благорасположение, жалость и духовную Радость' [ЭР: Этимологический словарь Срезневского]. В данном контексте можно рассматривать и слово *утешение*, имеющее значение 'радость, поддержка' [Там же]. Более того, глагол *отрадити*, однокоренной современному глаголу *радоваться*, означал 'утешить, иметь сострадание' [Там же]. С точки зрения христианина, *радость* ассоциировалась со светом, сиянием или раем. По данным «Церковнославянского словаря» прот. Г. Дьяченко [Словарь Дьяченко 2001], изначально корень *рад-* означал 'блестящий, просветленный' [Дьяченко 2001: 24]. Это подтверждается значением слова *светлость* в древнерусском языке: 'радость, красота, блеск, сверкание, сияние, благодать', а также 'торжество, слава, величие, высота, важность, богатство' [СДРЯ: Словарь древнерусского языка Срезневского]. В русском языке есть устойчивые выражения типа *светлое воскресенье*, *светлые дни* (слово *светлый* в христианской культуре означает 'нечто святое, благородное, чистое'). Очевидна взаимосвязь слова *свет* и его символического значения с концептом НЕБО (рай находится именно на небесах по представлениям христиан), а также с соматическим кодом культуры (*светлый ум*, *светлая голова* и др.) и с символикой противоположного начала (*тёмные дела*, *чёрные мысли* и т. п.).

Ю.С. Степанов считает, что слово *радость* является производным от краткой формы прилагательного *рад*. Русское слово *ради* и полностью соответствующее ему др.-перс. «*radity*») употребляются, по мнению ученого, как «послеслоги» – ср.: рус. «*Христа ради*». При этом *ради* означает 'как причину, так и цель', т. е. «целевую причину» – некий мотив, заставляющий человека действовать и тем самым выступающий в роли причины действия [Степанов 2004: 304–305]. Исследователь отмечает, что *радость* – это внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия. Интересен тот факт, что само слово *радость* в норме никогда не выступает в позиции подлежащего [Там же: 446]. Говоря о внутренней форме слова *радость*, ученый определяет ее как «ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание/ощущение гармонии меня со средой, заботы кого-то обо мне и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому» [Там же: 453]. Упомянутые выше идеи согласуются с позицией Э.Г. Шимчук, которая полагает, что «в комплекс средневековых представлений, связанных с

внешними проявлениями радости, входят пение, пляски, смех, улыбки, плач. В языке древнерусской письменности радость образует пару с весельем. Радость – веселье “живут” в земном и горнем мире, а также в человеке – его сердце, душе и теле» [Шимчук 2004]. Ученый утверждает, что «в древнерусских контекстах *радъ*, *радовати* выражается желание (пожелание) вызвать или продлить приятное или полезное событие» [Там же].

Таким образом, этимология слова *радость* указывает на изначальную связь данного понятия с желаниями, стремлениями человека, а также положительным отношением к людям (забота). При этом, согласно мнению Н.А. Красавского, первоначально значение слова *радость* не включало в себя эмоциональную составляющую [Красавский 2008: 112]. Слово *рад* в значении ‘радостный, довольный’ встречается в памятниках древнерусской письменности уже в XI веке [ЭР: Этимологический словарь Фасмера]. Например, в «Остромировом Евангелии» (1057): «*Авраамъ отецъ нашъ радъ бы быль да бы видель дни мои*».

Помимо представления происхождения слова *радость*, обратим внимание на его семантизацию в лексикографических источниках (см. таблицу 1).

Таблица 1.
Словарные толкования лексемы *радость* в русском языке

№	НАЗВАНИЕ СЛОВАРЕЙ	СЕМАНТИЗАЦИИ
1.	Словарь В.И. Даля	‘веселье, услада, наслажденье, утеха, и внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая’
2.	Словарь Д.Н. Ушакова	1) ‘чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение’; 2) ‘событие, предмет, возбуждающие такое чувство’
3.	МАС	1) ‘чувство удовольствия, удовлетворения’; 2) ‘то, что (или тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье’; 3) ‘разг. ласковое, нежное обращение’
4.	ТСРЯ С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой	1) ‘весёлое чувство, ощущение большого душевного удовольствия’; 2) ‘то, что вызывает такое чувство’; 3) ‘радостное, счастливое событие, обстоятельство’
5.	БТС	1) ‘чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения’; 2) ‘то, что (тот, кто) доставляет удовольствие даёт счастье’; 3) ‘разг. ласковое, нежное обращение’

6.	РСС	1) 'весёлое, счастливое чувство, ощущение полного удовлетворения'; 2) 'тот или то, кто (что) вызывает чувство радости, счастья, удовлетворения'; 3) 'нежное обращение к ребёнку, к любимому человека, а также (в непринуждённой речи) снисходительное и фамильярное обращение к собеседнику, вообще ласковое или ироническое упоминание о ком-н.'; 4) 'радостное, счастливое событие, обстоятельство'
7.	Словарь Т.Ф. Ефремовой	1) 'чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения'; 2) 'внешнее проявление такого чувства'; 3) 'перен. разг. употр. как обращение к кому-л., соответствуя по знач. сл.: милый, любимый, дорогой'

По данным лексикографических источников можно определить значение лексемы *радость* следующим образом: это 'внутреннее чувство и ощущение говорящего, возникающее тогда, когда человек испытывает удовольствие, чувство приятного удовлетворения'. Также отметим, что при сопоставлении словарных дефиниций лексемы *радость* можно выделить следующие повторяющиеся элементы: 1) чувство удовольствия, удовлетворения; 2) веселое настроение; 3) приятные события (или приятные причины); 4) счастливое чувство; 5) внешнее проявление такого чувства. Добавим, что в русской лингвокультуре проявление концепта РАДОСТЬ связано с обращениями к пище, питанию, свадьбе, праздникам, пению, заботе и доброте (И.И. Срезневский). Кроме того, концепт РАДОСТЬ тесно связан с цветовыми представлениями (например, *светлое воскресенье, светлые дни*).

На основе проведенного анализа нами были выделены главные когнитивно-семантические категории концепта РАДОСТЬ: *внутреннее ощущение и чувство, причина, цветовые (или световые) оттенки и внешнее действие*. Подчеркнем, что проявление эмоции РАДОСТЬ в русской лингвокультуре тесно связано с такими чувствами, как *счастье, веселье, удовольствие, удовлетворение*. На основе выделенных когнитивно-семантических категорий мы выявили основные свойства и формы проявления концепта РАДОСТЬ: *ощущение и чувство, приятность, удовлетворённость, весёлое настроение, нежность, светлость; внутреннее ощущение, чувство и внешнее действие*.

Опираясь на вышесказанное, мы построили некоторые метафорические модели концепта РАДОСТЬ в русской лингвокультуре: «*радость – приятное событие*» (или «*радость – приятность*»), «*радость – нежность*», «*радость – удовлетворённость*», «*радость – свет*». Соответственно, можно полагать, что концепт РАДОСТЬ в русской лингво-

культуре тесно связан с базовыми оппозициями: *внутри – снаружи, действие – бездействие, приятный – неприятный, нежность – грубость, свет – тьма*. В данном случае мы выделили соответствующие культурно-концептуальные составляющие вышеуказанных оппозиций: *пространство, движение, чувство, любовь, цвет (или оттенки)*.

Русское слово *радость* на китайский язык можно перевести следующими эквивалентами: '1) 高兴 (букв. пер.: 'радость'), 喜悦 (букв. пер.: 'радость'), 快乐 (букв. пер.: 'весело, счастливо'); 2) 喜事 (букв. пер.: 'радостное событие'), 乐事 (букв. пер.: 'радостное событие'), 乐趣 (букв. пер.: 'удовольствие')' [НСКЯ 2012: 860]. Можно утверждать, что слово *радость* в китайском языке выражает *внутреннее чувство веселья, счастья и удовольствия* человека, описывает радостное событие вокруг говорящего. Отметим, что слово 高兴 (букв. пер.: 'радость'), которое относится к двум морфологическим категориям: 1) прилаг. 愉快, 兴奋 (букв. пер.: 'радостный, счастливый'); 2) гл. 带着愉快的情趣做某件事 (букв. пер.: 'с радостным чувством/ощущением делать что-л. '); 喜欢 (букв. пер.: 'нравиться, любить'). Заметим, что в слове 高兴 содержатся две морфемы: 高 (букв. пер.: 'высокий') и 兴 (букв. пер.: 'интерес').

На основе вышесказанного нами были выделены главные когнитивно-семантические категории концепта РАДОСТЬ: *внутреннее ощущение и чувство, причина и внешнее действие*. Подчеркнем, что проявление эмоции РАДОСТЬ в китайской лингвокультуре тесно связано с такими чувствами, как *счастье, веселье, удовольствие и любовь*. На основе выделенных когнитивно-семантических категорий мы выявили основные свойства и формы проявления концепта РАДОСТЬ: *ощущение и чувство, приятность, удовлетворённость, весёлое настроение; внутреннее ощущение, чувство и внешнее действие*.

Опираясь на вышесказанное, нами были построены следующие метафорические модели концепта РАДОСТЬ в китайской лингвокультуре: «*радость – приятное событие*» (или «*радость – приятность*»), «*радость – удовлетворённость*», «*радость – любовь*». Соответственно, можно полагать, что концепт РАДОСТЬ в китайской лингвокультуре тесно связан с базовыми оппозициями: *внутри – снаружи, действие – бездействие, любовь – ненависть, приятный – неприятный, быстро – медленно, верх – низ*. В данном случае нами были выделены соответствующие культурно-концептуальные составляющие указанных оппозиций: *пространство, движение, чувство, скорость, объект*.

Итак, по данным проведенного анализа нами выявлены следующие культурно-национальные особенности (отмечены в таблице полужирным) наименования эмоции РАДОСТИ в русской (РЛ) и китайской (КЛ) лингвокультурах. (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Сопоставление концепта РАДОСТЬ в русской и китайской лингвокультурах

№	Параметры	РЛ	КЛ
1	наименование	радость	高兴、喜悦、快乐
2	форма проявления	внутреннее ощущение и чувство; внешнее действие	внутреннее ощущение и чувство; внешнее действие
3	внутреннее выражение	счастье; веселье; удовольствие; удовлетворение;	счастье; веселье; удовольствие; любовь ;
4	внешнее выражение	не указано	не указано
5	свойство	ощущение; чувство; приятность; удовлетворённость; весёлое настроение; нежность ; светлость ;	ощущение; чувство; приятность; удовлетво- рённость; весёлое настроение
6	когнитивно-сематические категории	внутреннее ощущение и чувство; причина; внешнее действие; цветовые оттенки	внутреннее ощущение и чувство; причина; внешнее действие
7	метафорические модели	радость – приятные события; радость – удовлетво- рённость; радость – нежность ; радость – свет	радость – приятное событие; радость – удовлетво- рённость; радость – любовь
8	базовые оппозиции	внутри – снаружи; действие – бездействие; приятный – неприятный; нежность – грубость ; свет – тьма	внутри – снаружи; дей- ствие – бездействие; приятный – неприятный; любовь – ненависть ; быстро – медленно ; верх – низ
9	культурно-концептуальные составляющие указанных оппозиций	пространство; движение; чувство; любовь ; цвет (или оттенок)	пространство; движе- ние; чувство; скорость ; объект

Отметим, что номинации эмоции РАДОСТЬ в русском и китайском языках имеют внутреннюю форму, которая ассоциирует его образ с действиями, состояниями и т. п. По словам Е.Г. Беляевой, носителем культурной информации является внутренняя форма языка – система концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых единиц, обслуживающих типовые коммуникативные ситуации (цит. по: [СЛТ 2017: 58]). Согласно мнению М.Л. Ковшовой, «в языке происходит культурное присвоение мира уже на этапе номинации: языковой знак содержит культурно значимую информацию, поскольку его внутренняя форма фиксирует способ отражения мира, или путь моделирования мира как способ его познания» [Ковшова 2016: 28].

Итак, результаты проведенного анализа показывают, что словарные дефиниции эмоции РАДОСТИ в русском и китайском языках не только содержат культурно-национальную информацию, но и отражают языковое знание данного лингвокультурного сообщества, которое зафиксировано и актуализировано в значениях языковых знаков. При этом подчеркнем, что анализ лексикографических источников русского и китайского языков помогает раскрыть значительный объем имплицитной информации, которая стоит за словом. Также отметим, что словарь как часть этнокультуры содержит обширные знания о прошлом и настоящем состояниях языка и культуры народа. Стоит надеяться, что в будущем лексикографические источники станут новыми объектами для лингвокультурологического и лингвокогнитивного исследований.

Литература / Reference

1. *Арсланбекова Н.Э.* Концепт «радость» в языковом сознании британского и русского народов: историко-этимологический аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск. 2016, № 52 (2). С. 364–371.
2. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / под ред.: А.К. Матвеева. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.
3. *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с. [Электронный ресурс] URL: http://gufo.me/kuznec_a. Дата последнего обращения – 01.03.2017.
4. *Гак В.Г.* От толкового словаря к энциклопедии языка (из опыта современной французской лексикографии) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1971, т. XXX, вып. 6. С. 524–530.
5. *Головановская М.К.* Ментальность в зеркале языка: Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. – 367 с.
6. *Захарова Л.И.* Концепт РАДОСТЬ в русском языковом сознании (по результатам анкетирования молодежи 23–25 лет) // Мир русского слова. 2011, № 3. С. 60–66.
7. *Ковшова М.Л.* Культурная информация в семантике языковых знаков // Лингвокультурологические исследования: Языки лингвокультурологии: теория vs. Эмпирия / Отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27–36.
8. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
9. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум не машины / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис,

2011. – 512 с.

10. *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. С. 16–21.
11. Новый русско-китайский словарь. Пекин: Изд-во «Иностранные языки», 2005. – 1314 с. – [НРКС]
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. – 994 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>. Дата последнего обращения – 01.03.2017. – [Словарь Ожегова и Шведовой]
13. *Озерова Е.Г., Покручина М.Ю.* Концепт «радость» в лингвокультуре русского языка и его репрезентация в русских прозаических текстах // *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки.* 2016, № 7(228). Вып. 29. С. 37–43.
14. Полный Церковнославянский словарь / Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2001. – 720 с. – [Словарь Дьяченко]
15. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российской академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>. Дата последнего обращения – 01.03.2017. – [РСС]
16. Словарь древнерусского языка / И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. М.: Книга, 1989. [Электронный ресурс] URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>. Дата последнего обращения – 01.03.2017. – [Словарь Срезневского]
17. Словарь лингвокультурологических терминов / Отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. – 192 с. – [СЛТ]
18. Словарь русского языка XI-XVII веков/ глав. ред. Филин, Ф.П. М.: Наука, 1983. – 327 с. – [Словарь Филина]
19. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=240>. Дата последнего обращения – 01.03.2017. – [MAC]
20. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. [Электронный ресурс] URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/. Дата последнего обращения – 01.03.2017. – [Словарь Ефремовой]
21. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
22. *Телия В.Н.* Глубинно-смысловые пласты культуры и её символярий в архитектонике фразеологизмов-идиом // *Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака.* М.: ЛЕНАНД. 2007. С. 433–441.
23. *Телия В.Н.* Послесловие, замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // *Большой фразеологический словарь русского языка.* Значение. Употребление. Культурологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, – 2010. – С. 776–782.
24. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
25. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. В 4 т. М.: Русского языка, 1978–1980. [Электронный ресурс] URL: <http://slovardalja.net/>. Дата последнего обращения – 01.03.2017. – [Словарь Даля]
26. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: «Терра» – «Тетга», 1996. [Электронный ресурс] URL: <http://ushakovdictionary.ru/>. Дата последнего обращения – 01.03.2017. – [Словарь Ушакова]
27. *Уфимцева Н.В.* Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Неопсихоллингвистика) и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке гово-

- рящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. – 392 с.
28. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 272 с.
 29. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
 30. *Шимчук Э.Г.* Концепт РАДОСТИ в русском языке (диахронический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М.: 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philol.meu.ru/~rlc2004/filzv/ezc/96.doc>. Дата последнего обращения – 15.11.2016.
 31. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vasmer.slovaronline.com/>. Дата последнего обращения – 01.03.2017.

ВИДЕНИЕ КАК СИМВОЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ВУЛЬФ И У.С. МОЭМА

А.И. Изотова

VISION AS A SYMBOL IN THE WORKS OF V. WOOLF AND W.S. MAUGHAM

Anna Izotova

ABSTRACT

The present article is devoted to the comparative investigation of vision as a symbol in the works of V. Woolf and W.S. Maugham

Key words: vision; symbol; metaphor; narration; climax; stylistic device

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена сравнительному исследованию видения как символа в произведениях В. Вульф и У.С. Моэма

Ключевые слова: видение; символ; метафора; повествование; кульминация; стилистический прием

В. Вульф – литературный критик, а также автор романов и коротких рассказов, рассматриваемых как классические образцы «потока сознания». Её эстетическая программа предполагала отчуждение художника от жизни ради постижения красоты. Критически относясь к реалистической традиции, В. Вульф полагала, что задача художника – передать мир эмоций, воображения, запечатлеть мимолетное ощущение и переживание, создавая импрессионистические картины действительности, в основе которых лежат не объективные связи явлений, а ассоциации, рождающиеся в подсознании героев.

Символическое описание видений широко используется в произведениях В. Вульф. при этом видения органично включаются в текст, оказываются искусно вплетенными в повествование. Обратимся к примерам.

'How then does light return to the world after the eclipse of the sun? Miraculously. Frailly. In thin stripes. It hangs like a glass cage. It is a hoop to be fractured by a tiny jar. There is a spark there. Next moment a flush of dun. Then a vapour as if earth were breathing in and out, once, twice, for the first time. Then under the dullness someone walks with a green light. Then off twists a white wraith. The woods throb blue and green, and gradually the fields drink in red, gold, brown. Suddenly a river snatches a blue light. The earth absorbs colour like a sponge slowly drinking water. It puts on weight; rounds itself; hangs pendent; settles and swings beneath our feet.

'So the landscape returned to me; so I saw fields rolling in waves of colour beneath me but now with this difference; I saw but was not seen. I walked unshadowed; I came unheralded. From me had dropped the old cloak, the old response; the hollowed hand that beats back sounds. Thin as a ghost, leaving no trace where I trod,

perceiving merely, I walked alone in a new world, never trodden; brushing new flowers, unable to speak save in a child's words of one syllable; without shelter from phrases – I who have made so many; unattended, I who have always gone with my kind; solitary, I who have always had someone to share the empty grate or the cupboard with its hanging loop of gold. (The Waves)

В данном контексте, представляющем собой монолог Бернарда, размышляющего о смысле своей жизни на склоне лет, его видение охватывает волны цвета: зелёный, голубой, красный, золотой, коричневый. Волшебные изменения цвета происходят для него как будто после солнечного затмения. Земля поглощает цвет как губка, а Бернард проходит невидимый как призрак в новом мире, полностью изменяясь, что аллегорически показывает преобразование его души.

Ср. также следующий контекст, в котором дуновение легкого ветерка, заставляющего трепетать шторы из муслина, создает метафорический образ величественной богини, поднимающейся с трона в янтарном одеянии и плывущей по небу под смех других богов, ср.:

And then a breeze blew and all the muslin blinds fluttered out, as if some majestic goddess, rising from her throne among her peers, had tossed her amber-coloured raiment, and the other gods, seeing her rise and go, laughed, and their laughter floated her on. (Between the Acts)

Аналогично в отрывке далее печальные размышления Изабеллы даются сквозь призму её знания о неверности мужа. Героиня воображает себя бредущей то в тоннелях, где гуляет слепой ветер, где не растут и не цветут розы, то в пустом поле, где вечер не набрасывает свой покров, где не восходит солнце, где взгляд ищет убежище от другого взгляда. Воображение Изабеллы рисует картину безысходности, ср.:

She dropped her flower. What single, separate leaf could she press? None. Nor stray by the beds alone. She must go on; and she turned in the direction of the stable.

'Where do I wander?' she mused. 'Down what draughty tunnels? Where the eyeless wind blows? And there grows nothing for the eye. No rose. To issue where? In some harvestless dim field where no evening lets fall her mantle; nor sun rises. All's equal there. Unblowing, ungrowing are the roses there. Change is not; nor the mutable and lovable; nor greetings nor partings; nor furtive findings and feelings, where hand seeks hand and eye seeks shelter from the eye.' (Between the Acts)

Ливень, прервавший спектакль на открытом воздухе, метафорически воспринимается Изабеллой и другими персонажами как слезы – это и слёзы самой героини, и рыдания всех людей в мире, скорбящих о всех людях. Стилистически отрывок эмпатизируется повтором слова tears, ср.:

And then the shower fell, sadden, profuse.

No one had seen the cloud coming. There it was, black, swollen, on top of them. Down it poured like all the people in the world weeping. Tears. Tears. Tears.

'O that our human pain could here have ending!' Isa murmured. Looking up she received two great blots of rain full in her face. They trickled down her cheeks as if they were her own tears. But they were all people's tears, weeping for all people. Hands were raised. Here and there a parasol opened. The rain was sudden and universal. Then it stopped. From the grass rose a fresh earthy smell. (Between the Acts)

Рассмотрим аналогичные контексты:

...but here, the houses falling away on both sides, they came out on the quay, and the whole bay spread before them and Mrs Ramsay could not help exclaiming: 'Oh, how beautiful!' For the great plateful of blue water was before her; the hoary Lighthouse, distant, austere, in the midst; and on the right, as far as the eye could see, fading and falling, in soft low pleats, the green sand dimes with the wild flowing grasses on them, which always seemed to be running away into some moon country, uninhabited of men. (To the Lighthouse)

Вид домов на фоне залива привлекает миссис Рэмсей. Голубая вода, вдали древний маяк и простирающиеся зеленые песчаные дюны в мягких складках с дикой растительностью, которые в восприятии героини убегают в какую-то не заселенную человеком лунную страну (*which always seemed to be running away into some moon country, uninhabited of men*).

When life sank down for a moment, the range of experience seemed limitless. And to everybody there was always this sense of unlimited resources, she supposed; one after another, she, Lily, Augustus Carmichael, must feel, our apparitions, the things you know us by, are simply childish. Beneath it is all dark, it is all spreading, it is unfathomably deep; but now and again we rise to the surface and that is what you see us by. Her horizon seemed to her limitless. There were all the places she had not seen; the Indian plains; she felt herself pushing aside the thick leather curtain of a church in Rome. This core of darkness could go anywhere, for no one saw it. They could not stop it, she thought, exulting. There was freedom, there was peace, there was, most welcome of all, a summoning together, a resting on a platform of stability. Not as oneself did one find rest ever, in her experience (she accomplished here; something dexterous with her needles), but as a wedge of darkness. (To the Lighthouse)

Приоткрывая завесу темноты, миссис Рэмсей способна побывать там, где никогда не бывала ранее – на равнинах индейцев, в церкви в Риме. Её кругозор кажется ей безграничным. Само сердце тени (*core of darkness*) ведет её повсюду и дарит ей свободу и покой.

From her hand, ice cold, held deep in the sea, there spurted up a fountain of joy at the change, at the escape, at the adventure (that she should be alive, that she should be there). And the drops falling from this sudden and unthinking fountain of joy fell here and there on the dark, the slumbrous shapes in her mind; shapes of a world not realised but turning in their darkness, catching, here and there, a spark of light: Greece, Rome, Constantinople. Small as it was, and shaped something like a leaf stood on end with the gold sprinkled waters flowing in and about it. it had, she supposed, a place in the universe - even that little island. (To the Lighthouse)

На Кэм Рэмсей внезапно изливается фонтан радости, чувство, связанное с тем, что она жива. Капли этого фонтана касаются темных сторон её воображения. Возникают таинственные метафорические образы мира, озаренные вспышкой света (*a spark of light*): Греция, Рим, Константинополь.

It was an evening of astonishing beauty. As the sun sank, all the domes, spires, turrets, and pinnacles of London rose in inky blackness against the furious red sunset clouds. Here was the fretted cross at Charing; there the dome of St Paul's; there the massy square of the Tower buildings; there like a grove of trees stripped of all leaves save a knob at the end were the heads on the pikes at Temple Bar. Now the Abbey windows were lit up and burnt like a heavenly, many-coloured shield (in Orlando's fancy); now all the west seemed a golden window with troops of angels (in Orlando's fancy again) passing up and down the heavenly stairs perpetually. All the time they seemed to be skating in fathomless depths of air, so blue the ice had become; and so glassy smooth was it that they sped quicker and quicker to the city with the white gulls circling about them, and cutting in the air with their wings the very same sweeps that they cut on the ice with their skates. (Orlando)

В воображении Орландо (*in Orlando's fancy*) на закате в Лондоне зажженные окна Аббатства сияют как божественный разноцветный щит (*burnt like a heavenly, many-coloured shield*), а полоса Вест-энда кажется ему золотым окном с множеством ангелов (*a golden window with troops of angels*).

All the colour, save the red of Orlando's cheeks, soon faded. Night came on. As the orange light of sunset vanished it was succeeded by an astonishing white glare from the torches, bonfires, flaming cressets, and other devices by which the river was lit up and the strangest transformation took place. Various churches and noblemen's palaces, whose fronts were of white stone showed in streaks and patches as if floating on the air. Of St Paul's, in particular, nothing was left but a gilt cross. The Abbey appeared like the grey skeleton of a leaf. Everything suffered emaciation and transformation. (Orlando)

После того, как исчезает оранжевый цвет заката, появляется невероятное ослепительное белое сияние (*an astonishing white glare*) фонарей и костров у реки, и в восприятии Орландо происходит трансформация. Различные церкви и дворцы из белого камня сверкают полосами и кажутся ему парящими в воздухе.

Suddenly a shadow, though there was nothing to cast a shadow, appeared on the bald mountain-side opposite. It deepened quickly and soon a green hollow showed where there had been barren rock before. As she looked, the hollow deepened and widened, and a great park-like space opened in the flank of the hill. Within, she could see an undulating and grassy lawn; she could see oak-trees dotted here and there; she could see the thrushes hopping among the branches. She could see the deer stepping delicately from shade to shade, and could even hear the hum of insects and the gentle

sighs and shivers of a summer's day in England. After she had gazed entranced for some time, snow began falling; soon the whole landscape was covered and marked with violet shades instead of yellow sunlight. (Orlando)

Описанное видение Орландо показывает, как среди зимнего пейзажа внезапно возникает лето – зеленая лощина (*a green hollow showed*). Орландо видит покрытую травой лужайку, цветущие дубы, прыгающих по ветвям дроздов, бродящих оленей. Вскоре видение исчезает, и снежный пейзаж затягивается фиолетовой дымкой, вытесняющей желтый солнечный свет (*soon the whole landscape was covered and marked with violet shades instead of yellow sunlight*). Следует отметить, что из всех цветов спектра фиолетовый – самый таинственный и загадочный, это цвет фантазии и воображения.

Автор романов, драматических произведений и коротких рассказов У.С. Моэм – истинный знаток человеческой природы и искусный повествователь. Его эпическая проза драматизирована, отличается захватывающим сюжетом и неожиданной развязкой. У.С. Моэм избегает острых социальных или политических коллизий и сосредотачивается на вопросах нравственных и эстетических. В его произведениях повествование ведется, как правило, от первого лица, что художественно мотивирует отсутствие комментариев в назидательности. Его нарратор – скорее беспристрастный наблюдатель, чем участник действия.

Возможно, потому и прием символизации в его произведениях мы встречаем в основном при изображении поворотных моментов а жизни героя, а также в кульминации. Так, в романе «Узорный покров» (*The Painted Veil*) символ является одним из важнейших приемов раскрытия внутреннего мира персонажа, ср.:

The morning drew on and the sun touched the mist so that it shone whitely like the ghost of snow on a dying star. Though on the river it was light so that you could discern palely the lines of the crowded junks and the thick forest of their masts, in front it was a shining wall the eye could not pierce. But suddenly from that white cloud a tall, grim, and massive bastion emerged. It seemed not merely to be made visible by the all-discovering sun but rather to rise out of nothing at the touch of a magic wand. It towered, the stronghold of a cruel and barbaric race, over the river. But the magician who built worked swiftly and now a fragment of coloured wall crowned the bastion; in a moment, out of the mist, looming vastly and touched here and there by a yellow ray of sun, there was seen a cluster of green and yellow roofs. Huge they seemed and you could make out no pattern; the order, if order there was, escaped you; wayward and extravagant, but of an unimaginable richness. This was no fortress, nor a temple, but the magic palace of some emperor of the gods where no man might enter. It was too airy, fantastic, and unsubstantial to be the work of human hands; it was the fabric of a dream.

The tears ran down Kitty's face and she gazed, her hands clasped to her breast and her mouth, for she was breathless, open a little. She had never felt so light of

heart and it seemed to her as though her body were a shell that lay at her feet and she pure spirit. Here was Beauty. She took it as the believer takes in his mouth the wafer which is God. (The Painted Veil)

В данном случае описывается видение облаков и небес, и их восприятие Китти. Особый интерес представляют фразы «this was no fortress, nor a temple, but the magic place of some emperor of the gods where no man might enter» (это было не похоже ни на крепость, ни на храм, но на волшебный приют божества, куда не мог ступить человек). Следует также обратить внимание на фразу «as though her body were a shell and she pure spirit» (как будто её тело было просто оболочкой, а она сама превратилась в чистый дух).

Приведённый контекст символизирует перелом в душе Китти, из ordinarily девушки с ограниченными интересами она превращается в возвышенного человека, тонко чувствующего красоту и божественность происходящего.

"It does seem a long way to Harrington Gardens," she smiled.

"Why do you say that?"

"I don't understand anything. Life is so strange. I feel like some one who's lived all his life by a duck-pond and suddenly is shown the sea. It makes me a little breathless, and yet it fills me with elation. I don't want to die, I want to live. I'm beginning to feel a new courage. I feel like one of those old sailors who set sail for undiscovered seas and I think my soul hankers for the unknown."

Waddington looked at her reflectively. Her abstracted gaze rested on the smoothness of the river. Two little drops that flowed silently, silently towards the dark, eternal sea. (The Painted Veil)

В приведенном выше контексте в разговоре со знакомым Воддингтоном Китти описывает ощущения своей новой жизни так: «I feel like someone who's lived all his life by a duck-pond and suddenly is shown the sea.» (я чувствую себя так, как будто всю свою жизнь прожила у пруда с утками, и мне внезапно показали море). И далее море характеризуется следующим образом: «The dark eternal sea» (тайное море вечности). Данный контекст можно рассматривать как символ полного изменения характера и преображения души Китти. На протяжении нескольких глав автор показывает становление героини, её отказ от обывательского образа жизни и переход к жизни деятельной (её помощь сёстрам в монастыре во время эпидемии чумы), а также обращение Китти к вере и очищение её души.

The house had been left in charge of the head boy and he opened the door for Kitty. It was curious to go into her own house as though she were a stranger. It was neat and clean. Everything was in its place, ready for her use, but although the day was warm and sunny there was about the silent rooms a chill and desolate air. The furniture was stiffly arranged, exactly where it should be, and the vases which should have

held flowers were in their places; the book which Kitty had laid face downwards she did not remember when still lay face downwards. It was as though the house had been left empty but a minute before and yet that minute was fraught with eternity so that you could not imagine that ever again that house would echo with talk and resound with laughter. On the piano the open music of a foxtrot seemed to wait to be played, but you had a feeling that if you struck the keys no sound would come. Walter's room was as tidy as when he was there. On the chest of drawers were two large photographs of Kitty, one in her presentation dress and one in her wedding-gown. (The Painted Veil)

Как мы видим, описывается дом Китти, в который она вернулась после смерти Уолтера. Особенно интересными для нашего анализа представляются следующие фразы: «to go into her own house as though she were a stranger» (зайти в свой собственный дом подобно незнакомке), а также «that minute was fraught with eternity» (эта минута была наполнена вечностью). Данная сцена символизирует прощание Китти с её прошлой жизнью, в которую больше нет возврата и переход на другую, более высокую ступень жизненного пути.

В романе «Маг» (The Magician) в поворотный момент повествования, когда Оливер Хэддо, маг и колдун, энергетически привораживает Маргарет Денси, красивую молодую женщину, увлекающуюся искусством, и уводит её от жениха Артура Бэрдона, у Маргарет возникают видения:

Then he began to play things she did not know. It was music the like of which she had never heard, barbaric, with a plaintive weirdness that brought to her fancy the moonlit nights of desert places, with palm trees mute in the windless air, and tawny distances. She seemed to know tortuous narrow streets, white houses of silence with strange moon-shadows, and the glow of yellow light within, and the tinkling of uncouth instruments, and the acrid scents of Eastern perfumes. It was like a procession passing through her mind of persons who were not human, yet existed mysteriously, with a life of vampires. Mona Lisa and Saint John the Baptist, Bacchus and the mother of Mary, went with enigmatic motions. But the daughter of Herodias raised her hands as though, engaged for ever in a mystic rite, to invoke outlandish gods. Her face was very pale, and her dark eyes were sleepless; the jewels of her girdle gleamed with sombre fires; and her dress was of colours that have long been lost. The smile, in which was all the sorrow of the world and all its wickedness, beheld the wan head of the Saint. (The Magician)

Древняя музыка, которую играет Оливер Хэддо, пробуждает у Маргарет видение лунных ночей в далеких странах, безмолвных пальм в безветренном воздухе. Ей кажется, сто она знает извилистые узкие улицы, бельё дома, хранящие тишину с причудливыми лунными призраками и сияние желтого света внутри них, она ощущает острый запах восточных благовоний.

Margaret heard the flight of monstrous birds, and they seemed to whisper strange things on their passage. Oliver took her hand. He led her steadily to a cross-road, and she did not know if they walked amid rocks or tombs.

She heard the sound of a trumpet, and from all parts, strangely appearing where before was nothing, a turbulent assembly surged about her. That vast empty space was suddenly filled by shadowy forms, and they swept along like the waves of the sea, crowding upon one another's heels. And it seemed that all the mighty dead appeared before her; and she saw grim tyrants, and painted courtesans, and Roman emperors in their purple, and sultans of the East. All those fierce evil women of olden time passed by her side, and now it was Mona Lisa and now the subtle daughter of Herodias. And Jezebel looked out upon her from beneath her painted brows, and Cleopatra turned away a wan, lewd face; and she saw the insatiable mouth and the wanton eyes of Messalina, and Fustine was haggard with the eternal fires of lust. She saw cardinals in their scarlet, and warriors in their steel, gay gentlemen in periwigs, and ladies in powder and patch. And on a sudden, like leaves by the wind, all these were driven before the silent throngs of the oppressed; and they were innumerable as the sands of the sea. Their thin faces were earthy with want and cavernous from disease, and their eyes were dull with despair. They passed in their tattered motley, some in the fantastic rags of the beggars of Albrecht Dürer and some in the grey cerecloths of Le Nain; many wore the blouses and the caps of the rabble in France, and many the dingy, smoke-grimed weeds of English poor. And they surged onward like a riotous crowd in narrow streets flying in terror before the mounted troops. It seemed as though all the world were gathered there in strange confusion. (The Magician)

В видении Маргарет Денси Оливер Хэддо ведет её в путь, где она не может отличить скалы от надгробий, где громадные птицы шепчут ей о тайнах. Она видит призраки, которые проносятся подобно морским волнам. Маргарет чудится, что она видит жестоких тиранов, разукрашенных куртизанок, римских императоров в пурпурных мантиях и восточных султанов. Перед её внутренним взором проходят Мона Лиза, Клеопатра, Мессалина. Эти картины символически показывают, как колдун овладевает воображением Маргарет, её душой.

The country was grey and barren. There was a broad waste of heath, with gigantic boulders strewn as though in pre-historic times Titans had waged there a mighty battle. Here and there were trees, but they seemed hardly to withstand the fierce winds of winter; they were old and bowed before the storm. One of them attracted his attention. It had been struck by lightning and was riven asunder, leafless; but the maimed branches were curiously set on the trunk so that they gave it the appearance of a human being writhing in the torture of infernal agony. The wind whistled strangely. Arthur's heart sank as he walked on. He had never seen a country so desolate. (The Magician)

В кульминации повествования Артур Бэрдон ищет Маргарет, которая ушла к Оливеру Хэддо. Серая пустошь, где ступает Артур, полна вереска и огромных валунов, как после битвы титанов в доисторические времена. Артур видит старые и согнутые деревья, одно из них привле-

кает его внимание. Артур Бэрдон – врач, блестящий в своей профессии хирург, но у него возникает видение. В дерево ударила молния, листва опала, Артуру кажется, что ветви похожи на человека, мучающегося в адской агонии. Артур сердцем чувствует, что с Маргарет происходит нечто ужасное. Этот отрывок символизирует скорую беду с его невестой.

Итак, в произведениях В. Вульф видение – это сама ткань повествования подобно кружевам, пришитым к платью, его можно рассматривать как символ поэзии, которая может существовать и в прозе и вышшать её. В произведениях У.С. Моэма видение является важным сюжетным ходом, оно символизирует поворотный пункт изменения судьбы героев, либо крушение жизни, либо пробуждение к новой жизни, просветление души.

Литература / Reference

1. *Изотова А.А.* Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 54-58.
2. *Изотова А.А.* Роман С. Моэма «Театр» на занятиях по английскому языку // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 35. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 138-148.
3. *Изотова А.А.* Характер литературных персонажей и идиоматическая фразеология в романе С. Моэма «На острие бритвы» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 36. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 96-99.
4. *Изотова А.А.* Идиоматичность, символизация и аллюзивность в произведениях С. Моэма // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 42. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 74-84.
5. *Изотова А.А.* Аллегии и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 43. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 64-72.
6. *Изотова А.А.* Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 44. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 63-67.
7. *Изотова А.А.* Метафорика «слова», «музыки» и «тишины» в романе В. Вульф «Между действиями» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 56. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 57-62.
8. *Изотова А.А.* Индивидуально-авторские концепты «дерево», «цветок» и «птица» в романе В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 56. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 63-70.
9. *Изотова А.А.* Симфония света и прелюдия тени в романе В. Вульф «К маяку» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 59. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 69-81.
10. *Изотова А.А.* Волны цвета в море времени в романе В. Вульф «Орландо» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 59. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 82-92.

ОБРАЗЫ ЦВЕТКА И ПТИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ВУЛЬФ И А. МЕРДОК

А.И. Изотова

IMAGES OF FLOWER AND BIRD IN THE WORKS OF V. WOOLF AND I. MURDOCH

Anna Izotova

ABSTRACT

The article attempts to analyse images of flower and bird in the works of V. Woolf and I. Murdoch and to compare their use.

Key words: image of flower; image of bird; metaphor; appearance; character; metasemiotic level; symbol

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка рассмотреть образы цветка и птицы в произведениях В. Вульф и А. Мердок и сравнить их использование.

Ключевые слова: образ цветка; образ птицы; метафора; внешность; характер; метасемиотический уровень; символ

Образы цветка и птицы широко используются в произведениях В. Вульф и А. Мердок. У В. Вульф, основательницы так называемой «психологической школы» в литературе, которая передавала мир эмоций и воображения, образ цветка ассоциируется в основном с описанием внешности персонажей, их характеров или состояния героев. Обратимся к рассмотрению примеров.

"Fear no more," said Clarissa. Fear no more the heat of the sun; for the shock at Lady Bruton asking Richard to lunch without her made the moment in which she had stood shiver, as a plant on the riverbed feels the shock of a passing oar and shivers; so she rocked: so she shivered. (Mrs Dalloway)

Потрясение, которое Кларисса Дэллоуэй испытывает, узнав, что известная в их кругу светская дама леди Брутон пригласила на обед её мужа Ричарда без неё, оказывается подобным тому, как от приближающегося весла трепещет растение у русла реки.

There Rezia sat at the table trimming hats. She trimmed hats for Mrs Filmer's friends; she trimmed hats by the hour. She looked pale, mysterious, like a lily, drowned, under water, he thought. "The English are so serious," she would say, putting her arms round Septimus, her cheeks against his. (Mrs Dalloway)

Жена Септимуса Уоррена Смита Лукреция – модистка, шьющая шляпки для дам. После свадьбы она покинула родную Италию и переехала к мужу в Лондон, где ей было очень трудно приспособиться к жизни. Септимус воспринимает героиню, сидящую за работой, как

бледную таинственную лилию, погруженную в воду (“pale, mysterious, like a lily, drowned, under water”).

В приведенных ниже контекстах Элизабет Дэллоуэй, внешне не похожая на мать, прекрасная восточной красотой, метафорически сравнивается то с гиацинтом с бледными бутонами, то с садовыми лилиями, то с лилией у пруда, ср.:

The door opened. Elizabeth knew that her mother was resting. She came in very quietly. She stood perfectly still. Was it that some Mongol had been wrecked on the coast of Norfolk (as Mrs Hilbery said), had mixed with the Dalloway ladies, perhaps a hundred years ago? For the Dalloways, in general, were fair-haired; blue-eyed; Elizabeth, on the contrary, was dark; had Chinese eyes in a pale face; an Oriental mystery; was gentle, considerate, still as a child, she had had a perfect sense of humour; but now at seventeen, why, Clarissa could not in the least understand, she had become very serious; like a hyacinth sheathed in glossy green, with buds just tinted, a hyacinth which has had no sun. (Mrs Dalloway)

And Elizabeth waited in Victoria Street for an omnibus. It was so nice to be out of doors. She thought perhaps she need not go home just yet. It was so nice to be out in the air. So she would get on to an omnibus. And already, even as she stood there, in her very well-cut clothes, it was beginning. People were beginning to compare her to poplar trees, early dawn, hyacinths, fawns, running water, and garden lilies; and it made her life a burden to her, for she so much preferred being left alone to do what she liked in the country, but they would compare her to lilies, and she had to go to parties, and London was so dreary compared with being alone in the country with her father and the dogs. (Mrs Dalloway)

Indeed, the young are beautiful, Sally said, watching Elizabeth cross the room. How unlike Clarissa at her age! Could he make anything of her? She would not open her lips. Not much, not yet. Peter admitted. She was like a lily, Sally said, a lily by the side of a pool. But Peter did not agree that we know nothing. We know everything, he said; at least he did. (Mrs Dalloway)

В некоторых случаях образ цветка у В. Вульф поднимается на философский уровень. В приведенном ниже отрывке показаны философские рассуждения о том, как Лондон поглотил многих молодых людей, подобных Смиту, и как Лондон меняет людей. Возникает метафорический образ садовника, который утром в саду обнаруживает новый цветок на своем растении (“a new blossom on his plant”), и этот цветок вырос из семян тщеславия, честолюбия, идеализма, страсти, одиночества, мужества и лени, ср.:

London has swallowed up many millions of young men called Smith; thought nothing of fantastic Christian names like Septimus with which their parents have thought to distinguish them. Lodging off the Euston Road, there were experiences, again experiences, such as change a face in two years from a pink innocent oval to a face lean, contracted, hostile. But of all this what could the most observant of friends

have said except what a gardener says when he opens the conservatory door in the morning and finds a new blossom on his plant: – It has flowered; flowered from vanity, ambition, idealism, passion, loneliness, courage, laziness, the usual seeds, which all muddled up. (Mrs Dalloway)

Питер Уолш, вернувшийся из Индии в Лондон, любит женское общество. Герою это общество кажется прекрасным цветком, растущим на гребне человеческой жизни (“so splendid a flower to grow on the crest of human life”), ср.:

He could not keep out of smoking-rooms, liked colonels, liked golf, liked bridge, and above all women's society, and the fineness of their companionship, and their faithfulness and audacity and greatness in loving which, though it had its drawbacks, seemed to him (and the dark, adorably pretty face was on top of the envelopes) so wholly admirable, so splendid a flower to grow on the crest of human life, and yet he could not come up to the scratch, being always apt to see round things. (Mrs Dalloway)

Иногда в произведениях В. Вульф можно наблюдать случаи восприятия цветов персонажами, при этом нередко подобное восприятие оказывается связанным с цветообозначением:

Коббет, один из жителей деревни, слышит музыку в словах, для него музыка раскрывает тайны, пробуждает к жизни. Он размышляет о том, как следует наблюдать за цветами и прислушиваться к красному, белому, серебристому и голубому оттенкам, излучаемых ими. Он слышит музыку в беседе деревьев, где шелест листья просит нас о чем-то подобно скворцам, в веселом говоре грачей, ср.:

Here Gobbet of Cobbs Corner who had stooped – there was a flower – was pressed on by people pushing from behind.

For I hear music, they were saying. Music wakes us. Music makes us see the bidden, join the broken. Look and listen. See the flowers, how they ray their redness, whiteness, silverness, and blue. And the trees with their many-tongued much syllabing, their green and yellow leaves hustle us and shuffle us, and bid us, like the starlings, and the rooks, come together, crowd together, to chatter and make merry while the red cow moves forward and the black cow stands still. (Between the Acts)

В сцене, в которой главные герои встречаются в ресторане, красная гвоздика на столе, символ объединения друзей, приобретает оттенки красновато-коричневого, пурпурного, серебристого цветов в зависимости от восприятия каждого персонажа.

We have come together (from the north, from the south, from Susan's farm, from Louis's house of business) to make one thing, not enduring – for what endures? – but seen by many eyes simultaneously. There is a red carnation in that vase. A single flower as we sat here waiting, but now a seven-sided flower, many-petalled, red, puce, purple-shaded, stiff with silver-tinted leaves – a whole flower to which every eye brings its own contribution. (The Waves)

Автор философско-психологических романов и пьес А. Мердок свою главную задачу как автора видит в создании полнокровных характеров. Сложны, однако психологически убедительны все её персонажи, они как бы являются носителями тех или иных философских положений. В трактовке действительности, смысла человеческого существования и отношений между людьми писательница исходит из двух разных, однако парадоксальным образом взаимодополняющих философских систем – неоплатонической и экзистенциалистской. Сквозные темы её произведений – свобода, ответственность, любовь. В произведениях А. Мердок образ цветка нередко появляется для характеристики внутреннего мира персонажа через его отношение к цветку. Такие контексты функционируют на метасемиотическом уровне. Рассмотрим примеры.

Nan said simultaneously, 'Don't bother, please. They would have been lovely, but now don't bother.' Mor knew that she was not interested in the roses. Nan thought on the whole that flowers were rather messy and insanitary things. (The Sandcastle)

Мы сталкиваемся с непривычной сочетаемостью существительного flowers, когда цветы описываются как нечто антисанитарное и грязное, что противоречит стереотипу — представлению о них. Действительно, в английском языке прилагательные insanitary и messy всегда имеют отрицательный характер, например, insanitary conditions, а messy room/business/divorce. Однако автор намеренно сталкивает существительное flowers с отрицательными определениями, чтобы раскрыть сущность характера Нэн, жены Б. Мора, женщины холодной, рассудочной, в высшей степени практичной, так как именно она относилась к живым цветам подобным образом. Тем самым цитированная фраза приобретает метасемиотическое звучание.

Gabriel liked to be fully occupied. She enjoyed housework. She had enjoyed preparing and arranging Stella's room and putting in daffodils.

Stella, lying on the sofa and looking at the way her upturned feet made a bump in the chequered rug, felt altogether alienated from her customary reality, or was perhaps realizing that she had not, and for some time now had not had, any customary reality. She looked past Brian at the tiny garden, the overlapping slats of the fence, some horrible yellow daffodils jerking about in the wind. She very much wanted to cry. She lifted up her head and hardened her eyes and wondered what on earth she, she, was doing in this place among these people. (The Philosopher's Pupil)

Описывается восприятие цветов Габриэль, женой Брайана и Стеллой, женой Джорджа, которую он оставил. Габриэль любит природу, свой дом, и для неё огромным удовольствием является приготовление комнаты для Стеллы и украшение её нарциссами. Стелла же, временно остановившись в доме родственников, совсем по-иному воспринимает цветы: ей желтые нарциссы, развевающиеся на ветру, кажутся ужасны-

ми, что метасемиотически показывает её опустошённость после разрыва с мужем.

She made the beds and tidied Paul's things, with caution, into neat piles. She arranged the wild flowers into a careful bouquet and put them into a tooth mug which she had filched from the bathroom. They looked charming. She wondered what else she could do to make the room look nice.

There was a knock on the door and Mrs Mark came in. Dora jumped, having forgotten all about her.

'So sorry to have kept you waiting,' said Mrs Mark. 'Ready for our little tour?'

'Oh yes, thank you!' said Dora, seizing her jacket which she threw loosely round her shoulders.

'I hope you don't mind my saying so,' said Mrs Mark, 'but we never have flowers in the house.' She looked censoriously at Dora's nosegay. 'We keep everything here as plain as possible. It's a little austerity we practise.'

'Oh dear!' said Dora, blushing. 'I'll throw them out. I didn't know.'

'Don't do that,' said Mrs Mark magnanimously. 'Keep those ones. I thought I should tell you, though, for next time. I feel sure you'd rather be treated like one of us, wouldn't you, and keep the rules of the house? It's not like a hotel and we do expect our guests to fit in – and I think that's what they like best too.'

'Of course,' said Dora, still extremely confused. 'I'm so sorry!'

'You see, we don't normally allow any sort of personal decoration in the rooms,' said Mrs Mark. 'We try to imitate the monastic life in certain ways as closely as we can. We believe it's a sound discipline to give up that particular sort of self-expression. It's a small sacrifice, after all, isn't it?'

'Yes, indeed!' said Dora. (The Bell)

Дора Гринфилд приносит полевые цветы для украшения комнаты в монастыре, ей букетик кажется очаровательным. Но миссис Марк делает её замечание, что в доме никогда не держат цветов, это не отель, а монастырская жизнь; здесь люди придерживаются строгости, аскетизма. Прилагательное *charming* ('очаровательный') в восприятии цветов Дорой противопоставляется отношению к цветам миссис Марк, которое выражается наречием *sensoriously* ('строго, придирчиво') и существительным *austerity* ('строгость, аскетизм').

Образ птицы у В. Вульф в целом характерен для описания внешности, характера или поведения героев. Проанализируем примеры.

В восприятии одной из героинь миссис Дэллоуэй выступает как очаровательная женщина, немного похожая на птицу, сойку ("a touch of the bird around her, of the jay") с голубовато-зеленым оперением, лёгкую и живую, ср.:

She stiffened a little on the kerb, waiting for Durntall's van to pass. A charming woman, Scrope Purvis thought her (knowing her as one does know people who live next door to one in Westminster); a touch of the bird about her, of the jay, blue-green,

light, vivacious, though she was over fifty, and grown very white since her illness. There she perched, never seeing him, waiting to cross, very upright. (Mrs Dalloway)

Кларисса Дэллоуэй мечтает о том, как бы её хотелось походить на величественную леди Биксборо. Но вместо этого героиня обладает забавным личиком с носиком, напоминающим птичий клювик (“beaked like a bird’s”), ср.:

She would have been, in the first place, dark like Lady Bexborough, with a skin of crumpled leather and beautiful eyes. She would have been, like Lady Bexborough, slow and stately; rather large; interested in politics like a man; with a country house; very dignified, very sincere. Instead of which she had a narrow pea-stick figure; a ridiculous little face, beaked like a bird's. That she held herself well was true; and had nice hands and feet; and dressed well, considering that she spent little. (Mrs Dalloway)

Взгляд Клариссы Дэллоуэй, брошенный на Питера Уолша, подобен тому, как птица коснулась ветви дерева, а затем встрепенулась и упорхнула, ср.:

She looked at Peter Walsh; her look, passing through all that time and that emotion, reached him doubtfully; settled on him tearfully; and rose and fluttered away, as a bird touches a branch and rises and flutters away. Quite simply she wiped her eyes. (Mrs Dalloway)

Миссис Дэллоуэй поправилась после болезни, не погибла, подобно тому, как птица припадает к земле (“She could crouch like a bird”), а затем оживает. Данный метафорический образ используется при противопоставлении понятий жизни и смерти – Клариса выжила, а Септимус погиб, покончив с собой, ср.:

Then (she had felt it only this morning) there was the terror; the overwhelming incapacity, one's parents giving it into one's hands, this life, to be lived to the end, to be walked with serenely there was in the depths of her heart an awful fear. Even now quite often, if Richard had not been there reading The Times, so that she could crouch like a bird and gradually revive, send roaring up that immeasurable delight, rubbing stick to stick, one thing with another, she must have perished. She had escaped. But that young man had killed himself. (Mrs Dalloway)

Лукреция Уоррен Смит вспоминает о том, что при знакомстве Септимус показался ей похожим на молодого сокола (“a young hawk”), но с ней он всегда держался очень мягко, ср.:

She knew he was English, though not one of the large Englishmen her sister admired, for he was always thin; but he had a beautiful fresh colour; and with his big nose, his bright eyes, his way of sitting a little hunched, made her think, she had often told him, of a young hawk, that first evening she saw him, when they were playing dominoes, and he had come in — of a young hawk; but with her he was always very gentle. (Mrs Dalloway)

В приведенных ниже контекстах Септимус Уоррен Смит наблюдает за Лукрецией, как следят за порхающей в траве птицей, её ум он воспринимает как перепрыгивающую с ветки на ветку птицу, её улыбка уподоблена сидящей птице, крепко вцепившейся коготками в ветку. В третьем примере Лукреция похожа на маленькую курицу, закрывающую крыльями вход в дом, чтобы не пускать психиатра, расстраивающего её мужа, ср.:

One cannot bring children into a world like this. One cannot perpetuate suffering, or increase the breed of these lustful animals, who have no lasting emotions, but only whims and vanities, eddying them now this way, now that.

He watched her snip, shape as one watches a bird hop, flit in the grass, without daring to move a finger. For the truth is (let her ignore it) that human beings have neither kindness nor faith, nor charity beyond what serves to increase the pleasure of the moment. (Mrs Dalloway)

She held her hands to her head, waiting for him to say did he like the hat or not, and as she sat there, waiting, looking down, he could feel her mind, like a bird, falling from branch to branch, and always alighting, quite rightly; he could follow her mind, as she sat there in one of those loose lax poses that came to her naturally, and, if he should say anything, at once she smiled, like a bird alighting with all its claws firm upon the bough. (Mrs Dalloway)

"My dear lady, I have come as a friend," Holmes was saying.

"No I will not allow you to see my husband," she said.

He could see her, like a little hen, with her wings spread barring his passage. (Mrs Dalloway)

В романах А. Мердок образ птицы нередко поднимается на метасемiotический уровень и может символизировать свободу, судьбу или пробуждение. Так, о символе свободы мы можем говорить в следующих случаях:

Mor turned back into the room. He surveyed the group by the lamp. His eyes still full of the night, he felt detached and superior. Miss Carter was sitting with her legs drawn up under her. Her skirt spread in a big arc about her, and the lamplight falling upon the lower half of it made it glow with reds and yellows. She looked, Mor thought, like some small and brilliantly plumaged bird. (The Sandcastle)

При знакомстве преподавателя школы St. Bride Билла Мора и приехавшей в Англию из Франции для написания портрета бывшего директора названной школы Димойта художницы Рейн Картер она описывается автором как маленькая птичка с великолепным оперением. В словосочетаниях *small bird* и *brilliantly plumaged bird* нет ничего необычного, однако их можно интерпретировать двояко. С одной стороны, Рейн действительно была маленького роста и благодаря одежде и освещению в комнате показалась Мору похожей на птичку с ярким оперением. Но с

другой стороны, из последующих глав романа мы узнаем, что Рейн была подобна птице — свободный художник, а ее великолепное оперение — это огромный талант и те черты ее характера (доброта, понимание, глубина чувств), которые покорили сердце Мора. Таким образом, в данном случае можно говорить о метасемиотической окраске рассмотренных словосочетаний.

'It's useless, Mor,' said Rain. 'What am I doing in your life? I've often wondered this, you know, only I never told my doubts. You are a growing tree. I am only a bird. You cannot break your roots and fly away with me. Where could we go where you wouldn't always be wanting the deep things that belong to you, your children, and this work which you know is your work? I know how I would feel if I were prevented from painting. I should die if I were prevented from painting. I should die.' (The Sandcastle)

Рейн Картер сравнивает Мора с растущим деревом, себя же — с птицей. Оба определения являются метасемиотически насыщенными, в дальнейшем тексте Рейн говорит о том, что Мор не может оторваться от своих корней и улететь с ней. В данном контексте образ дерева символизирует дом, нечто незыблемое, пущенные корни — связь Мора с семьей и работой. Как уже упоминалось, образ птицы связан со свободой художника. Это динамика, постоянное движение, видение мира через призму своего творчества и воображения. Противопоставление определений 'дерева' и 'птицы' свидетельствует о невозможности Рейн и Мора быть вместе.

О символике судьбы мы можем говорить в следующих случаях:

Also in some vague yet evident way Lisa did need looking after. Diana used to generalize about her sister. 'She has somehow missed the bus of life.' 'She is like someone who breaks his bones if he falls over.' 'She has lost the instinct for happiness.' 'She is a bird with a broken wing.' Lisa was graver, gaunter, darker than Diana and was usually taken to be the elder sister. (Bruno's Dream)

Her appalled and frightened imagination could not now inhabit the alternative. Once the dreadful fear of Miles's flight had become less it began to seem to her a far worse and a far more difficult thing to accept their sacrifice. It would have been better to be their victim. That at least would have justified and made endurable the extreme jealousy and resentment which she could not stop feeling, and which she felt undiminished and intensified as she now saw Miles frantic-eyed at Kemps ford Gardens, pacing and shuddering inside the walls of the house like a creature in a cage. For her too the house, the garden, had become utterly changed, a prison, a desolation. He could not expect her to be grateful, even though he had in a sense behaved impeccably. That impeccable behaviour tormented her almost more than anything. The situation somehow demanded her gratitude in a way which humiliated her utterly. How had they spoken of her? She had tried not to watch them. They could have spent the days together outside the house while she, at home, sat waiting for their judgment upon her — 'You can't leave poor Diana.' 'Poor Diana would break her heart.' 'After

all, she is your wife, Miles. She has nothing but you.' 'She is not strong, Lisa, and independent as you are.' How strangely she and Lisa had now changed places. Now it was Diana who was the bird with the broken wing who would ever after be trailing her feathers in the dust. (Bruno's Dream)

В первом контексте описывается отношение Дианы к ее сестре Лизе как к человеку одинокому, несчастному, не приспособленному к жизни. Особый интерес для нашего анализа представляет фраза *She is a bird with a broken wing* ('Она птица со сломанным крылом'). Этот образ, как известно, используется для характеристики сломленного человека.

Во втором контексте автор описывает состояние Дианы после того, как она узнала, что Майлз полюбил Лизу. Ее собственный дом становится для нее похожим на тюрьму, а безупречное поведение мужа, который остался с ней, мучает и унижает ее. Диана и Лиза теперь поменялись местами: *How strangely she and Lisa had now changed places*. Как мы видим, заключает данный отрывок та же фраза, что и в предыдущем контексте – *the bird with the broken wing*. Но теперь она встречается в усилительной конструкции *Now it was Diana who was the bird with the broken wing* ('Теперь именно Диана стала птицей со сломанным крылом'). Кроме того, оживляется номинативное значение слова *bird*, что подчеркивается употреблением таких тематически связанных с ним слов, как *to trail* ('тащить, волочить'), *feathers* ('перья'), *the dust* ('пыль') для характеристики ранимой женщины, которая и в будущем не сможет оправиться от потрясения.

Что же касается символики пробуждения, то она представлена в следующем контексте:

Then Paul said 'Dora.'

As Dora heard her name her eyes closed, and her face wrinkled up in pain. But she kept icily still, scarcely breathing.

'Dora,' said Paul again, 'Dora, is that you?'

Suddenly in the silence that followed another sound could be heard along the wire. For a moment Dora could not think what it was. Then she recognized it as a blackbird singing. The bird uttered a few notes and then was quiet. The telephone box at Imber was downstairs in the hallway by the refectory. The blackbird must be just outside on the terrace. It sang again, its song sounding clear and intolerably remote and strange in the silence after Paul's voice. Dora put the phone down noisily on the table. She went into the kitchen. She looked with a sort of amazement at the collection of food, at the half-open door of the fridge, at her own half-finished drink. She went back and replaced the receiver. (The Bell)

Во время звонка мужа пение черного дрозда кажется Доре Гринфильд невероятно отчетливым, отдаленным и причудливым в тишине после голоса Пола. Это пение словно пробуждает Дору от её мечтаний и флиртов и возвращает её в реальную жизнь.

Итак, говоря о различиях в метафоризации образа цветка и образа птицы в произведениях В. Вульф и А. Мердок следует отметить характерность для В. Вульф использования данных образов для описания внешности, характера или поведения героев и характерность перехода на метасемиотический уровень для А. Мердок, у которой речь идет о символике судьбы, свободы и пробуждения.

Литература / Reference

1. *Изотова А.А.* Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 54-58.
2. *Изотова А.А.* Мотив судьбы в романе А. Мердок «Сон Бруно» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 34. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 75-80.
3. *Изотова А.А.* Аллегории и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 43. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 64-72.
4. *Изотова А.А.* Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 44. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 63-67.
5. *Изотова А.А.* Метафорика «слова», «музыки» и «тишины» в романе В. Вульф «Между действиями» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 56. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 57-62.
6. *Изотова А.А.* Индивидуально-авторские концепты «дерево», «цветок» и «птица» в романе В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 56. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 63-70.
7. *Изотова А.А.* Симфония света и прелюдия тени в романе В. Вульф «К маяку» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 59. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 69-81.
8. *Изотова А.А.* Волны цвета в море времени в романе В. Вульф «Орландо» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 59. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 82-92.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ЛИТЕРАТУРНОСТИ В ЧЕШСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

А.А. Изотов

LANGUAGE SITUATION IN THE CZECH REPUBLIC AND THE EVOLUTION OF THE TERM LITERARINESS IN THE CZECH LINGUISTICS

Andrey I. Izotov

ABSTRACT

The article considers some aspects of the present language situation in the Czech Republic in connection with the evolution of the notion of literariness in Czech linguistics

Key words: language situation; Czech language; standard language; dialect; koiné; stylistics; literariness

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена языковой ситуации в Чешской республике и эволюцию понятия «литературность» в чешской лингвистике.

Ключевые слова: языковая ситуация; чешский язык; литературный язык; диалект; койне; стилистика; литературность

Чешский этнический язык можно рассматривать как некий конгломерат системных «языковых образований» (*чешск. jazykový útvar*), которые выступают в качестве основного средства общения автохтонных жителей Чехии, Моравии и Силезии. Между этими языковыми образованиями много общего, они влияют друг на друга и нередко развиваются в сходных направлениях, однако вряд ли продуктивным было бы пытаться «слить» их в единую систему, подсистема фонем которой (равно как и подсистемы прочих уровней описания языка) была бы равно пригодной для описания и литературного чешского языка, и ганацкого интердиалекта, и оравских говоров, и моравско-словацких говоров, а также прочих многочисленных представленных на названной территории чешских диалектов, ср. [Bělič 1972]. То есть сама возможность подобного описания существует, однако оно было бы, безусловно, слишком сложным для того, чтобы им можно было пользоваться в практических целях. Всякое описание, как правило, предполагает некоторое огрубление и абстрагирование от несущественных для целей данного описания деталей. Поэтому когда в сопоставительных, типологических и прочих «внешних» по отношению к чешскому языковому континууму исследованиях и рассуждениях речь заходит о «чешском языке» (без уточнения типа «в чешском обиходно-разговорном койне», «в

говорах чешско-моравского пограничья», «в тешинских говорах» и т.д.) имеется в виду или, по крайней мере, должен бы иметься в виду **чешский литературный язык**. Например, при рассмотрении истории соотношения фонем <i> и <y> на славянском материале чешский язык должен быть назван в числе тех языков, где данные фонемы совпали в одном качестве, хотя в говорах Силезии и чешско-польского пограничья ситуация иная, см. [Bělič 1972]. Именно чешский литературный язык как основная форма существования чешской нации выполняет функцию национально-представительскую (*чешск. národně reprezentační funkce*).

При всем этом, однако, внутри чешского этнического языка налицо дихотомия «литературный чешский язык» – «нелитературная форма чешского языка», в качестве которой может выступать территориальный диалект (*чешск. teritoriální dialekt*), развившийся на базе территориальных диалектов интердиалект (*чешск. interdialekt*), койне или «обыкновенный» язык (*чешск. kojné = obecný jazyk*), ср. *чешск. čolek obecný – третій обыкновенный* (термин «койне» восходит к греческому κοινή διάλεκτος ‘общий язык’).

Все эти нелитературные идиомы (идиомом мы называем, вслед за [Лингвистический... 1990], любую форму существования языка, если её статус спорен или неважен) так же, как и литературный чешский язык, обладают системной организацией и довольно строгой нормой, см. [Stylistika... 1997: 14].

Дихотомия литературность (*чешск. spisovnost*) – нелитературность (*чешск. nespisovnost*) изначально была связана с различиями письменной и устной речи (*чешск. psaná řeč – mluvená řeč*), о чем, собственно говоря, в чешском языке достаточно явно свидетельствует очевидная близость термина **spisovný** ‘литературный’ с дериватами глагола **psát** ‘писать’, и утвердилась, видимо, уже к XIV веку, когда чешский письменный язык, вытеснив старославянский (*чешск. staroslověnština*) или, в терминологии [Marvan 2015], чехо-славянский (*чешск. českoslověnština*) язык в качестве культурного языка чешских земель, начал успешно конкурировать с латынью и немецким.

Данное противопоставление литературности и нелитературности как противопоставление письменной и устной речи господствовало на протяжении столетий, когда редкостными явлениями были не только творческие акты создания текстов, но и акты «консумации» этих текстов – их чтение немногими грамотеями. Тогда про очень немногих можно было сказать *Mluví jako kniha*, для большинства же подходило другое выражение – *Mluví jak mu zobák narostl*, ср. [Stylistika... 1997: 15].

Положение принципиально изменилась к концу XIX века, когда формальное образование стало доступным весьма широкому кругу но-

сителей чешского языка, в результате дихотомии литературности – не-литературности стала связываться прежде всего с противопоставлением публичной манеры говорить (*чешск. vyjadřování veřejné*) манере приватной, доверительной, фамилиарной (*чешск. vyjadřování soukromé, důvěrné, familiární*). Противопоставление «высокое» – «низкое» (*чешск. vysokost – nízkost*) оказалось замененным противопоставлением «публичная сфера» – «личная сфера» (*чешск. veřejná – soukromá sféra*) с дополнительными атрибутами «формальность» – «неформальность» (*чешск. formálnost – neformálnost*) и «официальность» – «неофициальность» (*чешск. oficiálnost – neoficiálnost*), ср. [Bermel 2010: 27]. Носители чешского языка начинают выбирать те или иные языковые средства по шкале книжных до простонародных и даже вульгарных в зависимости от ситуации общения.

В результате особенностей исторического развития региона за последние несколько столетий в чешских землях возникает ситуация, близкая к классической ситуации диглоссии (*чешск. diglosie*) как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах. И сегодня на большей части территории современной Чешской республики (западные две трети её территории) мы обнаруживаем, с теми или иными оговорками, все основные признаки классической диглоссии в понимании [Ferguson 1972], а именно:

1. Различаются «высокий» (*чешск. spisovná čeština* – ‘литературный чешский язык’) и «низкий» (*чешск. obecná čeština* – ‘собственно-чешское койне’) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно, а часто и невозможно употребление другого.

2. Социальный престиж первого идиома (*spisovná čeština*) высок, социальный престиж второго идиома (*obecná čeština*) низок.

3. Литературный чешский язык соотносится с многовековой литературной традицией: так называемая «Пражская Библия» на чешском языке была напечатана в 1488 году – за 93 года до Острожской Библии Ивана Фёдорова.

4. Обиходно-разговорный чешский усваивается «естественным» путем, то есть через живое общение, литературный чешский усваивается в школе посредством формального обучения.

5. Литературный чешский кодифицирован, обиходно-разговорный чешский не кодифицирован, хотя и характеризуется общепринятой в социуме имплицитной нормой.

6. Сложившаяся чешская диглоссная ситуация достаточно стабильна, во всяком случае, она существует в течение целого ряда поколений.

7. Грамматический строй обиходно-разговорного чешского на синхронном уровне выглядит как упрощённый вариант грамматического строя литературного чешского.

8. Хотя основная часть лексики является общей для обоих идиомов, существует немалое количество лексических вариантов, выбор одного из которых однозначно относит высказывание к литературному чешскому или же к обиходно-разговорному чешскому.

9. Система фонем обоих идиомов идентична или практически идентична (возможны неоднозначные интерпретации фонологического статуса некоторых единиц или их сочетаний).

По наблюдению известного специалиста по славянской диалектологии П. Ивича (серб. *Павле Ивић*), чешский язык с его активно употребляющимся койне (*чешск. obecná čeština*) типологически близок немецкому (с его *Umgangssprache*) и словенскому и противопоставлен другим странам региона. Например, «каждый житель Москвы говорит на литературном русском языке, а не на койне, в Белграде каждый говорит на литературном сербском», ср. [Ivić 1980]. Речь идет, естественно, не о том, что в названных русской и сербской столицах абсолютно все жители выражаются изысканно литературно, а в том, что так называемая русская разговорная речь базируется на той же системно-структурной основе, что и русская литературная речь, поэтому и воспринимаются «извне», то есть со стороны иностранного исследователя, как один язык – в данном случае русский литературный язык. Что же касается чешского литературного языка (*чешск. spisovná čeština*) и собственно-чешского койне (*чешск. obecná čeština*), то они вполне могут восприниматься и нередко воспринимаются как реализации хоть и близких, но разных языковых систем.

С чешским койне (*obecná čeština*) иногда соотносят русское просторечие, см. [Лингвистический 1990], [Нещименко 2003: 86]. Тем не менее, речь может идти лишь о типологическом сближении, но никак не об отождествлении данных идиомов, которое бы противоречило как собственно лингвистическим, так и социолингвистическим критериям.

Во-первых, обиходно-разговорное чешское койне, в отличие от русского просторечья, является системным языковым образованием, характеризующимся языковой нормой, пусть и не такой строгой, как цементирующая кодификацией норма литературного чешского языка, тогда как русское просторечье системным образованием не является.

Во-вторых, круг носителей обиходно-разговорного чешского койне отнюдь не ограничивается людьми с низким уровнем языковой культуры, как у русского просторечья, будь то так называемое «просторечие-1» малограмотных немолодых женщин или же «просторечие-2» малограмотных нестарых мужчин в понимании [Крысин 2000]. К чеш-

скому обиходно-разговорному койне при случае обращается и университетский профессор, и директор музея, и дипломат высокого ранга, потому что такое обращение свидетельствует не о недостаточно высоком образовательном уровне говорящего, а о неформальной обстановке общения. Абсолютное большинство носителей обиходно-разговорного чешского койне являются одновременно и носителями литературного чешского языка, обращаясь к нему в соответствующей ситуации общения, тогда как носитель русского просторечия, даже оказываясь в официальной ситуации, на кодифицированный русский язык не переходит, так как им не владеет.

В-третьих, русское просторечье ограничено устной коммуникацией, и его фиксация в письменном тексте – нечто исключительное, в то время как фиксация обиходно-разговорного чешского койне в современном письменном тексте – вещь вполне обычная, ср. [Изотов 2014], где на основе корпусов современных **письменных** чешских текстов документировано употребление 537 имеющих однословное соответствие в литературном чешском языке однословных же единиц обиходно-разговорного чешского койне, причем у 165 подобных единиц количество документированных контекстов употребления превышает 1000, у 32 единиц – 10 000, а у 7 единиц – 100 000, подробнее см. [Изотов 2017].

При этом на значительной части Моравии, а также в чешской Силезии данная диглоссная ситуация может трансформироваться в полиглоссную за счет местных диалектов, которые вопреки всем прогнозам лингвистов прошлого столетия отказываются исчезать. Отметим появление вполне качественно составленного «Самоучителя опавского языка», одной из задач которого, как отмечается на последней странице обложки, является помочь чеху из другого региона «понять, о чем его местная подружка разговаривает со своей бабушкой» [Slakička 2017].

Тем не менее дальнейшее языковое развитие начинают возникшую диглоссию (полиглоссию) разрушать. В художественной литературе и драматургии появляются тенденции «верности жизни» языковых портретов персонажей, в связи с чем в художественный текст проникают изначально нелитературные элементы. Нелитературные элементы проникают и в сферу публичного дискурса, то есть туда, где ранее их употребление было немислимым – в телевизионные и радиопередачи, в которых приглашенные политики, деятели искусства, драматурги порой пытаются говорить «неофициально». Отметим, что далеко не всем слушателям и зрителям это нравится («Я включила телевизор, чтобы посмотреть насладиться передачей про культуру, а в результате с экрана слышу уличные вульгаризмы»), ср. [Mluvená 2011].

По мнению ведущего британского богемиста Нейла Бермела, для современной языковой ситуации в Чехии больше подходит её характери-

стика как «постдиглоссной» (*чешск. postdiglotická*), поскольку жесткий механизм переключения кодов (*чешск. přepínání kódů*), характерный для классической диглоссии, в современной Чехии перестает работать. Четкая граница между «высоким» и «низким» идиомами заменяется неуклонно расширяющейся «серой зоной», когда выбор и комбинация их элементов подчиняются иным правилам и закономерностям, действовавшие при диглоссии, ср. [Bermel 2010: 27].

В настоящее время дихотомия литературность-нелитературность (*чешск. spisovnost – nespisovnost*) жестко связана с противопоставлением публичности и приватности лишь в немногочисленных «экстремальных» ситуациях общения, таких как дипломатический дискурс (*чешск. diplomatická mluva*), политический документ (*чешск. politický dokument*), прогноз погоды (*чешск. předpověď počasí*), официальный формуляр (*чешск. úřední formulář*) – для публичной речи, и речь подростков – для речи непубличной. В большинстве же ситуаций общения происходит, как правило, интерференция литературного языка с койне, диалектом (территориальным или профессиональным), сленгом – для большей доверительности, антиофициозности. В радио- и телепередачах мы встречаем игру в приватность – перед миллионами слушателей и зрителей и т.д.

Авторы популярного учебника стилистики видят перспективы развития дихотомия литературность – нелитературность в укреплении её связи с тем, что они называют дихотомией «модельного» и «немодельного» способа выражения (*чешск. vyjadřování modelové – nemodelové*), называемыми так в зависимости от того, ориентируется ли говорящий/пишущий при порождении речи на некую «коммуникативную модель» (*чешск. komunikační model*) или не ориентируется. При этом используемый ими термин **komunikační model** не имеет ничего общего с принятым в коммуникативистике (а также в психо- и социолингвистике) термином «коммуникационная / коммуникативная модель» и обозначает «учет структурных, стилистических и коммуникативных норм, который, в соответствии с жизненным опытом участников коммуникации, способствует достижению коммуникативной цели». [Stylistika... 1997: 16-17]. В последующем повествовании упоминаются, например **model důvěrnosti** (букв. модель конфиденциальности), **model racionálnosti** (модель рациональности), **model antioficioznosti** (модель антиофициозности), **model pracovní skupinové výlučnosti** (модель профессионально-групповой исключительности) и т.д.

Литература / Reference

1. *Изотов А.И.* Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики // Язык, сознание, коммуникация. 2014. Вып. 48. С. 5-25.

2. *Изотов А.И.* К вопросу об общенациональном субстандарте в чешском и русском языковых пространствах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2-2 (68). С. 131-134.
3. *Крысин Л.П.* О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. № 5. С. 63-91.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. *Неуцименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. 279 с.
6. *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972.
7. *Bermel N.* O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost. 2010. № 1. S. 5-30.
8. *Ferguson Ch.* Diglossia // Language and Social Structures / Ed. Giglioli P. P. London : Penguin, 1972. P. 232-251.
9. *Čechová M., Chloupek J., Krčmová M., Minářová E.* Stylistika současné češtiny. Praha: ISV Nakladatelství, 1997. S. 14-20.
10. Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš. Praha: Academia, 1997.
11. Encyklopedický slovník češtiny / *Karlík P., Nekula M., Pleskalová.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. 604 s.
12. *Horálek K.* K otázce tzv. vedlejších jazykových funkcí // Slovo a Slovesnost 21, 1960. S. 4-7.
13. *Chloupek J.* Nářečí ve filmu o slovácké vesnici // Naše řeč. 1955. № 7-8. S. 217-221.
14. *Havránek B.* K historické dialektologii // Slovo a Slovesnost [16]. 1955. №3. S. 5-30. S. 153-158.
15. *Ivić P.* Zusammenfassung der Ergebnisse des Internationalen Symposiums 'Zur Theorie des Dialekts' // J. Göschel et al. (eds.) Dialekt und Dialektologie. Beihefte N.F. Nr. 26 der Zeitschrift für Mundartforschung. Wiesbaden, Franz Steiner, 1980. S. 366-383.
16. *Jedlička A.* K problematice jazykové situace // Slovo a Slovesnost 1978. S. 300-303.
17. *Jelínek M.* Kniha o výstavbě textu umělecké prózy // Naše řeč. 1960. Č. 9-10. S. 281-288.
18. *Mareš P.* Metajazyk, metařeč, metatext // Slovo a Slovesnost 44, 1983. S. 123-131.
19. *Marvan J.* Jazyk, jeho český případ. Prvních tisíc let: 800-1800. - Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. - 456 s.
20. *Mitter P.* Stylistika českého jazyka. Ústí nad Labem: Univerzita J.E. Purkyně v Ústí nad Labem, [s.a.].
21. Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. Čmejrková S., Hoffmannová J. Praha : Academia, 2011.
22. *Sgall P.* Chceme spisovnou češtinu ochuzovat a činit nemluvnou? (Na okraj jedné recenze) // Slovo a Slovesnost 51, 1990. S. 60-63
23. *Sgall P.* K některým otázkám naší jazykové kultury // Slovo a Slovesnost 42, 1981. S. 299-306.
24. *Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. Praha: H&H, 1992.
25. *Škalička V.* Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s.
26. Stylistika současné češtiny / M. Čechová, J. Chloupek, M. Krčmová, E. Minářová. Praha: ISV Nakladatelství, 1997. 282 s.
27. *Švehlová-Dvončová J.* Dvě stati A. G. Širokovové o češtině // Slovo a Slovesnost. 1956. № 4. S. 226-230.
28. *Utěšný S.* Lidový jazyk v Stroupežnického „Našich furiantech“ // Naše řeč. 1954. № 3-6. S. 115-123.

1934 – 2016 (Париж)

В 2016 году не стало Людовика Жанвьё, французского поэта, автора романов, новелл, эссе, зимнее имя (Janvier – фр. ‘январь’) которого дважды (2000, 2010) появлялось на страницах «Иностранной литературы». Внук гаитянского писателя и политика Луи-Жозефа Жанвьё унаследовал европейскую внешность от отца, оставшегося неизвестным. Детство свое Людовик провел на островах с кормилицей, позднее переехал к матери в Париж. Подробности их непростых отношений он описал в автобиографическом романе «Исповедь внебрачного сына века» ("La confession d'un bâtard du siècle", 2012 г.). Это название сразу выстраивает диалог с «Исповедью сына века» Альфреда Мюссе. Первую свою книгу «Купальщица» ("La Baigneuse") Людовик Жанвьё опубликовал в 1968 году, но признание пришло к нему только в 80-е годы. Можно смело сказать, что это поэт «нулевых», поскольку за это десятилетие он выпустил 6 книг, столько же, что и за все предыдущие десятилетия вместе взятые. Робер Сабатье замечает, что о Людовике Жанвьё, «как о Реда, можно сказать, что это и прежнее, и новое», без претензии на новомодную приступку нео-. Кстати, именно Реда способствовал первым публикациям Жанвьё, вхождению в литературные круги, знакомству читателей с его творчеством. Людовик Жанвьё впускает в свой стих конкретику деталей: и гонщиков, и велосипеды, и радио, и телезвезд, и веник, и любую мелочь, выхваченную из потока современной жизни острым поэтическим взглядом. Он сканирует мгновение, его впечатление; деталь или неожиданное редкое слово становятся подтверждением аутентичности зарисовки, работы с натуры. В поэзии, помимо верлибра, он возвращается к силлабике, к рифмованным регулярным строфам, к семисложникам и десятисложникам, к регулярной цезуре, как в старые добрые времена. Но подсчет слогов не всегда ведется с прежней строгостью: в чтении автор не заботится о соблюдении всех правил классического произнесения немого «е». Людовик Жанвьё попробовал себя в разнообразных жанрах. Остро ощущая абсурдность современности, он интересуется творчеством Самюэля Беккета, посвящает ему два глубоких эссе, которые не проходят незамеченными для читателей и критиков. Гонкуровскую премию Людовик Жанвьё получил за новеллы. Он говорит о своей работе со словом так: «Я всеми силами стремлюсь верить в слова, только вот что: все думают, что они сделаны для того, чтобы обозначать вещи, а ведь они обозначают их нехватку. Их далёко, если хотите. И это далёко нас отделяет от нас».

La Baigneuse, Gallimard, 1968; Naissance, Gallimard, 1984; La Mer à boire, Gallimard, 1987; Monstre, va, Gallimard, 1988; Brèves d'amour, Gallimard, 1993; Doucement avec l'ange (poèmes), Gallimard, 2001; Une poignée de monde (poèmes), Gallimard, 2006.

Что нового под мостами

Ах, их сбросили в Сене.
Неизвестный

Был день 17 октября. И
все дни до. И все дни после. И трупы
в Сене, и трупы в лесах. Никакого серьезного расследования
не было, никакие меры не были приняты.
Е.А.И.В.

Вы говорите о 17 октября,
а я думаю о 17 октября

1

Париж 61го семнадцатое октября¹ серое время
когда страна садится есть приговаривая вот и осень
а те пришли молча из трущоб и хибар
французские алжирцы сегодня вечером затопили
своей толпой упрямо бульвары им не нравятся
комендантский час он делает из них виновных
решительно слишком много арабов повсюду
Власть отправляет полицейских ищек под все мосты
чтоб нам показать что в Париже порядок
дождь льет на прохожих и будет стучать по каскам
скоро будет лить дождь на крики на кровь

2

На Ахсена Булапуара
избитого потом сброшенного в реку
в одной рубашке и без сознания
темно около Нотр-Дама
от удара приходит в себя пытается плыть
Франция приступает к супу

¹ Демонстрация была назначена на 17 октября 1961 года. Более 40 тысяч арабов, многие с оружием в руках, несли лозунги: «Франция – это Алжир», «Эйфелева башня станет минаретом» и т. п. Сорок лет спустя, 17 октября 2001 года, Бертран Деланоз – мэр Парижа от социалистов, установил памятную доску в память о бойне на мосту Сен-Мишель. Точное число жертв бойни до сих пор варьируется от 70 до 200 человек.

И на Башира Айдуни
схваченного вместе с прочими с теми кто вышел на улицы
кто брошен в холодную воду вот билет им в один конец
от их дуаров до самой Сены
Башир единственный снова на набережной
Франция приступает к сыру

На Хебаша с еще тремя
все упали с моста
в Альфорвиле якобы били
не так сильно поэтому он оправился
братья куда они делись
Франция приступает к десерту

И на четырех рабочих
от Аржантея до Нового
Моста чтобы там бултыхнуться
в черную воду в память
из нас выживет лишь один
Франция сыто рыгает

И на тридцати в Нантерре
торопливыми ударами их били скинули
с моста так называемого Дворца
и на тех пятнадцать что идут ко дну
стрельба по тем кто пускается вплавь
Франция сладко спит

3

Париж земля обетованная для всех мечтателей из алжирских домишек
их Ханаан сегодня вечером в темной воде
они взвыли под дождем закинув руки за голову
их находят руки скручены за спиной они плывут
несколько дней по течению реки
ну и рыбалка клюет так клюет
их вылавливают под мостом Аустерлица
их вылавливают на набережных Аржантея
их вылавливают у моста Безон Франция спит
вылавливают женщину в канале Сен-Дени
дохлые крысы рыбы сверху брюхом башмаки
теперь не одни они плывут со старыми картонками

и обычные утопленники пришли долбиться в сваи
можно сказать что кое что новенькое под мостами
Сена теперь несет по течению арабов
с осколками черного солнца в воде по которой бьет дождь

Ты подметаешь как всегда включив радио на полную мощность
чтобы заполнить пространство и с желанием наказать
несколько голосов довольно грубых вокруг этой стройности
обсуждающих политику и моду и велосипед
с глупыми виолончельными интонациями
после чего отложив метелку обращаясь к утраченному времени
(я-то знаю, я давным давно его столица)
после чего стоя у окна видеть как идет сюда пустяшность
ты улыбаешься лугу причёсанному светом
в горсти гроздь винограда шасла
ягоды отдают малость солнца медленно
чтоб пить прохладными каплями, взрываясь, когда прижимаешь к зубам

Этот липовый чай для всех
впитывают глазами

он заваривается в воздухе
где подвешена осень

зелень света
под деревьями в этот момент

это спокойствие можно пить
на одном дуновении просто так

Переводы Е.Белавиной

Екатерина Белавина
Стихи из сборника «Игрушки слов Флориану»

Игрушки слов. Тяжелые браслеты
Ненужных строк. Спокойная зима.
Как хорошо считать себя поэтом!
Как хорошо все в этом понимать!

Ты – это жизнь. Сегодня – настоящий,
А завтра – лишь набросок, черновик.
В твои страницы вглядываться чаще
И ощущать летящий, шелестящий
Сдвиг образов, едва заметный сдвиг.

Все это звон, лошадкин колокольчик,
И бисер чьих-то лапок на снегу.
Закрывать глаза и вслушиваться дольше,
И удержать так долго, как смогу.

Упасть в любовь, предаться сладкой лени.
Прозрачность неба с золотом вкраплений
Корон деревьев здесь проходит сквозь.

Сквозь нас, сквозь время. Как песок сквозь пальцы,
Я отпускаю память, фальшь и вальсы,
И оживаю в том, что здесь сбылось.

Вращение мечты теряет ось.
И жжёный сахар листьев будто тает,
И радость глупая, но все-таки святая

Меня затопит... растворяюсь... Брось
Мне взглядом теплым горсточку ответов!
Я сохраню их вместо амулетов.

Сирень в сентябре
Хочется сирени в сентябре,
Хочется желание загадать,
Хочется узнать скорей, скорей,
Сколько мне тебя осталось ждать.

Разгадать, каким ко мне придешь,
Любишь ли ты кофе с коньяком
И сидеть в кафе, и слушать дождь,
По асфальту бьющий сплошняком,

Любишь двухэтажные дома
На Таганке – палевые сны?
Здесь еще остался аромат
Старины московской, тишины.

Чувствуешь, как пахнет ”если бы”?
Чувствуешь межсловий легкий сбой?
Я тебе позволю быть любим,
Если мне позволишь быть собой.

По буро-розовым метёлкам,
По зонтикам болотных трав
Путь от невзрачного посёлка -
Ко Спасу на семи ветрах.

Купальням пыльным воробьиным,
Воздушным ваннам вдоль дорог
Ты улыбнись, весёлый инок,
Мы небыль переходим вброд.

Я – статуэтка из слоновой кости,
Стоящая на письменном столе.
Лишь взгляд рассеянный вы бросьте –
Я расскажу вам о земле,
Где каждый вечер к изголовью
Лиловый приносил тимьян,
Где руки мудрые с любовью
Мой хрупкий вырезали стан,
Где дух сказаний древний ярк,
Где путешественников рой...
И одному меня в подарок
Отдали как-то за игрой.
Привез меня, на стол поставил,
А сам уехал в дальний путь...

—

Ведь в этой спешке (Бог избави!)
Всегда забудешь что-нибудь.

Клевер – розовые нити,
Кашки белая меретка.
И закаты – может, снитесь
Вы земле моей безгрешной?

Тонет небо слой за слоем
За древней обветшалой.
Сердце прячется за словом.
Слово сердцу помешало...

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Белавина Екатерина Михайловна – к.ф.н., доцент кафедры французского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Ekanerina M. Belavina – PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Linguistics (Département de linguistique française), Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Бубнова Ирина Александровна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет (Россия, Москва)

Irina A. Bubnova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University (Russia, Moscow)

Изотов Андрей Иванович – д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Andrey I. Izotov – Doctor of Philology, Professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Изотова Анна Александровна – к.ф.н., доцент кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Anna A. Izotova – PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Исмагилова А.Ф. – аспирантка, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (Россия, Уфа)

Alsu F. Ismagilova – post-graduate student, Akmulla State Pedagogical University (Russia, Ufa)

Казаченко Оксана Васильевна – к.ф.н., доцент, Институт гуманитарных наук и управления, Московский городской педагогический университет (Россия, Москва)

Oksana V. Kazachenko – PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Humanities and Management, Moscow City Pedagogical University (Russia, Moscow)

Лазуткина Елена Михайловна – к.ф.н., ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Elena M. Lazoutkina – PhD in Philology, Leading Researcher, V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language (Russia, Moscow)

Левицкий Андрей Эдуардович – д.ф.н., профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Andrej E. Levitsky – Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

Мкртычян Светлана Викторовна – д.ф.н., профессор кафедры теории языка и перевода, Тверской государственной университет (Россия, Тверь)

Svetlana V. Mkrtytchian – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of Language and Translation, Tver State University (Russia, Tver)

Мяжкова Елена Юрьевна – д.ф.н., профессор, Тверской институт экологии и права (Россия, Тверь)

Elena Yu. Myagkova – Doctor of Philology, Professor, Tver Institute of Ecology and Law (Russia, Tver)

Оглезнева Елена Александровна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Россия, Томск)

Elena A. Oglezneva – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk)

Парыгина Ирина Алексеевна – специалист отдела по работе с иностранными обучающимися, аспирант кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Россия, Томск)

Irina A. Parygina – specialist of Department for Foreign Students, post-graduate student, Department of Russian as a Foreign Language, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk)

Чжан Синьянь – магистрант факультета международной коммуникации, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург) (КНР)

Zhang XinYan – master student, Faculty of International Communication, Herzen University (St.-Peterburg) (China)

Яковлева Евгения Андреевна – д.ф.н., профессор, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (Россия, Уфа)

Evgenia A. Yakovleva – Doctor of Philology, Professor, Akmulla State Pedagogical University (Russia, Ufa)

Ян Минтянь – д.ф.н., профессор, факультет русского языка, Шанхайский университет иностранных языков (КНР)

Yang Mingtian – Doctor of Philology, Professor, Faculty of Russian, Shanghai International Studies University (China)

Янь Кай – аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (КНР)

Yang Kai – post-graduate student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (China)

Научное издание

ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ

Выпуск 58

*Сборник научных статей
по материалам конференций
«Полифония большого города – 7, 8»*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием в сборнике «Язык, сознание, коммуникация» в печатном и/или электронном виде

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Подписано в печать 26.11.2018 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 9,25. Тираж 50 экз. Заказ 292.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО "Фотоэксперт", 115201, Москва, ул. Котляковская, д. 3, стр. 13